

НА ГРАНИ ВОЗМОЖНОГО

«СЕРИЯ «НА ГРАНИ КРАХА #7»

КАЙЛА СТОУН

Надвигается последняя битва за Фолл-Крик... и не все сумеют остаться в живых.

Когда враги наступают со всех сторон, выжившие горожане оказываются перед лицом невероятных трудностей.

Спасаться ли им бегством? Или они будут защищать Фолл-Крик, рискуя всё потерять? Некоторые вещи стоят того, чтобы за них бороться и умереть.

Это может быть их последний бой.

Перевод: MonaBurumba

Вычитка: MonaBurumba

Русификация обложки: Хексаны

Джорджу Холлу, реально существовавшему Лиаму, который пожертвовал многим, чтобы защитить беззащитных.

Когда кто-то искренне любит вас, вы обретаете силу, а когда искренне любите вы, то обретаете смелость.

Лао Цзы

Мужайся, дорогое сердце.

Клайв Стейплз Льюис

Глава 1

Лиам

День сто второй

Резкий запах антисептика обжег ноздри Лиамы Коулмана.

Боль была сильнее. Намного хуже.

Он застонал, опустившись на койку и выдохнув от боли в груди. Болело все. На его теле проступили гематомы.

Он положил «Глок 19» и М4 рядом с собой. От его пальцев на белых хлопчатобумажных простынях остались мазки крови. Ему нужно почистить и перезарядить оружие.

— Ты опять! — Эвелин Брукс надела свои латексные перчатки и бросилась к Лиаму. Ее голос звучал строго, она нахмурилась, но не смогла скрыть беспокойства в своих глазах. — Я думала, мы уже говорили об этом.

Он хмыкнул.

— Говорили? Я не помню.

Эвелин проверила его пульс на руке и ногах.

— Никаких боев. Никакого спасения мира, пока твои раны не заживут. Помнишь тот разговор? Кажется, мы говорили об этом несколько раз.

— Я настаиваю на уважительной причине. — Он не стал напоминать, что она присутствовала в доме Молли, когда он ушел спасать Квинн. Эвелин знала, куда он направляется.

Судя по ожесточенному выражению лица, сейчас не лучшее время об этом говорить.

Вместо этого он скривился и отстранился, когда она потянулась к его окровавленной одежде, чтобы проверить огнестрельную рану. Он уже знал, что рана снова открылась. И понимал, что это проблема.

— Лиам Коулман, не дергайся и перестань вести себя как большой ребенок. Мне нужно тебя осмотреть.

Несмотря на кровоостанавливающие гранулы и повязки, которые он наложил в полевых условиях, кровь продолжала течь по его ребрам. А позвоночник чувствовал себя так, будто его лягнула лошадь.

Лиам указал подбородком на дверной проем.

— Сначала ее осмотри.

Шестнадцатилетняя Квинн Райли хромала в импровизированный медицинский отсек, созданный из нескольких классных комнат в средней школе Фолл-Крик. Парты поставили в одном углу, шкафы стояли вдоль стены, керосиновые фонари располагались на тумбах рядом со стопками бинтов.

Ханна Шеридан обняла Квинн за плечи, ведя ее к пустой койке напротив Лиама. Призрак рысил рядом с ней, прижимаясь плечом к ее бедру, словно поддерживая.

Как только Ханна уложила Квинн на койку, Призрак прошелся по грязному ковру и прижался мордой к колену Лиама. Его длинный пушистый хвост стелился по полу.

Горный пиренейский пес был огромным, размером с небольшого пони, сто сорок фунтов крепких мышц под густой белой шерстью. Он жалобно скулил, словно одновременно сожалея о том, что пропустил битву, и беспокоясь о благополучии своих подопечных.

Лиаму потребовалась вся оставшаяся у него энергия, чтобы поднять руку и погладить пира по массивной голове.

— Все в порядке, мальчик. Мы справились.

Чудом. Но он не произнес этого вслух.

Призрак наострил уши и наклонил голову, умные карие глаза смотрели на Лиама так, что можно подумать, он ни на секунду не поверил Лиаму.

Эвелин прошла через комнату к Квинн и склонилась над ней, проверяя жизненные показатели с резкой, бесстрастной точностью. Ее подготовка медсестры скорой помощи взяла верх, и лицо Эвелин ничего не выражало, пока она оценивала травмы Квинн.

Она проворчала:

— Вижу, берешь пример с Лиама.

Квинн не ответила. Опустив голову от боли или стыда.

В палату вбежал Шен Ли с аккуратной стопкой белых полотенец в руках. Взволнованный, медбрат перевел взгляд с Квинн на Лиама.

Они выглядели так, будто только что вернулись с поля боя. Что собственно можно считать правдой.

— Что случилось...

— Нам нужно больше антисептика, — скомандовала Эвелин.

— У нас заканчивается...

— Тогда принеси мне соль. И чистую воду. Нам нужно промыть и продезинфицировать раны.

Она набросала список необходимого. Ли кивнул один раз и выскользнул из дверного проема.

— И приведи Бишопа, — кричал ему вслед Лиам.

Морщась, он повернулся Квинн. Беспокойство сковало его внутренности. Не за себя, а за свирепую девочку-подростка, которую он вытащил из штаб-квартиры «Вортекс».

Квинн лежала на койке, опустив голову, спутанные сине-черные волосы свисали ей на лицо. Кровь пропитала ее рваную, грязную одежду. Губа была рассечена, кольцо для губ вырвано, кровь все еще стекала по подбородку. И она порезала ладонь ножом, которым убила Саттера.

Ей досталось по самое не могу, и даже больше.

— Не хотела бы я столкнуться с тем человеком, — сказала Ханна.

Узкие плечи Квинн напряглись.

— Тот человек мертв.

Ханна и Лиам обменялись мрачным взглядом. Свои шоколадно-каштановые волосы Ханна собрала в практичный хвост. На ней были джинсы с большой ковбойской пряжкой и безразмерная коричневая куртка, в правом кармане которой виднелась выпуклость пистолета.

Для Лиама она выглядела такой же красивой, как и всегда.

Ханна не взяла с собой Шарлотту или Майло. Они наверняка с мужем Эвелин Тревисом, который относился к племяннику Лиама, ЭлДжею как наседка. Бруксы взяли под свое крыло и детей Ханны.

— Саттер, — проговорил Лиам. — Квинн убила Саттера.

Кожа Ханны побледнела, ее зеленые глаза потемнели от беспокойства и ярости. Лиам разделял ее чувства.

По крайней мере, Квинн устранила подонка. Лиам своими глазами видел труп Маттиаса Саттера на складе «Вортекса».

Оставшись в меньшинстве, они с Квинн пробивались наружу, сражаясь и с полусумасшедшей бандой нигилистов под предводительством Ксандера Торна, и с внезапным нападением частного военизированного отряда.

Они сильно пострадали, но выжили.

Благодаря помощи Джеймса Лютера, который обеспечил прикрытие и уничтожил группу вооруженных наемников, собиравшихся их перебить.

Лютер, тот самый бывший ополченец, который поджег дом Ноа, со спящим в нем Майло. Тот самый человек, который стал информатором и помог им победить ополченцев.

Лиам тоже презирал его, но Лютер спас им жизнь. Не зная, что с ним делать, Лиам спрятал его в безопасном месте за пределами Фолл-Крика.

Но с этим придется разбираться позже. У них имелись более насущные проблемы.

Ли вернулся с кувшином стерилизованной воды, упаковкой соли и стопкой бинтов и поставил все это на тумбу. Он достал медицинские принадлежности из шкафов, которые соседствовали с мензурками, чашками Петри и микроскопами для занятий по естественным наукам. В воздухе запахло бетадином и отбеливателем.

— Что-нибудь сломано? — Ханна спросила Эвелин. — С ней все будет в порядке?

— Проверь ее ребра, — подсказал Лиам.

Эвелин бросила на него раздраженный взгляд.

— Уже проверила. Я медицинский работник, как тебе известно. — Она закончила осмотр. — Квинн, тебе чрезвычайно повезло. Никаких сломанных ребер. Несколько глубоких гематом и рваных ран, о которых нам придется позаботиться, включая твою руку.

Ли принес с тумбы все необходимое. Он протянул Эвелин пакет с водой.

— Это самодельный физраствор, — объяснила она. — Мы будем использовать его, чтобы промыть ваши раны, удалить мусор и бактерии и подавить их рост. Соль вытягивает влагу из бактерий, что уничтожает их.

С помощью чистого ногтя она проколола отверстие в емкости и надавила, используя узкую струю соленого раствора, чтобы очистить порезы на руке Квинн.

Квинн вздрогнула.

Эвелин похлопала ее по плечу.

— Тебе нужно отдохнуть и восстановиться. Ты понимаешь?

Уныло, Квинн кивнула.

— И ты, — предупредила Лиама Эвелин. — В кои-то веки ты должен проявить благоразумие...

Из коридора донесся шум. Послышались голоса. Быстрые шаги.

У Лиама участилось сердцебиение. Не обращая внимания на вспышку боли, он потянулся за своим «Глоком».

Глава 2

Лиам

День сто второй

Стакато ударов трости эхом отдавалось от кафельного пола.

— Где она?

Ли попытался заблокировать дверь.

— Молли, вы не должны видеть ее в таком состоянии...

— Не смей указывать мне, что я могу делать, а что нет! — огрызнулась Молли. — Попробуй остановить меня и увидишь, что произойдет. Я гарантирую, что появится труп! Уточняю, твой труп!

Лиам выдохнул и разжал руку на пистолете.

Молли оттолкнула Ли, который вскинул руки в знак поражения и отступил назад.

— Да, мэм.

Старуха, ковыляя, вошла в комнату, трость шлепала по полу, острые голубые глаза смотрели с морщинистого лица.

Ли со смущенным выражением следовал за ней.

Молли увидела Квинн и побледнела. Она резко, испуганно вздохнула.

— Ох.

Вероятно, она планировала устроить королевскую взбучку, чтобы поставить непокорную внучку на место. Но ужасающего вида избитой, окровавленной Квинн оказалось достаточно, чтобы у кого угодно язык отнялся от жалости. Даже у Молли.

Квинн подняла голову и посмотрела сквозь свои спутанные волосы. Смесь ужаса, вины и тоски окрасила ее распухшие черты.

— Бабушка. — Ее лицо сморщилось. — Я... я не хотела... прости.

— Тише, девочка. — Трость Молли упала на пол. Она стряхнула с плеч «Моссберг 500», прислонила его к стене и зашаркала к внучке.

Молли наклонилась вперед и взяла изуродованное лицо внучки в руки с невероятной нежностью, как будто держала хрупкого птенца.

Прежде чем она успела что-то сказать, в дверной проем вплыла громадная фигура

Аттикуса Бишопа, отчего его пышная шевелюра казалась еще больше. Днем — пастор церкви Кроссвей на Мейн-стрит, ночью — суперсолдат.

— Где моя девочка? — прорычал он.

В комнату ввалились еще три фигуры. Дейв Фаррис, владелец гостиницы «Фолл-Крик», любитель радиосвязи и член городского совета, и Хосе Рейносо, новый начальник полиции Фолл-Крик. Он был тихим и скромным, твердым как скала.

Саманта Перес стояла позади них, ее короткие черные волосы были убраны за уши, а на лице застыла обиженная гримаса. Форма правоохранительных органов на ней помялась, а на бронзовой коже проступила усталость.

На мгновение в медицинском отделении воцарилась мертвая тишина, пока все переживали шок от состояния Квинн.

Дейв снял зимнюю шапку и повертел ее в руках. Его теплая улыбка не померкла, хотя обветренное лицо немного потеряло цвет.

— Мы очень волновались за вас обоих.

Перес, никогда не отличавшаяся сдержанностью, прямо спросила, о чем все думают.

— Что, черт возьми, случилось?

Запинаясь, Квинн рассказала им. О встрече с Ксандером Торном и его сумасшедшей бандой нигилистов в лесу. Как она мельком увидела Маттиаса Саттера. О ее опрометчивом решении пойти за ними и убить его самой.

Как Саттер одержал верх и вывел ее из игры, хотя они оба оказались в импровизированной тюремной камере Ксандера. Нападение на склад.

Их побег, когда она сражалась бок о бок с убийцей. Как Саттер напал на нее, и она ударила его ножом.

Все слушали в восторженной тишине.

— Как вы узнали, где меня найти? — спросила Квинн.

— Майло, — просто ответила Ханна.

Вздвогнув, Квинн закрыла глаза и кивнула.

— Ты довела меня до гребаного сердечного приступа, — проворчала Молли. — Я могла, черт возьми скопытится от беспокойства. Повезло, что у нас такие хорошие друзья, которым не начхать на твою бестолковую жизнь. Простите мою грубость, пастор. Не думайте, что это само собой разумеющееся.

— Я знаю, — проговорила Квинн сквозь разбитые губы.

Молли ткнула усохшим пальцем в Лиаму.

— Это относится и к тебе, большой солдат.

Бишоп покачал головой, в его глазах читалась вина.

— Мне следовало пойти с тобой.

Лиам махнул усталой рукой.

— Я просил тебя оберегать их. Они в безопасности. Ты сделал все, что требовалось.

— И все же, ты не должен был идти один. Ни один солдат никогда не должен оставаться один. Мне стоило прикрывать твою спину.

Лиам пожал плечами. От такого внимания ему стало не по себе. Когда он служил в отряде «Дельта», у него всегда была команда братьев. Его армейское подразделение постоянно прикрывало его спину.

Однако за прошедшие годы...

До Коллапса он стремился к изоляции, прячась в своем поместье на севере Мичигана.

Это казалось проще и безопаснее.

«И ты потерял цель, радость или смысл», — напомнил ему голос в его голове.

Здесь Лиам их снова нашел. Здесь он нашел Ханну.

— Мы добрались до дома. Это главное.

— Они правы, — заметила Эвелин. — У вас обоих есть люди, которым не все равно, что с вами происходит. Самоубийство во имя славы никому не поможет.

Она передала чистые повязки Ханне, чтобы та закончила перевязывать ладонь Квинн, и вернулась к Лиаму. Расстегнув пуговицы на его рубашке, она освободила его от нее.

Холодный воздух ударил ему в грудь, кожа покрылась мурашками. На его торсе виднелись старые шрамы — порезы от ножей, круглые белые пятна от пары пуль, рельефные утолщения от осколков на бицепсе и левом верхнем ребре.

Эвелин велела ему лечь на спину, сдирая пропитанные гноем и кровью бинты с его левой нижней стороны.

Нахмурившись, она указала на красную рану от последнего огнестрельного ранения.

— Ты можешь умереть от инфекции так же легко, как и любой другой парень. Поэтому дай себе время вылечиться. Больше никаких геройств.

— Я согласен, — ответил Лиам. — Но, боюсь, это невозможно.

— Почему? — спросила Перес.

— Квинн рассказала еще не все.

— Разве может быть что-то больше? — удивился Дейв.

Рейносо не сводил с Лиамом пристального взгляда, уже ожидая худшего.

— Выкладывай.

— Синклеры, — произнес Лиам. — Есть еще один.

Глава 3

Ханна

День сто второй

Сердце Ханны учащенно забилося в груди и в ушах. Тревога сковала все тело.

— Что ты имеешь в виду?

— Они называют его Генералом, — ответила Квинн. — Или, по крайней мере, Саттер так называл. Его зовут Байрон Синклер. Он отец Розамонд Синклер. И он знает о нас.

Все в шоке уставились на Квинн.

Ее голос задрожал.

— Он знает, что мы убили Розамонд.

Хотя пропановый обогреватель согревал комнату, холод высасывал тепло из тела Ханны. На секунду все вокруг помутнело и отдалилось.

Она резко вдохнула и заставила себя остаться в настоящем, чтобы понять, что это значит — угроза, нависшая над ее семьей и домом.

— Можем ли мы вообще доверять Саттеру? — спросил Рейносо.

— У Саттера не было причин лгать, — отозвалась Квинн. — Он решил рассказать об этом, чтобы помучить меня. Он не думал, что я выберусь оттуда живой. — Она вздернула подбородок. — Но я все же выбралась.

Ханна стерла запекшуюся кровь с лица Квинн. Ее руки дрожали; она прикусила губу и усилием воли заставила их успокоиться. Ей нужно думать, сохранять ясность ума и сосредоточенность.

— Что именно он сказал?

— Что губернатор Мичигана дал ему небольшую армию. Он должен справиться с какой-то угрозой в Иллинойсе...

— Александр По, — уточнил Лиам.

— Но сначала он собирается прийти сюда, чтобы отомстить.

— Когда? — спросил Рейносо.

Квинн не отрывала взгляда от ковра.

— Саттер сказал, что через пару дней, но кто знает.

Рейносо выругался.

— Кто сказал, что мы не можем попытаться образумить его? — спросил Ли.

— Как мы пытались вразумить Розамонд? — заметила Перес. — Это так здорово получилось.

— Скажем ему, что мы не имеем никакого отношения к смерти его дочери. — Ли бросил виноватый взгляд на Бишоп. — Не обижайтесь, пастор. Я знаю, что это ложь, но что еще нам остается делать?

— Ничего, — согласился Бишоп. — Я понимаю необходимость обмана, когда сталкиваешься с таким врагом, как этот. Вот только я сомневаюсь, что это сработает. Весь юго-западный Мичиган знает, что Фолл-Крик разгромил ополчение и положил конец Розамонд. Это не секрет.

Большинство людей предполагали, что это Лиам совершил преступление. На самом деле это Ханна и Квинн противостояли суперинтенданту и вышли победителями.

Ханна не видела причин поправлять людей. Кроме того, у Квинн и без того хватало забот.

— Мы предполагаем, что он такой же плохой, как и Розамонд, — сказал Ли. — А что, если это ошибка?

— А что, если он еще хуже? — произнёс Бишоп. — Разве это не более вероятно?

Шен Ли не увидел Розамонд настоящей. Сначала он поддерживал ополченцев, и еще долгое время после того, как ему не следовало этого делать.

— Каждый член этой семьи отравлен. — Ханна перевела взгляд на Ли. — Гэвин Пайк был психопатом-убийцей. Джулиан — интриганом-пособником. Розамонд — эгоистичным, манипулирующим тираном.

— Можно предположить, что отравленные яблоки упали недалеко от дерева, — заметил Бишоп. — Если генерал и есть дерево...

— ...то нам грозит куча проблем, — закончил Дейв, кровь отхлынула от его лица.

Ханна продолжала смотреть на Ли. Смутившись, он опустил глаза, его щеки покраснели.

— Мы должны предположить, что он представляет собой реальную угрозу, как утверждает Саттер, — отметил Лиам. — Пока не получим достоверных данных об обратном, мы противостояем самой серьезной угрозе нашей безопасности, с которой еще не сталкивались.

Лиам отмахнулся от Эвелин, как от надоедливой осы, и сел. Не обращая внимания, она отбросила его руку в сторону и вернулась к работе, обрабатывая рану.

Мысли Ханны вихрем проносились в голове. Ее мозг продолжал искать другое объяснение, выход. Но его просто нет.

— Мы думали, что с ней все закончилось, — сказала Молли с легкой дрожью в

голосе. — Все должно было закончиться.

— С момента Коллапса никогда ничего не заканчивалось, — возразил Лиам.

Ханна вздрогнула, ей вдруг стало холодно. Он не ошибся.

Три с половиной месяца назад ЭМИ-атака уничтожила страну. Серия одновременных ядерных взрывов на большой высоте вызвала электромагнитный импульс, который разрушил энергосистему на большей части континентальной части Соединенных Штатов.

Он поджарил электронные системы в автомобилях, самолетах, ноутбуках и телефонах, даже многие генераторы новейших моделей.

В тот первый день погибли десятки тысяч людей. Города захлестнули пожары, взрывы упавших самолетов и массовые столкновения автомобилей.

Последующие недели проходили в ужасе. Жестокая зима убила миллионы людей от переохлаждения, голода и болезней, вызванных плохими санитарными условиями и испорченной водой. Сотни тысяч слабых в медицинском отношении людей погибли без доступа к аппаратам и важнейшим лекарствам, которые поддерживали их жизнь.

И насилие. Люди убивали друг друга за банку бобов или пузырек антибиотиков. Банды и картели боролись за господство в вакууме власти, оставленном бессильными местными и государственными структурами.

— Зло трудно искоренить, — посетовал Бишоп. — Оно прорастает повсюду. Отрубишь одну голову, другая появляется в новом месте. С крахом цивилизации те, кто имеет злые намерения, стали более смелыми. Они считают, ничто не может помешать им делать все, что они пожелают.

— Я их остановлю, — заявил Лиам.

— А если он придет с сотнями вооруженных людей? — спросил Рейносо. — Настоящих солдат. Это далеко не кровожадная банда необученных ополченцев. Мы говорим о военных. Мы не можем этому противостоять.

— Что нам делать? — спросила Молли. — Какой план?

— Мы можем сбежать? — спросил Дейв. — Собрать наших людей и бежать из Фолл-Крика?

— И куда бежать? — спросил Лиам.

— Соседние города...

— Попадут под его прицел, — закончил Бишоп. — И мы не будем в большей безопасности с ними.

Перес покачала головой, темные глаза сверкнули.

— Как будто они вообще согласились бы нас приютить. Я сомневаюсь в этом. Особенно после того, как нас бросил Общественный Альянс.

— Тогда мы пойдем дальше, — сказал Ли без убежденности. Кровь отхлынула от его лица. Он выглядел таким же больным, как и Ханна.

— На каких машинах? — спросила Ханна. — У нас есть только несколько рабочих грузовиков, тракторов и квадроциклов. Для тысячи человек этого недостаточно.

— Это практически неосуществимо, — добавил Лиам. — У нас закончится топливо и еда. Мы просто умрем с голоду.

— Я не уйду, — заявила Молли. — Это мой дом. До меня это был дом моего отца. Я провела в нем сорок лет со своим мужем. Я ни за что не отдам мой дом кучке придурков с оружием.

— Тогда как мы можем защитить себя? — спросил Ли.

— Сколько человек? — Бишоп положил одну руку на пистолет, спрятанный в кобуре под кожаной курткой. Как будто хотел противостоять этому новому врагу в ту же секунду. — Насколько хорошо обучены? С каким оружием? Будет ли у них военное снаряжение? Печать одобрения правительства? С чем мы здесь столкнулись?

— На все эти вопросы ответы нам нужны были еще вчера, — произнес Лиам.

— Когда это закончится? — спросила Квинн.

— Когда мы покончим с этим, — ответила Ханна с большей убежденностью, чем чувствовала. — И мы это сделаем.

Бишоп положил руку ей на плечо.

— Ханна права. Мы встретим эту угрозу вместе. Мы разберемся с ней. Мы всегда это делаем.

Несмотря на храбрые слова, по ее позвоночнику пробежала дрожь ужаса. Холод проник в ее плоть, холод, от которого она не могла избавиться.

Зло, терзающее этот город, еще не погасло.

Ханна не могла представить этого генерала человеком из плоти и крови, скорее безликой тенью, чудовищем из кошмаров.

Еще один Синклер, восставший, как призрак из пепла, угрожающий всему, что ей дорого. После всего, через что они прошли, после всего, что они вынесли.

Поморщившись, Лиам поднялся, прижав одну руку к перевязанному боку.

— Сядь на место, — приказала Эвелин.

— Нет времени, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Эвелин хлопнула в ладоши.

— Ладно, на сегодня хватит. У меня есть два пациента, которым нужен отдых.

— Позже, — пробурчал Лиам. — Я не могу отдыхать...

— Сегодня ты отдыхаешь. — Эвелин повысила голос, ее челюсть сжалась. Ей не нравилось его поведение. — Отдавай приказы Бишопу, или Рейносо, или Дейву, Аннет, или Перес. У тебя есть дюжина людей, готовых выполнить любые твои просьбы.

— Лиам, — сдавленно произнесла Ханна.

Эвелин очистила, зашила и закрыла его рану, намотав свежую повязку на туловище, но не раньше, чем Ханна увидела, как от раны разрастается кроваво-красная инфекция и ползет наружу яркими алыми и пурпурными полосами.

Она почувствовала кислый привкус страха в горле. Эвелин не преувеличивала: в этом мире, где нет скорой помощи и больниц, вышедшая из-под контроля инфекция означала катастрофу.

Лиам продолжал упорствовать и действовать. Непременно что-то должно было поддаться. Что-то должно сломаться.

Она понимала, зачем ему понадобилось искать Бруксов, а потом Квинн, но это не означало, что Ханна не волновалась. Это не значит, что возможные последствия не настолько ужасны.

Долгое мгновение он смотрел на нее, эмоции боролись на его суровом лице.

Яростная привязанность сжала ее грудь. Пусть Лиам не носил титул, но он оставался их лидером. Тот, от кого они все зависели.

Он знал это и с готовностью нес это бремя. Но он не мог отказаться от него по собственному желанию. Это было заложено в нем, это часть его самого. Он хотел их защитить.

И это взаимно. Они тоже могли позаботиться о нем.

Если Лиам научится им это позволять — позволять ей.

Словно почувствовав напряжение в комнате, Призрак поднял голову и негромко протяжно завыл. Он прижал уши и заскулил еще печальнее.

— Все в порядке, мальчик, — успокаивала Ханна. — Все мы согласны, теперь. Правда? Бишоп шагнул вперед.

— Скажи мне, что делать, брат.

Покорившись, Лиам опустил обратно на койку, мрачно хмурясь. Сдаваться — не в его характере.

— В моем рюкзаке лежит карта Мичигана. Принеси ее мне. Нам нужно подготовиться. Сейчас мы слепы и уязвимы. Необходимо послать наблюдателей на север, чтобы они предупредили нас о том, что приближается. Оборона Фолл-Крика начинается сейчас.

Глава 4

Квинн

День сто третий

Квинн пробиралась по мокрому, полурастаявшему снегу. Каждое движение приносило боль и ломоту. Все ее тело покрывали синяки.

На краю парковки она замешкалась. Прохладный воздух охлаждал ее щеки.

По небу неслись плотные серые облака. Температура держалась на уровне четырех градусов. После того, как несколько месяцев подряд холод от ветра достигал отрицательных двузначных цифр, это даже приятно.

Бодрящий ветер трепал ее волосы. Квинн была в куртке, AR-15 перекинута через плечо, одна рука засунута в карман, пальцы сомкнулись над рогаткой.

Порезы на ее ладони болезненно ныли сквозь бинты, пульсируя вместе с биением ее сердца, с ее горем, сожалением и гневом.

Ей хотелось во что-нибудь выстрелить. Или свернуться в клубок и реветь целый век. Или и то, и другое.

Она стояла на заднем дворе церкви Кроссвей. Каменный шпиль церкви возвышался над ней на углу Мейн и Риверсайд-роуд. Фанера закрывала разбитые витражные окна.

Три месяца назад она, пошатываясь, вышла из этого здания, обливаясь чужой кровью, с маленькой дрожащей рукой Майло в своей.

Квинн вытащила Майло из самого ада.

— Можешь подойти поближе, — раздался глубокий голос. — Нет нужды красться.

Квинн вздрогнула. Она думала, что одна. Она ведь такая супершпионка.

В нескольких ярдах от парковки Аттикус Бишоп стоял на коленях под группой бесплодных кленов. Погруженная в свои мысли, она не заметила его присутствия.

Перед ним из трех курганов земли возвышались три деревянных креста — один большой, два поменьше. Каждый крест примерно в три фута высотой представлял собой конструкцию из скрепленных гвоздями брусьев.

Все еще стоя на коленях, Бишоп повернулся, чтобы посмотреть на нее. Он склонил свои широкие плечи, его лицо посерело от усталости и печали. Две мокрые дорожки вели по его щекам в щетинистую бороду.

Он плакал. Оплакивал свою погибшую семью.

Квинн вторглась в его владения. Ей не следовало приходить.

Она сглотнула, ее рот пересох как пустыня.

— Я не кралась. — Хотя и кралась. Вроде того. — Я пойду...

— Нет. — Бишоп вытер покрасневшие глаза тыльной стороной руки. Его лицо прояснилось, и он улыбнулся. — Пожалуйста. Я хочу, чтобы ты осталась.

Бишоп никогда не относился к ней иначе, чем с добротой. Квинн не могла ему отказать.

Она снова взглянула на кресты, затем оцепенело кивнула.

— Не смогла удержаться, да? — Бишоп хотел пошутить, но шутка не удалась.

Квинн не знала, что влекло ее сюда, к месту, о котором ей снились кошмары. Она шла сюда, как мотылек на пламя.

В свежем воздухе отчетливо ощущался запах свежей краски. Оглядевшись, она заметила несколько пустых банок, стоящих у боковой двери, ведущей в недавно открывшуюся кладовую, а также стопку брусков два на четыре, ведро с гвоздями и забрызганный краской брезент.

Рулоны потрепанного ковра стояли у наружной стены. Пятна крови просочились сквозь основу ковра.

Ее взгляд метнулся в сторону, сердцебиение участилось. Она подняла большой палец и указала за спину.

— Ты ремонтируешь церковь.

Бишоп наморщил лоб.

— Я не мог оставить ее в таком состоянии. Божий дом, место успокоения. Мне казалось, что он... осквернен. Я восстанавливаю то, что могу. Людям нужно место для поклонения. Чтобы исцелиться. Мне это тоже нужно.

— О.

— Я как раз заделываю пулевые отверстия. Если хочешь, можешь помочь.

Ее желудок сделал кувырок. Квинн не думала об этом. Черт, она была уверена, что больше никогда не захочет переступить порог Кроссвей.

— Может быть, позже.

— Я бы не отказался от такой компании. Конечно, решать тебе.

Многое произошло после бойни. Но яркие сцены все еще отдавались эхом в самых глубинах ее сознания — ужасные крики, треск пулеметных очередей. Страх, как тиски, сжимал ее горло, вкус ужаса — как медный грош на языке.

Рэй Шульц и его выпученные, полубезумные глаза, когда он открыл огонь по алтарю церкви. Билли Картер, психопат-детоубийца, убийца семьи Бишопы. Октавия, ее мать-наркоманка, которая в конце совершила единственный хороший поступок — спасла Квинн от Билли.

Убийство невинных людей спровоцировало события, которые привели к ополчению, казням, тирании и страху, что неизбежно закончилось разборкой с Розамонд и смертью Ноа.

Квинн встретила взгляд Бишопы и увидела в его глазах тени сожаления и потери. Он заново переживал ту же ночь.

Он видел, как они умирали. Дочери, которых Квинн не смогла спасти, жена, которую он не уберег.

Они вместе пережили эту ужасную историю. Майло не настолько взрослый, чтобы понимать, как делали они. Чтобы жить с кошмарами, как во сне, так и наяву.

Возможно, именно поэтому она пришла, движимая чувством вины и стыда.

Бишоп понимал, что здесь произошло. Он пережил это. И он любил Ноа; он тоже

потерял друга.

Может быть, он поймет и про Саттера. Почему она чувствовала себя обязанной — вынужденной — делать то, что сделала. Почему она должна была его убить.

Поймет про боль — что, жила глубоко внутри Квинн и меняла ее.

Бишоп наблюдал за ней, наклонив голову, его челюсть напряглась, словно он хотел заговорить, но сдерживался. Затем он повернулся и встал лицом к крестам.

Она смотрела на его кудрявый затылок, пока ее глаза не затуманились.

На кресты смотреть было тяжело. Такие грубые и голые. Такие уродливые. Они не соответствовали живым людям, похороненным под ними.

Юнипер, сорванец с грязью под ногтями, одетая в джинсовый комбинезон, ее вьющиеся черные волосы собраны в два пучка. И Хлоя, милая, прекрасная Хлоя. Ее крики все еще преследовали Квинн в снах в самые худшие ночи.

Она потеряла кольцо над бровью и отвернулась. На языке появилась острая горечь. Ветер свистел в кленовых деревьях, окружавших стоянку.

Это была ошибка. Она не знала, зачем пришла, почему решила, что если побеспокоит Бишоп своими проблемами, это что-то изменит...

Ее внимание привлекло дерево. Большой высокий дуб с огромными раскидистыми ветвями.

Ее желудок сжался. Дыхание перехватило в горле. Почти против своей воли она направилась к нему.

После всех этих месяцев розово-фиолетовая мишень из бумаги, которую Хлоя и Юнипер соорудили, давно исчезла. Квинн почти слышала веселый смех и восторженные возгласы, когда оттянула рогатку, выстрелила и попала в яблочко.

Квинн встала на колени у основания дерева, держа AR-15 одной рукой. Ее ботинки утопали в грязи, покрытой снежной коркой. Сосновые иголки и мертвые листья усеяли землю. Запах влажной земли наполнил ее ноздри.

Голой рукой она смахнула комья грязного снега и обнаружила небольшой предмет — предмет, который, как знала, она должна была найти.

Глава 5

Квинн

День сто третий

Квинн сглотнула комок в горле. Она положила ладонь на ярко-голубой шарик.

Кошачий глаз. Водный солнечный свет высветил глубины насыщенного кобальтового цвета. Вихри белого и серого, словно крошечная планета, что-то глубокое, богатое и живое.

— Это шар Хлои, — сказал Бишоп.

Она повернулась к нему. Он все еще стоял на коленях перед крестами в нескольких ярдах от нее, его лицо выражало страдание, но в глазах светилась доброта. Сострадание и понимание.

Это чуть не убило Квинн.

— Мы стреляли по мишени в вечер... в тот вечер, когда это случилось. Хлоя сказала, что это ее любимый.

— Она спала с этим шариком под подушкой. — Голос Бишоп надломился. — Она думала, что ее сестра заберет его и забудет отдать.

— Им я попала в яблочко. Она собиралась его забрать, а потом мы отвлеклись... —

Квинн протянула шарик ему, ее горло сжалось. — Он должен быть у тебя.

Его глаза заблестели. Он моргнул. По его смуглой щеке скатилась слеза.

— Оставь себе. Она обожала тебя, ты знаешь. Она бы хотела, чтобы он был у тебя.

Ее пальцы сомкнулись на шарике. Квинн сжимала его крепче, чем когда-либо в своей жизни, пока ногти не впились в ладони, а порезы не запульсировали. Боль не давала ей разрыдаться.

Бишоп подозвал ее поближе.

— Мы давно не разговаривали.

Не раздумывая, она прошла по грязной траве и встала рядом с ним, опустив руки по бокам, ее распухшее лицо щипало от холода.

Квинн вдохнула посильнее, набираясь сил.

— Знаю, я все испортила.

— Я не буду делать вид, что твой поступок был умным, Квинн. Лиам тоже безрассуден, но он хотя бы знает, что делает. Тебе повезло, что ты осталась жива. И что Лиам тоже жив.

Она посмотрела на шарик и покатала его между пальцами. Чувство вины пронзило ее изнутри.

— Я знаю это.

— Саттер мертв. Этой нигилистической группы больше нет. То, что ты сделала, конечно, очень легкомысленно, но Бог присмотрел за тобой. Он хранил тебя в безопасности.

Она опустила голову. Квинн чувствовала себя онемевшей, опустошенной. Саттер погиб от ее руки. Она хотела убить его, но риск оказался слишком велик.

Теперь она это понимала. Она никогда больше не будет такой глупой.

Всем сердцем она желала спасти людей, а не наоборот.

— Как мне все исправить?

— Извинись перед теми, кого ты обидела. А потом двигайся дальше. У тебя впереди великие дела, Квинн. Ты боец. Это видно любому. Ты заслуживаешь шанс бороться за то, во что ты веришь.

— Я не знаю, что сказать.

— Я сомневаюсь в этом. Ты разберешься. И ты всегда можешь спросить у меня совета.

Квинн скорчила гримасу.

— Ясно. Просто чтобы ты знала, если ты не хочешь говорить со мной, ты всегда можешь поговорить с Богом.

— Держу пари, Бог меня ненавидит.

— Почему ты так думаешь?

— Я убивала людей. — В ее голове пронеслись образы Саттера, опускающегося на колени, кровь хлещет из его бедра. Розамонд, хватаящаяся за залитое кровью горло. — И я не сожалею.

Бишоп усмехнулся.

— Мне не жаль. — В ее сердце жила тьма — та часть, которая хотела убивать и продолжать убивать. Ее лицо горело от стыда. — Это делает меня плохим человеком?

— Нет, не делает.

— Как можно быть солдатом и пастором? Как можно проповедовать любовь и милосердие, а потом убивать людей?

— Я сражаюсь, когда должен. Когда защита невинных — это правильно. В Ветхом Завете многие из Божьих людей были воинами, призванными Богом сражаться, чтобы

положить конец тирании, рабству и большому злу.

— О.

— Люди — это нечто большее, чем что-то одно. Они несут в себе и добро, и зло, тьму и свет, насилие и мир. Милосердие и справедливость.

Бишоп уставился на кресты.

— Главное — убедиться, что твое дело праведно. И не дать тьме захватить твою душу. — Он тяжело вздохнул. — Легче сказать, чем сделать и то, и другое.

— Как ты не поддаешься этому? Гневу. Ненависти.

— Найди то, что помогает тебе оставаться человеком, и держись за это всеми силами. Для меня это моя вера.

— Хорошо, — сказала она задышающим голосом. Ее разбитая губа болела, но Квинн продолжала говорить. Ей нужно выговориться. — Я все еще так зла.

— Будь злой. В злости нет ничего плохого. Но контролируй ее, направляй. Используй ее; не позволяй управлять тобой.

Она дала этим словам дойти до своего сознания.

— Гнев может подпитывать тебя. Придать тебе сил.

— Ха.

— Есть гнев, который мотивирует тебя, движет тобой. Он ищет праведной справедливости. В этом гневе нет ничего плохого. Но он может стать горьким и токсичным. Если не будешь осторожна, он может разесть ту часть тебя, которая делает тебя тем, кто ты есть. Это тот гнев, которого ты должна остерегаться, Квинн. Он как огонь. Он и дает жизнь, и разрушает. Важно то, как ты его используешь.

Она кивнула, позволяя этой истине глубоко проникнуть в душу.

Она не хотела закончить жизнь, как Ксандер, мальчик, снедаемый своей яростью, который хотел уничтожить все, разрушить весь мир.

Борьбу внутри нее нужно контролировать. Не уменьшить, а изменить.

Что-то сдвинулось внутри Квинн. словно освобождение. Как будто плотина прорвалась, и тьма внутри нее вырвалась наружу. Гнев все еще бушевал в ней, но теперь он стал другим.

Это трудно назвать или описать, но она чувствовала изменение.

— Я верю в тебя, Квинн.

— Ты это серьезно?

Он широко улыбнулся ей под бородой.

— Абсолютно.

Тяжесть в ее груди уменьшилась.

Она не исчезла полностью, но это уже начало.

— Я сомневаюсь, что Лиам чувствует то же самое.

— Не сомневайся. — Бишоп поднялся на ноги, его колени дрожали, и отряхнул штаны. — Поговори с ним. Стыд процветает в тайне и молчании. Разговор освобождает нас.

Она пнула ногой шальную кучу снега, покрытую грязью.

— Я знала, что ты сможешь помочь, пастор. Тебе следует брать плату.

— Я возьму несколько кустиков «бараньих ушей» Молли. — Теперь настала очередь Бишопа выглядеть смущенным. — У меня закончилась, ну, понимаешь, ТБ.

Квинн скорчила гримасу.

— И тут я поняла, что пора уходить.

— Квинн. — Бишоп протянул руку, взял ее за предплечье и сжал его. — После всего,

любовь — это то, что выстояло. Нам нужны люди, чтобы выжить. Мы нуждаемся друг в друге. Это единственное, что отделяет нас от тьмы.

Голубой шарик прижимался к ее ладони — круглый, холодный, твердый. И красивый. Квинн положила его в карман рядом с рогаткой. Напоминание, которое она не собиралась забывать.

Глава 6

Ханна

День сто третий

Голубые глаза Дейва блестели.

— У меня сюрприз для тебя.

— Лишь бы он оказался приятным. — Ханна покрепче прижала Шарлотту к себе в переноске. Ее дочь пинала ногами и хихикала, когда Дейв щекотал ей пальцы в туфлях на мягкой подошве. — Побольше бы хороших.

— Уверен, тебе понравится. Пошли.

В свои шестьдесят с небольшим лет Дейв поседел, на его лице появились мимические морщины.

Он владел пятнадцатью акрами земли и гостиницей «Фолл-Крик». Запасы топлива ополченцев позволяли генератору гостиницы работать, поэтому Дейв приютил в своей гостинице стариков и людей с ослабленным здоровьем.

Дейв помогал другим, всегда ставя их на первое место без жалоб. Он использовал свою радиостанцию для связи с родными и друзьями со всего штата и даже со всей страны. А еще он взял на себя роль неофициального суперинтенданта после смерти Розамонд.

Дейв повел ее вглубь своего участка в пятнадцать акров. Они прошли мимо двух сараев и амбара, затем мимо нескольких рядов вишневых деревьев и виноградных беседок.

Вытянув шею, Ханна смотрела на огромную антенну, возвышавшуюся на сорок футов в небо оловянного цвета. Серые облака закрывали горизонт, как толстое шерстяное одеяло. Ни ветра, ни снега, но и солнца тоже не видно.

Чтобы посадить саженцы, им срочно нужна перемена погоды. У них есть тракторы, биотопливо и добровольцы. Весна должна уже вступить в свои права.

Конечно, сначала им нужно пережить Генерала. Пока нет никаких признаков его армии.

В то время как Дейв, Аннет и Ханна сосредоточились на логистике: еде, воде, электричестве и топливе, Лиам взял на себя командование охраной. Все, что Лиам приказывал, горожане выполняли без жалоб и вопросов.

Ханна молилась, чтобы этого хватило отбиться от Генерала.

Но сомнения так или иначе закрадывались в ее мысли. Надолго ли? И что потом?

Дейв подвел ее к офису, пристроенному к задней стороне его отдельного гаража, открыл дверь и предложил войти.

— Я нашел кое-кого, кто хочет с тобой поговорить.

Ее грудь сдавило.

— Это...?

Дейв усмехнулся.

— Сейчас узнаешь.

Они вошли в офис Дейва, большую комнату, заставленную полками с оборудованием —

радио и передатчиками, сканерами, двусторонними портативными устройствами и парой настольных компьютеров. По полу змеились узлы силовых кабелей. На заднем плане гудел генератор.

Сквозь единственное окно струился мутный серый свет. Переносной пропановый обогреватель, стоящий в углу, обеспечивал тепло.

Ханна опустилась в мягкое кожаное кресло, одной рукой прижимая Шарлотту к груди, а другой беря микрофон.

Шарлотта подпрыгивала у нее на коленях. Она схватила микрофон двумя пухлыми ручками; ее розовый ротик открылся, как будто она хотела его съесть.

Ханна отодвинула микрофон от себя и сглотнула, предвкушение бурлило в ее животе.

— Алло?

— Ханна? — Голос на другом конце оказался до боли знакомым. — Ханна, это ты?

Ее дыхание сбилось. Она закрыла глаза, во рту пересохло, и Ханна не могла подобрать слова. Воспоминания детства заполнили ее сознание: походы, прогулки, семейные ужины, вылазки в продуктовый магазин. Футбольные матчи и поздние ночные занятия.

Дейв сжал ее плечо.

— Ты в порядке?

Его прикосновение помогло Ханне вернуться в настоящее. Она открыла глаза и резко вдохнула. Нажав на кнопку микрофона, Ханна сказала:

— Это я.

Тишина на другом конце, как будто говорящий так же потрясен, как и она. Говорил не просто кто-то, а Оливер, ее брат. После пяти ужасных лет она разговаривала со своим братом.

— Я не могу в это поверить, — прошептал Оливер, в его голосе звучали радость и неверие. — Мы думали... все это время... они говорили, что ты мертва...

— Не мертва.

— Я слышу. И все равно не могу поверить. Боже, это невероятно! Я не могу взять в толк... — Наступила тишина. Нотка сомнения прокралась в его голос. — Как... как я могу знать, что это действительно ты?

Она наклонилась вперед. В ее глазах блестели слезы, голос хрипел от эмоций.

— Когда мне было десять лет, я нашла во дворе змею и положила ее в твою кровать. Ты называл меня пугливой кошкой, потому что я боялась прыгать с насыпи в озеро. Но я тебе отомстила. Когда ты ее обнаружил, то кричал, как маленькая девочка.

Веселый смех вырвался из микрофона.

— Сестренка, я рад слышать твой голос. После всего, после того, как весь мир рухнул... я не верил, что что-то хорошее еще может случиться.

Ханна улыбалась так сильно, что у нее заболели щеки.

— В мире еще есть добро, Оливер. Правда.

— Черт! Как я по тебе скучал! Если бы только мама и папа могли нас видеть. Я бы хотел, чтобы они дожили до этого момента.

Она сморгнула влагу с глаз.

— Я тоже.

Следующий час они вспоминали свое детство и делились воспоминаниями о родителях, которые не пережили день ЭМИ. Они узнавали о жизни друг друга, пока Дейв сидел на другом конце стола и занимался ремонтом сломанного приемника.

Ханна вкратце рассказала Оливеру о своем пленении и побеге от Пайка. Она рассказала ему, как Лиам нашел ее в лесу и спас. Как Шарлотта родилась в хижине посреди снежной бури. Как Пайк охотился на нее. Как она и Призрак его убили.

Некоторые моменты причиняли боль, но с каждым словом Ханне становилось все легче и легче. Просто сам рассказ ее истории принес ей свободу и силу, чего она никак не ожидала.

Когда она закончила, Оливер плакал. Дейв тоже.

— А Ноа? — спросил Оливер.

Тогда она рассказала ему об ополчении и смерти Ноа. Прошло почти два месяца после смерти Ноа и три месяца после ее возвращения в Фолл-Крик. Ханна все еще скорбела по нему, но уже по-другому.

Она смирилась с его поступками, как плохими, так и хорошими. Он потратил свою жизнь на защиту их сына. Хотя они не сошлись во взглядах на методы, она смогла простить его за это.

Она действительно его простила.

И с этим прощением, этой маленькой милостью, Ханна могла двигаться дальше.

Затем настала очередь Оливера. Он рассказал, как его соотечественники, уроженцы Верхнего полуострова, собрались вместе, чтобы пережить жестокую зиму. ЭМИ затронуло все Соединенные Штаты, кроме Гавайев и Аляски, а также нижние районы Канады.

Как и жители суровой, отдаленной Аляски, юперы отличались твердостью, независимостью и выносливостью. Им приходилось быть такими; зимы стояли долгие и холодные, города были маленькими и разбросанными на многие мили среди суровой дикой природы.

Верхний полуостров, или «Ю.П.», как его называют мичиганцы, не пережил того уровня анархии и беззакония, что охватили остальную часть страны.

Выживать было трудно, но возможно.

— Дела идут тяжело, но я справляюсь. — Оливер колебался. Ханна почти чувствовала, как он думает в эфире, немного неуверенно; не смея надеяться, но все равно надеясь.

— Что такое?

— В доме мамы и папы есть место для тебя. Для тебя и детей.

Их родители владели фермерским домом на тридцати акрах земли недалеко от Бреворта, крошечного городка рядом с Макинакским мостом, разделяющим верхний и нижний полуострова. Поместье располагалось на оконечности озера Мичиган, окруженное национальным лесом Солт-Сте-Мари.

— Мы можем выжить здесь, Ханна. Мы справимся.

Ее сердце сжалось от надежды в его голосе, от желания и страсти, когда он рассказывал о крошечном домике в глубине леса, о садах, колодце и лучших охотничьих угодьях. Отдаленное и изолированное место. Безопасное поместье, укрытое от всего мира.

— Может, ты подумаешь о том, чтобы приехать сюда? — спросила она вместо этого. — В Фолл-Крик?

Оливер ответил не сразу. Она могла представить его сгорбившимся над столом, светлые брови нахмурены, длинные отросшие волосы падают на его карие глаза, когда он чешет свою бородку.

Ханна не знала, носит ли он до сих пор бородку, или он чисто выбрит, или сдался и отрастил бороду на манер горцев, как их отец.

В ее груди заныло. Она сильно скучала по брату. Она скучала по своим умершим родителям.

— Когда-нибудь, может быть, — ответил Оливер. — Здесь так мало людей. Они знают, как жить за счет земли. Ты знаешь, как это бывает. Здесь все по-другому. Мое место здесь.

Ханна прикусила нижнюю губу, подавляя разочарование.

— Я знаю. Я понимаю.

— Я буду пополнять запасы, знаешь, на случай, если ты передумаешь. Здесь у тебя всегда будет дом.

— Мы находимся в одном штате, но кажется, что между нами океаны.

— Только сейчас. Обещаю, это не навсегда. Мы снова увидимся. У меня нет радиоприемника, но он есть у Стэнли Барнса. Помнишь его?

— Конечно. Вредный старик, который жил в конце дороги с давних пор. Он всегда кричал, чтобы мы не лезли в его лес, иначе расскажет папе, и тот устроит нам хорошую порку.

Оливер засмеялся.

— Да, именно он. Стэнли уже слишком стар, чтобы кричать. Я навещая его. Оставайся на связи, сестренка. Я не хочу снова тебя потерять.

— Я тоже, — сказала Ханна. — Я тоже.

После того, как она закончила, Дейв протянул ей чистый носовой платок. Она высморкалась и вытерла глаза, пока Шарлотта возилась с белой тканью.

— Прости, — проговорила Ханна.

— Не за что извиняться. Семья — значит больше, чем когда-либо. И она всегда была очень важна. Мы просто настолько суетились и отвлекались, что некоторые из нас забыли.

Ханна позволила Шарлотте взять платок и положила свою руку на руку Дейва.

— И дружба. Твоя — бесценна. Спасибо.

— Был рад помочь. — Дейв пожал плечами, его обветренные щеки покраснели. — В любом случае, у меня запланирована радиосвязь с капитаном Гамильтоном. У тебя есть время, чтобы присоединиться?

Ханна взглянула на часы.

— Я обещала Молли помочь перенести некоторые саженцы из зимнего сада в теплицы, но у меня есть несколько минут, прежде чем придется покормить и переодеть Шарлотту. Тревис согласился присмотреть за ней. Они с ЭлДжеем отлично ладят.

Шарлотта часто делила кровать с ЭлДжеем. Они так привязывались друг к другу, что спали, держась за руки или свернувшись калачиком как котята.

Дейв потянул Шарлотту за носки, и она рассмеялась.

— Так могут только дети.

Через несколько минут Дейв связался с Чарли Гамильтоном, капитаном, командовавшим подразделением Национальной гвардии, расквартированным на атомной электростанции Кука в Стивенсвилле, примерно в четырнадцать милях к западу от Фолл-Крика на озере Мичиган.

Ханна и Дейв организовали несколько поставок продовольствия, чтобы солдаты, инженеры и их семьи смогли прокормиться после того, как Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям прекратило их снабжать. Инженеры поддерживали станцию в рабочем состоянии, так что, как только все вернется в строй, они будут готовы.

Бодрый, веселый голос Гамильтона наполнил комнату.

— Как дела в Фолл-Крике сегодня утром? Кстати, вы говорите с недавно повышенным майором.

— Поздравляю, майор Гамильтон, — обрадовался Дейв.

— Красиво звучит, не находите? Давно к этому шел. — Они могли слышать усмешку в его голосе. Независимо от трудностей, с которыми Гамильтону пришлось столкнуться, он всегда сохранял позитивный, веселый настрой. Ханне он нравился. — Итак, как поживает мой любимый Дельта?

— Выздоровливает. — Ханна рассказала Гамильтону о сумасшествии последних нескольких дней, включая угрозу со стороны Генерала.

— Я получил приказ о готовности, — сообщил Гамильтон. — От самого губернатора. Никаких подробностей. Начальство обо всем умалчивает. Связь — дерьмо.

— Пока мы держим наших людей в границах города, — сказал Дейв. — Если кто-то сможет забрать припасы, мы можем предложить немного свежих овощей, по крайней мере, для детей.

— Как всегда, мы ценим вашу щедрость, — отозвался Гамильтон. — Я пошлю одного из своих солдат завтра утром. И будьте начеку. Мы получили сообщения о крупных перемещениях к югу от границы штата Мичиган. Большая группа организованных преступников, называющих себя Синдикатом, во главе с человеком по имени Александр По. Они собрали гражданскую армию с оружием военного образца. Синдикат захватывает города и лагеря Агентства, использует принудительный труд, продает припасы, наркотики и оружие. Ходят слухи, что они продают и людей. Женщин и детей.

Ханна напряглась.

— Лиам столкнулся с ними не далеко от Шампейна.

— Тогда вы в курсе. Они захватили Чикаго и большую часть Иллинойса. Пройшей ночью они прорвались к границе Индианы. Боевые силы численностью более двух тысяч человек ворвались в Гэри. У нас есть сообщения о десятках погибших мирных жителей и других зверствах.

— Сегодня утром я слышал похожие разговоры от моих знакомых, — поделился Дейв. — Как будто это зона боевых действий.

— Это не просто похоже на зону боевых действий. Это она и есть.

Ужас прокатился по позвоночнику Ханны. По шоссе I-94 город Гэри, штат Индиана, находился менее чем в шестидесяти пяти милях от Фолл-Крика.

— Ты думаешь, По может вторгнуться в Мичиган?

— Такую возможность нельзя исключать. Они могут войти в Мичиган-Сити или направиться в Мишаваку.

— Любой из этих городов слишком близок к нам, — заметил Дейв.

— Я согласен. Индиана подчинилась приказу президента и послала свою Национальную гвардию на помощь во время беспорядков в Вашингтоне. Они уязвимы. Их проносятся по штату бульдозером, не встречая особого сопротивления.

— Разве люди не дают отпор? — спросил Дейв.

— Они пытаются, но речь идет о небольших группах и отдельных домовладениях. Все произошло так быстро, что у мирных жителей не хватило времени организовать боевые силы. Их застали врасплох.

— Черт возьми, — прошептал Дейв.

— Берегите себя, Фолл-Крик, — сказал Гамильтон.

— Будем, — ответила Ханна. — Конец связи.

Ханна и Дейв обменялись тяжелым взглядом. Ужас застыл в ее сердце. Угрозы надвигались со всех сторон.

Война. Тирания. Человеческое рабство.

Как такое может происходить в Америке? Как мог крошечный городок Фолл-Крик противостоять такому злу?

Она чувствовала опасность, таящуюся за пределами их границ, невидимую, но постоянно присутствующую, приближающуюся все ближе и ближе, набирающую силу и мощь с каждым шагом.

Цунами тьмы вот-вот обрушится на них, уничтожая все на своем пути.

Глава 7

Генерал

День сто третий

Генерал откинул голову назад, проглотил последний глоток дешевого виски и швырнул пластиковый стаканчик на бетонный пол.

Ему хотелось вымыть рот с мылом. В этом виски не ощущалось ничего из сложной картины богатых, сумрачных ароматов коньяка, его любимого напитка. Он наслаждался хорошо выдержанным коньяком, насыщенным специями, кожей, цитрусовыми и танинами, обволакивающим язык словно бархат.

С растущим разочарованием он бросил взгляд на часы. Ему до смерти надоел учебный центр Форт Кастер в Огасте, штат Мичиган, недалеко от Батл-Крика.

Форт Кастер представлял собой учебный центр Национальной гвардии, находящийся в федеральной собственности и под управлением штата, куда губернатор Даффилд направил его, чтобы собрать Национальную гвардию для защиты Мичигана от Синдиката.

Всего в восьмидесяти милях от его конечного пункта назначения — Фолл-Крика.

Так близко. И все же.

Их вылет пришлось отложить, когда сломался один из двух «Черных ястребов», реквизированных для этой миссии. Получение специализированных запчастей в разгар мирового коллапса обернулось разочарованием и тщетными усилиями.

Они остались с одним вертолетом.

Пусть будет так. Они могли нанести немалый урон своим оставшимся арсеналом.

Пятьсот национальных гвардейцев, вооруженных М4. Двадцать бронированных «Хамви», оснащенных пулеметами М2 «Браунинг» 50-го калибра, а также дополнительные транспортные машины. Ящики с противотанковыми ракетами LAW и пулеметами с ленточным боекомплектом. Скромные запасы минометов и артиллерии. Он просил больше; губернатор пока не выполнил просьбу.

Никаких беспилотников, впрочем. Ресурсы быстро истощались: топливо, боеприпасы, продовольствие. Военные базы, по крайней мере в Мичигане, получали энергию от гражданских источников. 100 % из них сейчас не работали.

Связь терпела крах. Хаос и неразбериха царили на всех уровнях командования.

Генерал не волновался. Но был раздражен до чертиков.

Хуже того, военизированная группа, которую он послал вперед, не вернулась и не отчиталась.

С недовольным вздохом он наблюдал, как гвардейцы организуют плацдарм, готовят

припасы и грузят их на транспортные средства. Своих людей он держал поблизости.

Самые надежные наемники служили Генералу телохранителями. По меньшей мере десять человек окружали его — опытные бойцы, одетые в черную форму, боевые ботинки и нагрудные ремни, вооруженные «Береттами» и М4.

Он набрал их много лет назад для своей частной охранной фирмы, проводившей специальные операции не по правилам для агентств, которым требовалось правдоподобное прикрытие. Генерал дал им это.

Он набирал бывших военных или сотрудников правоохранительных органов с черными метками в досье. Он предпочитал морально разложившихся.

Из них получались лучшие солдаты и более эффективные убийцы. Никаких моральных устоев, которые нужно принимать во внимание.

Генерал хрустнул распухшими костяшками пальцев. Артрит снова давал о себе знать. Затхлый, холодный воздух грыз его суставы, но он отказывался дрожать или показывать слабость.

Он уже не молод. В свой семьдесят один год он всегда мог похвастаться суровой твердостью, его широкая грудь обвисла лишь в последние несколько лет. Теперь его тело болело в слишком многих местах, чтобы их упоминать.

Он скучал по своему уютному кабинету рядом с кабинетом губернатора в здании Джорджа В. Ромни на Капитал-авеню в Лансинге. По мягкому кожаному креслу, по жужжанию генераторов, по стакану любимого коньяка. Он скучал по льду.

Война — это игра молодых людей.

Место Генерала на вершине пищевой цепи, где он мог отдохнуть и расслабиться в роскошном комфорте, а не здесь, в дикой природе, терпя холод, голод и дискомфорт.

Те, кто сидит за широкими столами, заслужили право приказывать смерти одним нажатием кнопки.

Вот только кнопок больше не существовало.

Но ведь он сам это выбрал? Он позволил своей жажде мести, и чувству поэтической справедливости выманить его из роскоши губернаторского кабинета. Простые вещи — лед по команде, власть по щелчку выключателя — представляли собой новую роскошь.

С определенной целью, говорил он себе. Еще немного, и он вернется победителем, человеком, уничтожившим Синдикат.

И не только это — он консолидирует больше власти и влияния, чем любой политик на Среднем Западе.

Лорен Юбэнкс, государственный секретарь, осталась, чтобы нашептывать на ухо губернатору Даффилду и подрывать позиции Генерала на каждом шагу. Она недолго любила его, не доверяла его мудрым советам и возмущалась его стремительным взлетом во власть в качестве доверенного военного советника губернатора.

Обычная женщина с суровым, подозрительным характером, Лорен Юбэнкс обладала умом и компетентностью. Необычно для политика или женщины.

Генерал ее ненавидел.

К тому же она считалась следующей в очереди на престол, если с нынешним губернатором Мичигана Генри Даффилдом случится несчастье. Этот факт никогда не ускользал от внимания или планов Байрона Синклера.

Он оставил своего помощника Осборна — жалкого, угодливого человечка — там с единственной целью.

Он сделает свой ход сразу как придет время.

Политика напоминала игру в шахматы: жертвовать пешками, запутывать слоном, а ладьей ставить шах и мат.

Он был Генералом. Олицетворением закулисной тени, человеком, дергающим за ниточки, кукловодом.

Один из его наемников подбежал к нему трусцой. Тайрон Гиббс, один из его лучших людей, которого Генерал послал за Саттером.

Гиббсу было около тридцати, подтянутый, но мускулистый, ни унции жира. Преданный, умелый и талантливый снайпер. Его помятая форма покрылась пятнами крови, а коричневая кожа под слоем копоти и грязи блестела от пота.

Гиббс отдал честь.

— Сэр.

— Докладывай, — рявкнул Генерал.

— Группа нигилистов была не обучена, но хорошо вооружена. Они находились у нас в руках. А потом...

— Что, черт возьми, произошло?

Сухожилия на толстой шее Гиббса выпирали как кабели. Он выглядел так, будто хотел кого-то задушить.

— Нам пришлось прервать операцию.

Губы Генерала скривились в презрении.

— Вы потерпели неудачу?

Гиббс не ответил, но бессильный гнев, вспыхнувший в его темных глазах, рассказал всю историю.

В Генерале вспыхнула ярость, острая и горячая.

— Где остальные?

— Сэр, я один.

— Что значит один?

Гиббс нахмурился, словно ему тяжело это говорить.

— Единственный выживший.

Генерал насмешливо хмыкнул.

— Это невозможно.

— Сэр, вмешалась сторонняя сила. Наверняка солдат спецназа. Кто-то со значительным боевым опытом. Он был хорош. Действительно хорош. Мы сфокусировались на поражении наших целей, а этот парень воспользовался ситуацией. Он застал нас врасплох. И у него в запасе имелась поддержка. Они устроили засаду возле штаб-квартиры «Вортекса». Я потерял пять человек за шестьдесят секунд.

Генерал сверкнул на него глазами.

— Неприемлемо.

Не может быть, чтобы этот солдат спецназа оказался тем самым, о котором предупреждал Саттер: человеком, убившим дочь генерала.

Но, возможно, так оно и есть.

В этом был ужасный смысл. Сколько суперсолдат-мстителей может бегать по юго-западному Мичигану?

Он взглянул за плечо Гиббса.

— Где, черт возьми, Саттер?

— Мертв, сэр.

Генерал моргнул, ошеломленный. Не такой ответ он хотел услышать. Саттер был необходим ему для получения информации об этих глупцах из Фолл-Крик. Только поэтому он не приказал своим людям уничтожить и Саттера.

— Я нашел его лежащим рядом с мусорным контейнером. Его лишили оружия и многократно ударили маленьким ножом.

— Работа этого солдата спецназа?

— Сомневаюсь, сэр. Не похоже на руку профессионала.

Генерал покачал головой, кипя от ярости.

— Проклятье!

Его племянник должен был стать лучше, добиться большего. Он носил фамилию матери — слабая наследственность. Брат Генерала никогда не отличался хорошим вкусом в отношении женщин; характер его сына отражал этот недостаток.

С большим трудом Генерал восстановил контроль над собой. Не стоило позволять своим людям видеть его смятение.

Им нужен сильный, компетентный лидер. Эмоции выдавали его. Это была слабость. Они истощали силы и давали врагам информацию и влияние.

Он смягчил выражение лица и покосился на Гиббса.

— Почему ты так долго не возвращался? Ты выглядишь так, будто тебя переехал грузовик.

— У транспорта закончился бензин в сорока милях отсюда. Больше ничего не удалось найти, так как местные жители уже опустошили машины. Мне потребовалось некоторое время, но я раздобыл велосипед и проехал остаток пути, сэр.

— Отдохни немного. Мы отправляемся через восемь часов. — Он придал своим чертам сочувственное выражение и положил руку на плечо Гиббса. — Тот солдат, который убил наших людей, он из Фолл-Крика. Мы позаботимся о том, чтобы они за это заплатили.

Гиббс отдал честь.

— Есть, сэр!

Когда Гиббс ушел перекусить, Генерал вернулся к раскладному столу и изучил карту, прокладывая возможные маршруты. Он находился примерно в восьмидесяти милях от Фолл-Крика. Меньше дня пути на машине, даже с учетом разбитых дорог.

Он ткнул пальцем в точку в Сент-Джозефе, у озера Мичиган. Отель, расположенный в нескольких кварталах от пляжа, в самом центре города.

Он всегда любил океан. Великие озера стояли на втором месте.

Генерал подозвал одного из своих телохранителей, мужчину по имени Тайлер Реддинг. К нему подбежал здоровенный крепыш со шрамами от прыщей, неправильной формы носом и наколкой на плече.

— Сэр.

— Командование и контроль будут здесь, в отеле «Булевард». Мы не пойдем вслепую. Очистите его и прилегающие два квартала, затем пошлите людей, чтобы они мне доложили. Мы отправляемся в 07:00.

— Сэр. — Реддинг отдал честь, прежде чем уйти.

Завтра в это время они будут разгружаться в отеле.

Отъезд никак не удавалось ускорить.

Хотя он вряд ли ворвется в город, избежав сопротивления. Кем бы ни были эти люди,

они победили ополчение Саттера и его собственную дочь.

Это вызвало удивление и замешательство.

Но они не армия. Если бы он сражался в реальной войне, то приказал бы своим войскам занять двадцать зданий в городе и разделиться на более мелкие группы для защиты от воздушных налетов.

Но речь не о самом серьезном противнике, поэтому он не стал беспокоиться.

Однако ему все равно следовало приказать более мелким отрядам прикрывать топливные склады, хранилища боеприпасов и транспорт. Обычная логистика.

Ему захотелось выпить бокал коньяка *Hine Antique XO Premier Cru Cognac*. Вместо этого он облизал пересохшие губы и снова подумал о своем погибшем племяннике. Его последнем живом члене семьи.

Нет. Не о последнем.

В разговоре его племянник раскрыл одну пикантную деталь.

Последние два дня Генерал рассматривал ее со всех сторон, искал трещины или дефекты и не нашел ни одного.

«Есть еще одна вещь, которую вы должны знать, — поделился Саттер своим хнычущим голосом. — Розамонд не проявила интереса, но вас я думаю это могло бы заинтересовать. В Фолл-Крике есть женщина, которая утверждает, что Гэвин Пайк якобы отец ее ребенка».

Только одно удерживало Генерала от полного уничтожения Фолл-Крика.

Через его дочь и внука-психопата часть Генерала все еще существовала вне его самого.

Розамонд и Гэвин оба мертвы. Но их семья продолжало жить. Его семья продолжало жить.

У генерала появилась правнучка.

И он очень хотел с ней познакомиться.

Глава 8

Ханна

День сто четвертый

Ханна дрожала. Шла вторая неделя апреля, но утренняя температура держалась на уровне минус одного градуса, а небо затянули тяжелые серые тучи.

Из-за ледяного ветра казалось, что стало на двадцать градусов холоднее. Пронизывающий ветер трепал ее одежду и щипал щеки.

Впереди Ханна зарычал Призрак.

Ханна приостановилась, Майло застыл слева, рядом с ее больной рукой, которой она держалась за ручку детской коляски. Правой рукой она крепко сжимала 45-й калибр в кармане куртки.

Для встречи она выбрала Гринвей, небольшой парк вдоль берега реки, сразу за мостом через Фолл-Крик.

Летом здесь устраивали пикники, играли в футбол, запускали воздушных змеев, а по вечерам проходили концерты местных групп.

Снежные пятна усеивали поле. Птицы щебетали с голых ветвей деревьев, стоящих вдоль реки. Впереди возвышался большой павильон с черной металлической крышей и открытыми боками.

Темная фигура стояла в центре площадки, со знакомым синим камуфляжным рюкзаком, перекинутым через плечо. Капюшон куртки закрывал лицо человека, обе его руки

оставались засунуты глубоко в карманы.

Пульс Ханны участился. Она напряглась.

Майло дернул ее за рукав куртки.

— Кто это?

Ханна посмотрела на лицо сына, похожего на херувима, острый подбородок и большие темные глаза. Майло унаследовал свою оливковую кожу от венесуэльского наследия Ноа. Его непокорные черные кудри выглядывали из-под зимней шапки.

В ее груди разгорелась яростная любовь.

— Тебе не о чем беспокоиться.

— Можно тогда мне поиграть на детской площадке?

Ее взгляд остановился на фигуре на помосте. Человек не двигался и не заметил ее присутствия. Он не представлял для них угрозы, но Ханна все равно оставалась настороже.

Сейчас раннее утро, и в парке больше никого не оказалось. В эти дни мало у кого хватало времени на отдых. Деревья вздыхали на ветру. Вода плескалась на берегу реки.

Она отпустила коляску и сжала руку Майло.

— Только не уходи с детской площадки. Призрак, оставайся с ним.

Призрак недовольно заскулил, словно предпочел бы остаться рядом с Ханной, чтобы присматривать за Джеймсом Лютером. Пес не доверял ему. Ханна тоже не доверяла.

Большой пир вернулся к ней и прижался головой к ее бедру, как будто это могло переубедить Ханну. Свободной рукой она потрепала его за уши, почесав скрюченными пальцами так, как ему нравилось.

— Со мной все будет в порядке. Присмотри за Майло.

Призрак недовольно зафыркал, но повиновался, рысью следуя за Майло и повиливая пушистым хвостом. Он по-прежнему припадал на заднюю ногу. Пес мог бежать, но не так, как раньше.

Рваная рана, которую он получил, защищая Квинн и Майло от одичавших собак, заживала, но, возможно, пир никогда не восстановит свою скорость и силу.

Бросив последний взгляд на сына, Ханна переключила свое внимание на Лютера.

Полгорода желало его смерти. Чтобы защитить Лиам спрятал его в одном из заброшенных домов за городом.

Она поклялась, что убьет его сама, если он еще хоть раз ступит на землю Фолл-Крика.

И все же, он здесь.

Он помог спасти Квинн. Он спас Квинн и Лиама во время их побега из «Вортекса».

Это единственная причина, по которой Ханна не пристрелила его на месте. По этой же причине она согласилась встретиться с ним. Одноразовая любезность, о которой она уже жалела.

Гнев пронзил ее насквозь. Джеймс Лютер все равно оставался ополченцем. И всегда будет им.

Она толкнула детскую коляску по неровной земле и остановилась в десяти футах от сцены. Демонстративно не вынимая правой руки из кармана, Ханна сжала пальцами холодную твердую сталь.

— Что тебе нужно?

Лютер сгорбил плечи от ветра и прищурился, глядя на нее. Он был высоким и худым, почти исхудавшим, с обветренными чертами лица. Хотя он еще не достиг преклонного возраста, его лицо имело угрюмый, утомленный жизнью вид.

— Мой отец, — сказал он. — Он... он еще жив?

— Мы наладили обмен с Национальной гвардией, расквартированной на атомной станции Кука. У них остались медицинские принадлежности. Я раздобыла ему еще несколько кислородных баллонов, но они заканчиваются. Их невозможно производить — во всяком случае, здесь, в Штатах.

Ханна чуть не извинилась, но поймала себя на слове. Состояние мира не ее вина.

Она ничего не должна этому человеку.

Дейв и Аннет перевезли отца Лютера из дома в «Винтер Хейвен» в комнату в гостинице «Фолл-Крик». Дейв организовал сменяющуюся группу добровольцев для ухода за пожилыми и больными людьми в общине.

Ханна отстегнула рацию от пояса и протянула ее Лютеру.

— Дейв на другом конце. Он с твоим отцом. Можешь поговорить с ним пять минут. Это всё. Ты же понимаешь, почему мы не можем привести его к тебе — или наоборот.

Старик находился при смерти. Привести его в парк и выставить на улицу — значит подвергнуть риску и так ухудшающееся здоровье.

А пустить Лютера в город вообще плохая идея.

Ханна передала ему рацию, а затем дала возможность уединиться. Лютер любил своего отца. Она не могла ему в этом отказать.

Она толкала коляску с Шарлоттой по тротуару, огибающему поле, попеременно наблюдая за Майло и Лютером, который прижимал рацию к уху и ходил по сцене кругами.

Его рот двигался, но Ханна не могла разобрать слов.

На детской площадке Майло и Призрак играли в свою версию игры в пятнашки — Призрак преследовал мальчика, а Майло пытался забросать его снежками. Звонкий лай Призрака эхом разносился по воде, смешиваясь со смехом Майло.

С мрачного неба сорвалось несколько снежинок. Шарлотта захихикала и протянула руки в варежках, пытаясь схватить хлопья и засунуть их в рот. Зелено-серая вязаная шапочка Лиама скатилась ей на лоб, закрыв глаза.

Ханна проверила, хорошо ли сидит синий зимний комбинезон ее дочери, надеты ли варежки, натянуты ли носки под крошечными сапожками.

Ее горло сжалось. На краткий миг она стала обычной матерью в обычном парке, наблюдающей, как ее дети развлекаются в обычный день.

Мгновение спустя реальность вторглась в ее жизнь. В жизни больше не осталось ничего нормального. 45-й калибр, который она носила с собой, служил тому доказательством.

Когда она вернулась к Лютеру, он передал ей рацию, пробормотав:

— Спасибо.

Они стояли лицом друг к другу, Ханна с коляской на земле, Лютер на пустой сцене, худой и несчастный, прижав руки к узкой грудной клетке.

У него покраснели глаза. Он плакал. Лютер наклонил голову, как бы пытаясь скрыть свои эмоции. Как будто ему стыдно за такое проявление чувств.

— То, что ты сделала. Как ты заботилась о моем отце...

— Я обещала.

— Я этого не заслужил.

— Я делала это не для тебя.

— Тогда... почему?

— Я сделала это для себя.

Лютер отвел взгляд, напряженно моргая, застыв на месте.

— Я уже говорила тебе раньше. Я даю обещание и держу свое слово. Я помогаю больному старику, потому что это правильно, а не потому, что ты этого заслуживаешь.

— Я никогда не хотел быть таким, знаешь. Я был простым бухгалтером. Можешь в это поверить?

Ханна уставилась на него, ее сердце покрылось льдом, не желающим таять.

Лютер прочистил горло.

— Служба в ополчении — это значит быть сильным, быть подготовленным, быть готовым, если что-то случится... но некоторые парни, их принцип заключался в том, что им не нужно готовиться, если у них есть оружие. Они могут просто взять то, что им нужно. Я не разделял этого. Но Саттер умел держать себя в руках. Когда все остальные в страхе бежали, у него имелся план. Меня... меня это привлекало. Я не хотел бояться или беспокоиться о том, что случится с моим отцом. Одно привело к другому.

Ханна сжала скрюченными пальцами ручку коляски. Неправильно сросшиеся кости болели от холода.

— Мне не нужны твои оправдания.

Он кивнул, устремив взгляд на воду, руки засунуты в карманы, плечи сгорблены, как у человека, потерпевшего поражение.

— Коулман приказал бы меня застрелить. Или повесить. Рейносо тоже. Даже Бишоп, наверное. Я знаю, что это ты. Коулман не казнил меня из-за тебя.

Ханна покачала головой и ничего не сказала.

— Я понимаю, почему ты меня ненавидишь. Мне часто снятся кошмары. О том, что мы сделали. Та девушка, лежащая в снегу... огонь... то, что я совершил.

В ее голове промелькнул образ бессознательного Майло, запертого в доме Ноа. Вонь дыма, душившего ее легкие, жар пламени, слепой ужас, когда она мчалась в горящий дом.

— Ты поджег дом с моим сыном внутри. Мне не нужна твоя благодарность, Лютер. Мне ничего от тебя не нужно.

Он вздрогнул, как будто она его ударила. Его взгляд метнулся к детской площадке, к Майло.

— Не смотри на него, — прошипела Ханна сквозь стиснутые зубы. — Не смей!

Лютер открыл рот, словно собираясь спорить с ней, пытаться отстаивать свою правоту, но поджал губы и кивнул.

— Я заслужил это.

— Чувство вины не делает тебя хорошим человеком, — отрезала Ханна. — Это делают твои поступки. Если хочешь быть хорошим человеком, будь им.

— Я ничего не могу сделать, чтобы заслужить твое прощение?

Ханна резко рассмеялась.

— Прощение? Ты серьезно?

Лютер уставился на нее, затравленным взглядом. Голодным и отчаянным.

Она устало вздохнула.

— Мы не убили тебя. Прими это и иди своей дорогой.

— Я в долгу перед вами. За это. За то, что вы сделали для моего отца. — Его лицо исказилось, как будто он боролся с новыми слезами. — Скажи мне, что сделать.

Она боролась со своим гневом, раздражением и обидой. Согласие встретиться с ним шло вразрез с ее собственными инстинктами.

Он несчастен и жалок. Но Лютер не заслуживал ее жалости.

Ханна почувствовала крошечную йоту того, чего хотела бы не чувствовать.

Она встретила его взгляд.

— Ты хочешь искупления?

— Да.

— Заслужи его.

— Скажи, как.

Шарлотта суетилась и хныкала. Она проголодалась. И слишком замерзла. Разочарованная, Ханна раскачивала коляску назад и вперед. У нее полно дел. Лучше, чем это.

Им нужно подготовиться к встрече с генералом и его армией.

— Тебе пора идти, — сказала она.

Лютер помрачнел.

— Когда он умрет, он будет один. Мой отец. Я не могу смириться с этой мыслью.

— Он не один. Мы сделаем все возможное, чтобы ему было спокойно. Больше я ничего не могу обещать.

— Это немало. Спасибо. Что захочешь. Я сделаю это. Просто скажи. Что угодно.

Нехотя Ханна согласилась.

— Поговори с Лиамом. Может, у него есть что-то для тебя. Что касается меня, я больше никогда не хочу тебя видеть.

Получилось жестко, но это правда.

Лютер кивнул, в его затравленном взгляде мелькнула искра надежды.

— Справедливо. Но я хочу. Помочь, я имею в виду.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Майло!

Лютер прокричал Ханне вслед.

— Я другой человек. Я лучше. Я могу быть лучше.

Ханна толкала коляску быстрее и не отвечала.

Глава 9

Квинн

День сто четвертый

— Эй, Росомаха! — прокричала Квинн сквозь грохот бензопилы.

Лиам выключил бензопилу и выпрямился. Наступила жуткая тишина, птицы затаили дыхание.

Квинн спрыгнула с велосипеда, откинула подставку и поправила винтовку, перекинутую через спину. Теперь она везде ездила на велосипеде, поскольку в ярко-оранжевом дедушкином Форде F150 1978 года — «Оранж Джулиусе» — почти кончился бензин.

Она стянула с ручки сумку с бутылками воды; ее перевязанная рука вспыхнула от боли. Квинн проигнорировала боль. Порезы болели всю поездку на велосипеде. Синяки на бедрах и туловище причиняли страдания, а лицо напоминало разбитый арбуз. Что еще нового?

Она по-новому заужала Ханну, которая даже с искалеченной рукой добилась большего, чем большинство людей. Сила может выглядеть не только как что-то значительное.

Квинн поковыляла по дороге к Лиаму, морщась от боли в ребрах.

— Я принесла тебе свежей воды из нашего насоса. Это работа Уитни, но я вызвалась.

Она держала рогатку и несколько флешетт в кармане куртки, но обновила оружие. Теперь Квинн повсюду брала с собой AR-15, «Берретта» висела в кобуре на поясе, а лезвие карамбита плотно прилегало к ремню.

Она протянула Лиаму бутылку с водой.

— Как поживаешь?

Лиам нахмурился, но бутылку с водой принял. Он сделал большой глоток и вытер лоб рукавом куртки.

Над ними сквозь решетку ветвей пробивался солнечный свет. Утро выдалось холодным, но около полудня сквозь облака проглянуло солнце.

Может быть, эта арктическая зима наконец-то ослабит свою власть над Мичиганом. Впрочем, может быть, это слишком большая надежда.

Джонас Маршалл и еще один волонтер, вооруженный винтовкой AR-15 с оптическим прицелом, дежурили в ста ярдах по обе стороны дороги, пока Лиам и Бишоп валили бензопилами платаны и клены.

Несколько деревьев уже преграждали дорогу, расположенные на расстоянии около двадцати футов друг от друга.

В тридцати ярдах от них Бишоп обвязывал веревкой участок толстого ствола, прикрепленного с помощью цепей к лебедке старого «Форда».

Квинн беспокойно перевела взгляд с Лиамы на Бишопа, потом обратно на свой велосипед.

Они стояли одни на дороге. Она могла видеть разведчиков далеко впереди.

Бишоп оторвался от своей работы, увидел ее и поднял большой палец вверх.

Она знала, о чем он думает. Это ее шанс. Лучше им воспользоваться.

Квинн нахмурилась, но пастор уже вернулся к креплению следующего дерева.

— Как ребра? — Лиам изучал дорогу, деревья, дома, приютившиеся в лесу, всегда готовый к опасности.

Квинн пнула кусок асфальта.

— Все чертовски болит. У меня сплошные гематомы.

Лиам хмыкнул, словно ему знакомо это чувство.

— Что? Как я выгляжу?

— Как будто поспорила с носорогом и проиграла.

Она потрогала свою нижнюю рассеченную губу, начинающую покрываться струпьями. Ей не хватало кольца. Оно осталось где-то в складских помещениях «Вортекса», вместе со здоровым куском ее плоти.

— Звучит подходяще.

— Ты молода. Все заживет. — Лиам окинул ее тяжелым взглядом. — Не делай больше таких глупостей.

Она почувствовала, как съеживается под его оценивающим взглядом. Как будто он осуждал и находил ее недостойной. В конце концов, ему пришлось рисковать собственной жизнью, чтобы вытащить из этого ада.

Разговор складывался не так как ей хотелось бы.

Квинн сглотнула. Часть ее желала повернуться и убежать. Она могла бы провести остаток жизни в своей спальне, свернувшись калачиком под грудой одеял. Это же нормально, правда?

Вместо этого Квинн встала прямо и заставила себя расправить плечи.

Ради этого она и приехала. Бишоп сказал, что она не сможет преодолеть стыд, живущий внутри нее, если не исправит отношения с Лиамом.

Она не могла струсить сейчас.

— Ты злишься на меня?

Его брови приподнялись.

— С чего бы мне на тебя злиться?

— Потому что я ушла одна. Я решила все сделать сама. Я не рассказала тебе о Саттере, потому что хотела отомстить. Но вместо этого я чуть не убила нас обоих.

Лиам поджал губы.

— Лучше и не скажешь.

Ее лицо горело, как раскаленные угли.

— Саттер непременно должен был убить тебя. Он больше, сильнее, опытнее. И злой как гадюка. Тебе очень повезло.

— Я знаю это.

— У тебя есть мужество, милая, но тебе предстоит долгий путь.

— И это я тоже знаю.

Он изучал ее долгую минуту.

Пара малиновок щебетала с кленового дерева на другой стороне дороги. В душе нарастала тревога, но Квинн ждала, держа рот на замке.

Наконец, он пожал плечами.

— Ладно, тогда.

— Ладно?

— Да.

— И это все?

— А что ещё нужно?

— Но разве ты не сердисься? Отругай меня. Я могу это вынести.

— Ты уже поняла, что тебе не следовало идти одной.

— Поняла.

— Мне не нужно говорить, чем ты рисковала.

— Твоей жизнью, — задохнулась она. — И всеми остальными тоже.

— Тебя уже отругали. Незачем усугублять твои страдания. Ты получила свой урок. И еще несколько, готов поспорить.

Облегчение разлилось по венам Квинн. Ее ноги подкосились. Это больше, чем она ожидала или заслуживала.

— Значит, у нас все в порядке?

— В порядке.

— Я хочу быть похожей на тебя, — призналась она.

Лиам пристально посмотрел на нее.

— Я хочу быть воином.

— Ты уже им стала.

Квинн фыркнула.

— Я видел тебя. Я видел, что ты сделала с Саттером. — Он почесал щетину на подбородке, в его глазах мелькнуло что-то похожее на восхищение. — Путь война начинается здесь и здесь. — Он коснулся своей головы, затем груди. — В тебе это уже есть.

Осталось научиться приемам мастерства.

Она пнула ногой еще один кусок асфальта, большой, как обеденная тарелка. Выбоины попадались повсюду.

— Я не умею говорить о... всяких вещах.

Квинн ухмыльнулась.

— Ты имеешь в виду чувства?

— Да, о них. — Лиам скривился, как будто проглотил что-то горькое. — Но, если ты хочешь сражаться, приходи ко мне.

— Ты все еще хочешь меня учить?

— Если ты хочешь учиться.

Ее лицо просветлело. Надежда ярко и яростно затеплилась в ее груди.

— Хочу.

— Больше никаких пропусков наших занятий. Ни по какой причине.

Квинн засияла.

— Заметано.

Он передал ей пустую бутылку из-под воды, которую она продезинфицирует и наполнит чистой водой для следующей рабочей бригады. Проверив обе стороны дороги, он вернулся к бензопиле.

— Что ты делаешь? И зачем?

— Что ты хочешь знать?

Квинн широко раскинула обе руки.

— Все.

Его губы дернулись, как будто Лиам хотел улыбнуться, но он же Росомаха, поэтому должен всегда сохранять свое мрачное, свирепое лицо.

— Передвижение — включая военный транспорт — зависит от дорог, если Генерал не имеет в своем распоряжении вертолетов. У нас есть квадроциклы, велосипеды, несколько мотоциклов, лошади и снегоходы. У них нет. Им нужны дороги. Мы создаем столько препятствий на дорогах, сколько можем.

Он указал.

— Мы перекрыли все четыре дороги, ведущие в город и из него — Сноу, Лемон и Хэммингберд-лэйн. Кроме M139 — старой 31-й трассы. Я подозреваю, что Генерал въедет по шоссе, поскольку оно очищено. Таким образом, мы сможем сосредоточить основную часть наших сил на нескольких оборонительных позициях, вместо того, чтобы расплываться, защищая дюжину или более мест.

Квинн кивнула.

— Если он войдет, мы хотим, чтобы он вошел туда, где нам выгоднее всего. Северный блокпост, где у нас больше всего защитников и бойцов.

— В этом есть смысл.

— И потом, конечно, у нас есть наши сюрпризы.

Ее глаза стали большими.

— Покажи мне.

Лиам схватил свой карабин, прислоненный к ближайшему бревну, и повел ее по дороге к первому срубленному дереву. Опустив M4, он присел и прицелился.

Через дорогу тянулась прозрачная рыболовная леска высотой примерно по щиколотку, натянутая между двумя деревьями по обе стороны. К леске была прикреплена консервная

банка, внутри которой лежала граната.

Она была размером с яблоко. Смерть в маленьком зеленом шарике.

— Эта граната М67 прикреплена в месте соединения провода с деревом, так что взрыв направлен на зону поражения. К тому же ее труднее обнаружить. — Он указал на леску. — По щиколотку в самый раз, так как граната взорвется вверх и в сторону.

В крови Квинн забурлил адреналин.

— Откуда ты знаешь, что она не уничтожит кого-нибудь из друзей?

— Хороший вопрос. У нас будут КП — посты для наблюдения и прослушивания, разбросанные по периметру, чтобы следить за пешими вторжениями. Выставленные вперед наблюдатели предупредят о том, что кто-то направляется в нашу сторону — друзья или враги. Снайперы, расположенные на линии деревьев, следят за дорогой. Мы сможем остановить любых друзей до того, как они достигнут этой точки.

— Одна из причин, по которой нам приказано не покидать Фолл-Крик.

— Верно. — Лиам поднялся и пошел обратно к бензопиле, вертя головой.

Квинн поспешила догнать его; каждый шаг причинял боль.

— Как идут дела с окопами? — спросил Лиам.

— От обязанностей землекопа я освобождена. — Она помахала ему забинтованной рукой и скорчила гримасу, потом скривилась от боли. — Мы использовали экскаватор. Остальное — вручную.

Последние два дня они копали окопы. Каждый из них глубиной до подмышек и шириной достаточной для боевой группы из двух человек. Вырытые боевые позиции обеспечивали укрытие от вражеских разведчиков или беспилотников и защиту от огня противника.

Для укрытия сверху они рубили сучья деревьев и крупные бревна, складывали их поперек отверстия, как крышу, затем набрасывали сверху грязь и засыпали кустарником, листьями и кусками травянистого дерна.

— У всех мозоли, даже в перчатках, но все почти готово. Оружейные порты довольно крутые.

Вчера Лиам заставил подростков вбивать гвозди в длинные брусья, размещая полосы для прокола шин поперек дороги в стратегических местах. Помимо наполнения мешков с песком, они собирали колючую проволоку и бетонные барьеры.

Кроме того, Квинн выполнила работу по дому и помогла Джамалу и Тине установить ветряк на колодце Сандерсонов. Они доставили большой дизельный генератор семье Макферсон на Пайн-лейн, где росли четверо детей и еще трое сирот.

— Продолжай в том же духе, — напутствовал Лиам. — Доложи Рейносо, когда закончишь. Как почувствуешь себя в форме, он назначит тебя на вахту.

Квинн могла бы остаться с двумя сломанными ногами и все равно не отказалась бы.

— О, я готова!

— Мне нужно проверить состояние...

Рация на поясе Лиам зашипела.

— Это Эхо-2 для Альфы-1! — прокричал отчаянный голос. — У нас гости!

Глава 10

Лиам

День сто четвертый

— Докладывай! — Лиам рывкнул в рацию, запрашивая отчет о ситуации.

Встревоженная, Квинн замолчала.

Бишоп бежал к ним, держа оружие в руке.

Радию заполнил статический шум. Разочарованный, Лиам потряс ее. Как будто это могло помочь.

— Эхо-2, вы меня слышите? Прием!

Джамал помог им установить ретрансляторы, чтобы увеличить радиус действия. Инженер по специальности, он был гением в электронике. Он и его подруга Тина Ганди волшебным образом разбирались во всем механическом.

Совместными усилиями им удалось восстановить работу десятков радиостанций и генераторов. Но даже с ретрансляторами передовые наблюдатели оставались вне зоны действия сети.

Лиам выслал двенадцать передовых наблюдателей, чтобы охватить основные дороги в пределах тридцати миль к северу, северо-западу и северо-востоку от Фолл-Крика, уделяя особое внимание наиболее вероятным путям подхода через I-69 с юга и I-94 с запада.

Кроме раций, у разведчиков имелись сигнальные ракеты для запасного способа связи. Спутниковые телефоны все еще существовали, но в Фолл-Крике их не имелось.

Ему не хватало мгновенной передачи информации. Сотовые телефоны. GPS. Интернет. Приличная связь.

Беспокойство скользнуло по коже, грудь сжалась.

— Эхо-2, прием!

— ...Две машины, — отчиталась Эхо-2 сквозь густые помехи. Судя по голосу, она тяжело бежала. Ее звали Мара Райт, женщина лет тридцати, светлые волосы собраны в вечный хвост, лицо как у херувима, но решительная — одна из новобранцев Саманты Перес. — Два военных «Хамви»... Один оснащен «Браунингом» M2 50-го калибра.

У Лиама свело живот.

— Две машины?

— Подтверждаю.

— Это могут быть разведчики, — заметил Бишоп.

Лиам кивнул. Генерал будет держать свои основные силы позади, а пока отправит вперед наблюдателей, чтобы разведать обстановку.

По крайней мере, это означало, что у них нет беспилотников. Если бы они имелись, разведку вели бы беспилотники.

— Это Эхо-2. Я видела одного солдата вблизи в бинокль. Они из Национальной гвардии.

— Ты уверена? — спросил Лиам.

— Да, сэр. Я шесть лет служил в 125-м пехотном батальоне роты В в Сагино. Я уверена.

Лиам выругался. Он все еще надеялся, что это ненастоящие солдаты, как те бандиты из Синдиката, с которыми пришлось столкнуться, освобождая Бруксов из лагеря агентства.

Не повезло.

— Что ж, это прискорбно. — Бишоп взглянул на Лиама. — Что ты хочешь делать?

— Мы не можем позволить им войти сюда. С другой стороны, это американские солдаты, действующие по приказу начальства. У меня нет никакого желания причинять им вред, не говоря уже об открытии огня.

Бишоп провел свободной рукой по своей копне волос, выражая опасение.

— Как ты будешь бороться с врагами, которых не хочешь убивать?

— Звучит как плохая шутка, — пробормотала Квинн.

Лиам нажал на вызов.

— Где они сейчас?

— I-94... — Голос разведчицы прервался, рация наполнилась помехами.

Если Генерал шел из Лансинга, он мог направиться на север, чтобы избежать средних городов Батл-Крика и Каламазу, а затем двинуться на юго-запад, огибая озеро Мичиган и проходя через Согатак и Саут-Хейвен.

Если они на I-94, то могут проехать через Бентон-Харбор и Сент-Джо, а затем свернуть с 15-го съезда на M-139, так называемую Старую 31-ю трассу, которая приведет их прямо в центр города с севера.

Если же люди генерала свернут с 41-го съезда на южную трассу M-140, то они поедут по ней на юго-запад и попадут на Динс-Хилл-роуд, а с моста на южном конце въедут в Фолл-Крик.

Любой путь занимал примерно одинаковое время.

Лиаму крайне не хватало информации. Ему нужно знать, в каком направлении двигаться. И он должен был выяснить это двадцать минут назад.

— Куда? — крикнул он в рацию.

Статика шипела ему в ответ.

Он едва не швырнул бесполезную штуку в ближайшее дерево.

— Черт побери! В какую сторону?

— Мы не можем перекрыть оба пути, — с досадой проговорил Бишоп. — У нас не хватит людей.

Бишоп прав. У него нет ни солдат, ни связи, ни сил быстрого реагирования, а территория, которую нужно защищать, слишком растянута. Лиам жалел, что не может организовать оборону по периметру, охватывающую 360 градусов, как на передовых оперативных базах в Афганистане.

Рация запищала.

Лиам прижал ее к уху.

— Эхо-2, прием! Где они, черт возьми?

— ... Старая 31... сразу за... «Миром трейлеров»...

Север. Они направлялись к северному блокпосту.

Лиам бросился к четырехколесному транспорту, и Бишоп сразу за ним, отдавая приказы по рации. Адреналин бурлил в нем, леденя кровь.

«Хамви» находились в двенадцати минутах езды от северного блокпоста. Если они рванут на квадроцикле на полной скорости, Лиам и Бишоп будут там через восемь минут.

— Я хочу с вами! — Квинн крикнула им вслед.

— Подними тревогу! — приказал Бишоп. — Предупреди Рейносо.

На двухместном квадроцикле не было места, а она не могла ехать на велосипеде так же быстро, как они. Разочарование отразилось на лице Квинн, но она подняла подбородок и решительно кивнула.

Она усвоила урок: выполнять приказы, быть частью команды, сохранить жизнь всем. Квинн повернулась к своему велосипеду, доставая перевязанной рукой рацию из кармана.

— Принято!

— Найди Ханну! — Лиам крикнул ей через плечо.

Он хотел, чтобы они были вместе. Квинн и Ханна составляли грозную силу.

Страх заставил его сердце подпрыгнуть. Страх за Ханну и детей. Его беспокойство за Ханну никогда не прекращалось. Это не имело ничего общего с ее возможностями. Страх просто жил в нем, был его частью. Лиам думал о Ханне при каждом вздохе.

Всеми фибрами своего существа он жаждал бежать к ней. Защитить ее своей жизнью. Но вместо этого Лиам направился в противоположную сторону.

Защитив город, он защитит и Ханну.

Он молился, чтобы это оказалось правдой.

Двигатель квадроцикла взревел. Они надели шлемы. Как обычно, Бишоп сел за руль, а Лиам — сзади, с М4 в руках, готовый к стрельбе.

Квадроцикл трясся по неровной земле, заставляя зубы Лиама стучать. Боль пронзила его ребра и позвоночник как электрический разряд.

Покрытые льдом дороги испещрены ямами и трещинами. Без рабочих и оборудования для ремонта асфальта они скоро станут непригодными для езды.

Очередная проблема для нового дня.

Четырехколесный вездеход с ревом промчался через город, проносясь мимо закрытых зданий. Квинн подняла тревогу — горожане скрылись в домах и на предприятиях. В центре города безлюдно.

Лиам обследовал деревья и лужайки, окна и крыши в поисках опасности.

Они добрались до блокпоста с тремя минутами в запасе.

Несколько машин стояли друг напротив друга, расположившись поперек шоссе и образуя баррикаду. Позади каждой машины стоял ряд больших бочек, наполненных грязью, для укрытия.

Они создали препятствия из колючей проволоки. Срубленные деревья перетаскивали через дорогу, чтобы получилась буква Z, и машинам пришлось пробираться через нее зигзагами, прежде чем добраться до баррикады.

Оборонительные сооружения не готовы до конца. Им нужно больше способных людей, больше припасов, больше времени.

Четыре охранника присели за баррикадой. Восемь лучших стрелков заняли наблюдательные позиции в двухэтажных зданиях по обе стороны дороги.

Остальные спрятались в укрепленных снайперских укрытиях в соседних зданиях или засели в четырех недавно вырытых окопах.

Не говоря ни слова, Бишоп перебежал через дорогу, чтобы занять заранее подготовленную снайперскую позицию в большом стальном здании с зеленой металлической крышей. На навесе перед входом жирным желтым шрифтом значилось: «Креативный ландшафтный дизайн».

Лиам повернулся к мини-складу «Add-A-Space», расположенному к северу от блокпоста и выходящему на шоссе в пятидесяти ярдах от дороги.

Он вошел в здание через задний вход, проскользнув через стальную дверь, которую они открыли на прошлой неделе. Продвигался он не очень быстрым шагом, медленнее, чем хотелось бы.

Стиснув зубы, Лиам поспешил по затененному интерьеру, проходя мимо сдвинутых столов и офисной мебели, пока не добрался до лестницы и не взбежал на второй этаж.

Миновав угловой кабинет генерального директора с окнами от пола до потолка, он выбрал комнату отдыха по соседству. Вдоль одной стены стояли шкафы, на стойке —

кофеварка «*Keurig*», рядом с ней — стопка кофейных кружек.

Его желудок заурчал. В ноздри ударил запах несвежей кофейной гущи, смешанной с чем-то прогорклым. Чей-то обед, оставленный в шкафу гнить на три месяца.

Проскользнув между парой круглых столов с пластиковыми стульями, Лиам поспешил к окну.

В свой предыдущий визит они с Бишопом затащили несколько мешков с песком на лестницу и прислонили их к стене под окном высотой по пояс. Металлическая полка обеспечивала идеальную высоту, чтобы уравновесить М4.

Поскольку у него нет городской снайперской сетки, окно закрывала неплотная сетчатая ткань, подвешенная на паракорде. Сетка скрывала местоположение снайпера, не мешая ему видеть и стрелять.

Лиам научился этому трюку много лет назад у инструктора из Форт-Беннинга на армейских курсах повышения квалификации снайперов, которые проходил вместе с Чарли Гамильтоном.

Лиам стянул со спины рюкзак и проверил оружие. Тридцать патронов калибра 5,56 мм в М4, несколько запасных магазинов в рюкзаке.

Он пожалел, что у него нет его «Ремингтона 700» для снайперской стрельбы, но придется обойтись М4.

В магазине его «Глока 19» помещалось семнадцать патронов, один в патроннике. Кроме того, Лиам носил две осколочные гранаты и три гранаты-вспышки.

Он надеялся, что ему не придется произвести ни одного выстрела. Только не против американских солдат.

Лиам встал на колени в нескольких футах от окна, положил на полку небольшой мешок с фасолью и положил карабин на плечи, уперев его в бобы.

Посмотрев в прицел, он навел его на дорогу. Вдохнул, выдохнул, заставил свой пульс замедлиться. Вытеснил страх, тревогу и боль. Положил их в коробку. Концентрация на текущей задаче, и ничего больше.

Знакомое холодное спокойствие опустилось на него, годы тренировок взяли верх.

Через минуту до него донесся рев двигателей.

Глава 11

Лиам

День сто четвертый

Лиам напрягся.

Ведущий «Хамви» остановился в пятидесяти ярдах от заграждения. Вторая машина притормозила в двадцати ярдах позади первой. Их двигатели громко рычали во внезапной тишине.

При первом приближении блокпост производил впечатление обычной гражданской баррикады с парой часовых, не более того.

Пока их укрепления оставались скрытыми, они могли сделать первый шаг и застать противника врасплох.

Хосе Рейносо вышел из-за баррикады и двинулся в центр дороги навстречу транспорту. Он был одет в полицейскую форму, пистолет «Глок» в кобуре на бедре, а заряженное ружье, выданное департаментом, шеф полиции держал низко перед собой, предупреждая машины оставаться на месте.

Со своей позиции Лиам не мог видеть другие боевые группы, но чувствовал их нервозность, страх и опасения.

Для некоторых горожан это первый опыт боевых действий.

Однако большинство из них уже сражались с ополченцами. Они прошли сокращенную подготовку Лиама.

Никто не нарушил строй. Они ждали, что произойдет дальше. Вооруженные и подготовленные на сколько это вообще возможно. Готовые защищать город и своих близких ценой собственных жизней.

Грудь Лиама сжалась от неожиданного всплеска гордости. Он переключил внимание на врагов, приближающихся к его городу.

Первый гвардеец вышел из машины, держа М4 в руках в положении повышенной готовности. Чернокожий, лет двадцати пяти, с жесткими нервными глазами и тонкими как карандаш усами.

Второй солдат, невысокая латиноамериканка, вышла с другой стороны машины. Третий гвардеец — мужчина, коренастый — остался в башне.

Позади них из второй машины никто не выходил. Лиам осмотрел окна «Хамви» через прицел. Четыре фигуры с оружием наготове.

Его пронзила дрожь. Он ненавидел целиться в американских солдат. Это противоречило всему, во что Лиам верил, всему, чем он был.

И все же, ради своих друзей, ради своего города он готов на все.

Первый гвардеец кажется старший по званию. Он шагнул вперед с излишней развязностью и заговорил:

— Расступитесь! Этот город переходит под юрисдикцию штата из-за подозрений в укрывательстве внутренних террористов.

На форме солдата виднелись заметные выпуклости бронежилета. Лиам навел оружие на его череп.

— Меня зовут Хосе Рейносо, я исполняю обязанности начальника полиции Фолл-Крика, — громко и медленно представился Рейносо. — У нас нет никаких внутренних террористов.

Женщина-солдат обследовала здания по обе стороны от них. Лиам оставался неподвижным в тени, ствол его карабина находился далеко внутри оконной рамы. С импровизированной снайперской сеткой она не смогла бы его обнаружить.

М4 Лиама казался детской игрушкой по сравнению с 50-калиберным зверем, установленным на башне ведущего «Хамви», и нацеленным на баррикаду и горожан, засевших за ней.

84-фунтовый пулемет М2 «Браунинг» имел скорострельность 450–600 выстрелов в минуту, максимальную дальность стрельбы 2000 ярдов и скорострельность почти 3000 футов в секунду. Своими пулями длиной 5,5 дюйма пулемет М2 мог разнести в клочья здание.

Лиам перевел прицел на машины, ища слабые места. Осколочные гранаты не повредят первую машину, поскольку она бронирована, но вторая не имела брони.

«Хамви», предназначался в основном для перевозки личного состава и легких грузов за линией фронта, а не в качестве боевой машины.

Усатый не сводил глаз с Рейносо.

— По нашим данным, Бриггс — начальник полиции.

— Он мертв, — категорично заявил Рейносо. — Если у вас есть записи о полицейских,

вы увидите мое имя. И офицера Хейса, и нашего теперь уже штатного офицера, Саманты Перес.

— Этот город переходит под нашу юрисдикцию по подозрению в укрывательстве внутренних террористов, — повторил Усатый. — Отступите и дайте нам проехать.

— Я не могу этого сделать, — возразил Рейносо. — Если вам есть что обсудить, мы можем сделать это за чертой города. Мы даже пошлем делегацию в офис губернатора в Лансинге, чтобы объяснить наше дело. Но здесь и сейчас мы не уступим.

Подняв пистолет, Усатый сделал несколько стремительных шагов, сокращая расстояние между собой и начальником полиции.

Лиам стиснул челюсти. На лбу выступил холодный пот. Если гвардеец приблизится к Рейносо, Лиам не сможет вмешаться, когда все пойдет наперекосяк.

Ему нужно чтобы солдаты оставались на месте.

Лиам прицелился, надавил на спусковой крючок и сжал его. Громкий треск потряс воздух.

Куски асфальта взорвались в пяти метрах перед Усатым. Он отпрыгнул назад с проклятием.

Взяв пример с Лиамы, Бишоп сделал свой предупредительный выстрел. Бум! Вторая пуля расколола дорогу в нескольких метрах от женщины-гвардейца.

Из второго «Хамви» посыпались проклятия, солдаты пригнулись в укрытие.

Женщина прижалась спиной к двери первого «Хамви». Диким взглядом она окинула баррикаду — бетонные ограждения, заполненные грязью бочки, сложенные в ряд со стратегическими отверстиями для оружия, дула которых блестели в солнечном свете.

Ее оружие покачивалось взад-вперед, ища угрозу, но не находя ее.

Усатый нацелил свой М4 на голову Рейносо. Он дрожал от ярости, но его палец не лежал на спусковом крючке. И все же.

— Скажи своим людям, чтобы отступили, или мы откроем огонь!

Пот стекал по лбу Лиамы и затекал в левую бровь. Он не моргал, но оставался сосредоточенным.

Настроив прицел, он навел его на лоб цели. Следующий выстрел разнесет не асфальт.

Сохранять спокойствие. Всем нужно успокоиться, черт возьми.

— Это был предупредительный выстрел, — заявил Рейносо. — У нас нет желания драться, но и бросаться на нас не стоит.

— Тебе повезло, что я не снес твою башку! — прорычал Усач.

— Если бы выстрелил, мои снайперы уничтожили бы тебя и твоих людей еще до того, как ты запустил бы свой «Ма Дьюс». Говори, что тебе нужно и уходи.

— Фолл-Крик поступает под контроль генерала Синклера по распоряжению губернатора Даффилда. Если вы откажетесь принять нас, это будет равносильно измене. Последствия будут ужасными. Впустите нас!

Рейносо вздрогнул, но не отступил. Они стояли лицом к лицу, на расстоянии не более двадцати ярдов друг от друга. На Рейносо наставили не менее четырех винтовок. 50 калибр заряжен, готов нести смерть и разрушения.

Фолл-Крик нацелил десятки стволов на гвардейцев — некоторые они могли видеть, большинство — нет.

Напряжение затянулось, готовое вот-вот оборваться.

— Гастингс, — прошипела женщина-гвардеец.

— Я буду стрелять! — крикнул Усатый или Гастингс. Его руки тряслись. Его глаза все еще смотрели с тяжелым нервным выражением, взволнованные и раздраженные, как у человека, который реагирует на любой шорох. Все стремительно катилось в пропасть.

— Если ты выстрелишь, то выстрелят и наши снайперы, — процедил Рейносо. — Вы их не видите, но они видят вас. Вы уверены, что хотите открыть огонь по американским гражданам? Уверены, что сможете выбраться отсюда? Потому что у вас может быть и достаточно огневой мощи, чтобы одолеть нас, но гарантирую, вы трое точно не уйдете отсюда живыми.

Женщина-гвардеец сделала нерешительный шаг назад к открытой пассажирской двери «Хамви». Ее шаги были неровными, оружие дрожало.

Ни один из них не выглядел привычным к высоконапряженным, потенциально боевым ситуациям.

— Гастингс, — сказала она снова, громче. — Мы должны уходить.

Гастингс посмотрел на Рейносо. Похоже, он не ценил искусство компромисса.

— Иди, — пробормотал Лиам себе под нос. — Давай, просто иди.

Его нервы были взвинчены, все чувства на пределе, он ждал, молясь, чтобы этот вспыльчивый парень отступил. Прицел оставался нацеленным на голову Гастингса, палец лежал на спусковом крючке, карабин твердо и уверенно лежал в руках Лиамы.

Одно неверное движение, и он размажет мозги этого солдата по потрескавшемуся асфальту.

Выругавшись, Гастингс расслабился. Он развернулся и пошел обратно к «Хамви», товарищи по оружию прикрывали его отход.

Он махнул второй машине, забрался внутрь и захлопнул дверцу.

«Хамви» сдал назад, затем медленно, с трудом развернулся и поехал на север по трассе М-139.

Никто не двигался, пока гул двигателей не затих.

— Они ушли, — объявил Бишоп по рации. — Кризис предотвращен. Пока, во всяком случае.

Лиам почувствовал облегчение. Впрочем, оно будет недолгим. Если он что-то и понимал в жизни, так это закон Мерфи.

Ситуация становилась все хуже.

Лиам встал, морщась от боли в боку. Он взял в руки оружие и нажал на кнопку микрофона.

— Они вернутся. В следующий раз они приведут с собой своих друзей.

Глава 12

Лиам

День сто пятый

На следующее утро Лиам предстал перед четырьмя десятками новобранцев.

С каждым днем все больше трудоспособных горожан добровольно вставали на защиту своих домов и всего, что они любили. Все меньше и меньше людей ожидали, что за них это сделают другие.

Лиам привел их в парк у реки, где имелось открытое травянистое пространство, еще не использовавшееся для посевов или скота. Он обучал их небольшими группами, чтобы всегда на посту находились отряды охраны и дозорные.

В составе армейского спецназа его одним из первых перебросили за линию фронта. В Афганистане он занимался подготовкой местного населения к борьбе с талибами.

Лиам прочистил горло.

— Сегодня мы будем изучать стрельбу и базовую пехотную тактику — то, от чего зависят ваши жизни.

Лиам говорил просто, поскольку обращался не к обученным солдатам, привыкшим к военному жаргону.

— Если Национальная гвардия вступит в бой, не стреляйте, если только это не крайняя мера. Мы не будем убивать американских военнослужащих, пока у нас есть выбор. Только если это спасет жизнь.

Разношерстная группа мрачно кивнула. На них были джинсы и рабочие ботинки, помятые куртки и грязные пальто, охотничьи ружья и дробовики, перекинутые через плечо. Их лица выражали тревогу, но не панику.

Здесь собрались банковские служащие и учителя, официантки и строители. Матери и отцы. Соседи и друзья. Обычные люди, оказавшиеся в чрезвычайных обстоятельствах и сумевшие выстоять.

— Национальная гвардия может похвастаться сложным оборудованием для поиска — направленным пеленгатором, который автоматически устанавливает триангуляцию и дает им наши ориентиры. Я не знаю, насколько это оборудование защищено от ЭМИ. Допустим, что оно работает, сведем радиопереговоры к минимуму и будем часто менять частоты. Перес предоставит вам эти частоты, позывные и так далее.

— Когда вы на дежурстве, практикуйте шумовую дисциплину. Ночью мы работаем, соблюдая световую дисциплину. Никаких сигарет. Ограничение фонариков. Никаких костров, которые видны на больших расстояниях, особенно с очками ночного видения.

— Ночью на улице минус один, — сказал Ральф Хендерсон-Смит. — Мы должны оставаться в тепле.

Лиам сжал челюсти от разочарования. Не на него, а на ситуацию.

— Делайте, что можете. Постарайтесь укрыть костры от возможной прямой видимости противника. И старайтесь держаться небольшими, рассредоточенными группами. В тесной группе одно прямое попадание убивает все и всех.

Их глаза расширились при этих словах, но люди слушали. Слова Лиамы доходили до них.

— Кроме дозорных на блокпостах, оставайтесь как можно более скрытыми. Если они смогут обнаружить вас, значит, смогут и убить. Мы улучшим нашу скрытность от передовых наблюдателей и беспилотников.

Он молился, чтобы у Генерала не нашлось беспилотников или «Хищника».

Если они есть, потери Фолл-Крика будут огромными.

— Мы знаем, что у них есть бронетанковые и воздушные средства, поэтому мы усиливаем оборону нашего основного поселения мобильными патрулями и скрытыми боевыми позициями. Вы, наверное, заметили все ямы, которые мы вырыли. Некоторые из вас уже провели некоторое время внутри одной из них. Эти окопы могут спасти вам жизнь.

Лиам взглянул на Бишоп.

— Что-нибудь еще?

— Думаю, пока все, — отозвался Бишоп.

С хитрой ухмылкой Рейносо хлопнул в ладоши.

— Кто хочет пострелять?

Четыре десятка новобранцев подняли руки.

Рейносо соорудил импровизированное стрельбище и установил дюжину мишеней на расстоянии от пяти до пятнадцати ярдов. Лиам заставил новобранцев практиковаться в стрельбе стоя, с колена, с одной руки и по движущимся мишеням. Он объяснил им, как правильно держать оружие в исходном положении.

Перес обучала их разборке, осмотру и чистке винтовок и пистолетов, а Лиам знакомил с основами стрельбы, маневрирования, наблюдения и оборонительных стратегий.

Поскольку патроны имели решающее значение, жители города тренировались с незаряженным оружием или использовали обширную коллекцию пневматического оружия и травматический-пистолет Рейносо для имитации стрельбы по мишеням.

Пока они тренировались, Хейс организовал младших подростков, которые еще не годились для несения караула, и заставил их рыскать по городу, собирая мешки из-под песка и рогожи из сараев, навесов и гаражей.

Постепенно оборона Фолл-Крика укреплялась.

Глава 13

Лиам

День сто пятый

Во второй половине дня Лиам осмотрел южный блокпост, расположенный перед мостом.

Каждую минуту он сканировал окрестности, прислушиваясь к любому неуместному звуку, любому странному движению или тени.

Солнце грело его голову и плечи. Бодрый ветерок шелестел ветвями деревьев. На нескольких ветвях появились первые почки, несколько зеленых веточек пробивались под пожухлой травой и пятнами грязного снега.

Южная часть города знавала лучшие времена. Пулевые отверстия усеивали автомобили, заглохшие на парковках. В кирпичных фасадах нескольких офисных зданий зияли дыры. Осколочные гранаты выбили окна в продуктовом магазине «Френдли», аптеке Винсона и пиццерии.

Хотя добровольцы убрали осколки разбитого стекла, расплавленный пластик и гильзы, весь квартал по-прежнему выглядел как зона боевых действий, пораженная снарядами.

Пока все находилось в норме — в новой норме.

Но это не значит, что так будет и дальше.

Слева от него Квинн стояла за баррикадой и изучала Старую 31-ю дорогу в бинокль. Уитни Блэр прижалась к ней — бледная, испуганная, с дробовиком в руках.

Джонас Маршалл проверял и перепроверял свою винтовку, прокладывая шагами линию через комья снега. При каждом удобном случае он подходил к Квинн. Как будто никто ничего не понимал.

Лиам сделал себе пометку присматривать за мальчишкой. С этими голубыми глазами и светлыми волосами он слишком красив для своего собственного блага.

Бишоп и несколько десятков горожан тоже дежурили. Большинство прятались в зданиях и сидели в окопах, их не было видно, только изредка из земли высовывался ствол винтовки. Другие команды занимались рытьем новых окопов.

Лиам приказал построить окоп с раздвоенным парашютом. Они утрамбовали две

большие кучи грязи перед каждым окопом. Грунт обеспечивал значительную фронтальную защиту и в то же время позволял вести прямой огонь между двумя кучами и флангами.

Для взятия боевого окопа с лобовой и фронтальной защитой требовалось в три раза больше огневых средств, чем просто открытого.

Боевые окопы конечно не настолько невидимы, как Лиаму хотелось бы, но вполне пригодны. Они маскировали их от приборов ночного видения и всего, что имеет инфракрасные возможности для поиска тепловых сигнатур тела.

Закрытые боевые отверстия не позволят никому — ни дронам, ни людям — обнаружить тепло тела с помощью инфракрасных технологий. На случай, если у генерала есть несколько фокусов в рукаве.

Несколько минут назад Лиам связался с Рейносо на северном блокпосте. Группу реагирования они задействуют при первой необходимости.

Фолл-Крик пребывал в полной боевой готовности, но жизнь продолжалась.

Не так давно Ханна привозила обед из свежеевляемого оленя, нескольких консервированных персиков и воды. Затем она отправилась планировать еще одну встречу с Дейвом, чтобы организовать доставку еды для сменяющихся групп безопасности.

Молли и Аннет составляли график работы добровольцев на местных фермах, пока Эвелин работала в медицинском пункте, а Тревис присматривал за двумя дюжинами детей.

Квинн испуганно вскрикнула.

— Что ты видишь? — спросил Лиам, его сердцебиение участилось.

Квинн протянула ему бинокль.

Встревоженный, он осмотрел местность. Движение посреди дороги. Вдалеке показалась фигура, направляющаяся к ним.

— Что нам делать? — пискнула Уитни. — Мне стрелять?

Лиам напрягся, потянулся к М4, но что-то остановило его руку.

— Жди и наблюдай. Держись за баррикадой.

Они следи за приближением фигуры. Размер и походка говорили о том, что это скорее мужчина, чем женщина. Он двигался отрывистыми, неловкими шагами.

— Он похож на зомби, — проговорила Квинн. — Пожалуйста, скажите, что наш апокалипсис не перешел на новый уровень ужаса.

— Это невозможно, — отозвался Джонас, но в его голосе звучал неподдельный страх.

— Неужели? — Квинн отшутилась. — В наши дни меня уже ничто не удивит.

— Это Альберт Эдлин, — произнес Бишоп. — Фермер. Он ранен.

В сорока ярдах от них Альберт Эдлин, прихрамывая, вышел из-за заглохшей синей «Тойоты». Чуть за семьдесят лет, с согнутой спиной и ссутуленными плечами, он шел в пыльном джинсовом комбинезоне, надетом под поношенную красную куртку.

Лиам узнал в нем одного из тех мужчин, которые набросились на него в гостинице «Фолл-Крик», обвинив в противостоянии с ополченцами.

Коринна Маршалл их тогда отчитала; Эдлин извинился после того, как Лиам урезонил его приятеля своевременным ударом.

На мгновение Лиам подумал о Робе Макферсоне, другом старике из другого города.

Альберт Эдлин подошел ближе. Он волочил левую ногу за собой, прижимая правую руку к груди. Что-то в этой куртке...

Лиам прищурился, ужас застыл в его венах.

Куртка не красного цвета. Она окрасилась кровью.

— Альфа-2 забирает старика, — передал Лиам по рации. — Обеспечьте прикрытие.

— Принято, — повторили несколько голосов.

— Давай за ним, — скомандовал Лиам Бишопу. — Мы тебя прикроем.

Бишоп жестом попросил Джонаса помочь ему. Парень перекинул винтовку через спину, когда они выбежали на дорогу и направились к Эдлину. Каждый взял его под руку. Они повернулись и наполовину несли, наполовину тащили старика за блокпост.

Лиам крутил головой, проверяя, нет ли угрозы, которую они не могли видеть. Он попросил Уитни и Майка Дункана присмотреть за Эдлином, хотя две дюжины пар глаз уже следили за дорогой.

Бишоп прислонил Альберта Эдлина к большой деревянной бочке. По обе стороны от него сгрудились Квинн и Джонас, их лица побелели от ужаса.

Эдлин делал неглубокие, хриплые вдохи. Из его груди вырвалось тревожное бульканье. Из раны под сломанной рукой сочилась кровь. Свежие синяки покрывали его морщинистое лицо.

Это не случайность. Его избили. Даже скорее, пытали.

— Ему нужно в больницу, — проговорил Джонас.

Бишоп опустился на колени рядом с Эдлином.

— Мы не можем его перемещать. Он уже потерял слишком много крови.

— Вызовите Ли и Эвелин! — рявкнул Лиам. — Приведите их сюда сейчас же!

Квинн кивнула, уже доставая рацию.

— Почему наши разведчики не предупредили нас? — спросил Джонас. — Они должны были его увидеть.

— Он свернул с дороги Динс Хилл, — сообразила Уитни. — Его ферма находится на Динс-Хилл, на Рейндж-роуд. Разведчики находятся дальше, на Старой 31-й дороге. Он оказался между нами и ними.

Лиам достал свежие бинты и марлевый кровоостанавливающий пластырь из аптечки в рюкзаке и передал их Бишопу.

Расстегнув молнию на куртке Эдлина и распахнув его комбинезон, Бишоп занялся ранами фермера.

— Кто это с тобой сделал?

— Этот проклятый... генерал. — Из потрескавшихся губ Эдлина сочилась кровь. — Он послал своих головорезов... они убили Венди... они убили мою жену.

Лицо Лиама вспыхнуло. Страшная, низменная ярость захлестнула его.

— Как, черт возьми, они проникли за периметр?

— Ферма Эдлина находится за чертой города, — пояснил Бишоп. — В стороне от основных дорог. Мы не можем следить за всем.

Как бы Лиам ни ненавидел это, Бишоп прав. Десятки усадеб и ферм раскинулись за пределами самого Фолл-Крика. Территория слишком велика, чтобы ее охранять.

Аннет послала своих подростков предупредить всех и предложить им перебраться в город, пока они не справятся с этой новой угрозой.

Фермеры оказались упрямыми; никто из них не пришел. Ни Хэдли, ни Крогер-Майеры ни Моррисоны, ни Чак Уоллес с его сотни акров виноградников.

Для подготовки к весенней посадке предстояло сделать слишком много. Если они не начнут работу на фермах, то к моменту сбора урожая все будут голодать.

В их словах был смысл.

— Он отправил меня... как послание... — пробормотал Эдлин.

— Тебе не стоит говорить, — посоветовал Бишоп. — Побереги свои силы.

Эдлин уныло покачал головой.

— Я должен... последнее, что я должен сделать. — С огромным усилием он поднял голову и встретился взглядом с Лиамом. — Он здесь ради тебя.

Лиам застыл.

— В каком смысле? — спросила Квинн в тревоге.

— Генерал просил передать тебе... передать, что он пощадит Фолл-Крик. Но он хочет, чтобы ты... — Он сделал паузу, хрипя, борясь за кислород. — Двадцать четыре часа. Он даст нам двадцать четыре часа, чтобы выдать тебя. Привезти тебя в гостиницу «Булевард». Если мы этого не сделаем, он пришлет гвардию... пятьсот человек, дюжину бронемашин, пулеметы... у него есть «Черный ястреб» с ракетами...

С нарастающим ужасом Лиам представил себе последнюю позицию Фолл-Крика — его друзей за их жалкими укреплениями, запертых и беспомощных, когда с неба с грохотом обрушится залп нацеленной артиллерии. Их уничтожат за минуту или меньше.

Квинн выпрямилась и резко вдохнула. Она уставилась на Лиаму; кровь отхлынула от ее лица.

— Твою мать...

— Генерал сказал, что мы стали террористами... что мы выступили против собственного правительства... — Эдлин выкашлял полный рот крови. Она потекла по его подбородку и забрызгала исхудалые щеки. — Что ты убил его дочь.

Уитни испуганно всхлипнула. Лиам не мог оторвать глаз от Альберта Эдлина.

— Что еще он сказал?

Избитое, сморщенное лицо Эдлина исказилось. Он поднял дрожащую левую руку, ухватился за лацкан куртки Лиаму и притянул его ближе. От него воняло медной кровью, кислым потом и приближающейся смертью.

Лезвие страха вонзилось Лиаму между ребер.

Он не отстранился.

— Расскажи мне все.

— Они выстрелили моей жене между глаз. — Его слова звучали отрывисто и хрипло. Но его глаза — его воспаленные глаза — вспыхнули горем и яростью. И ненавистью. — Они застрелили ее, Коулман. Из-за тебя. Он сравнивает Фолл-Крик с землей... и всех, кто в нем живет... из-за тебя.

Обессиленный, Эдлин привалился к ограждению. Его иссохшая рука безвольно упала на бок. Бледные веки дрогнули и закрылись.

Пошатнувшись, Лиам опустился на землю.

Послание генерала прозвучало ясно и громко. Если Синклер мог пытаться старого фермера, значит, он способен на все.

Они столкнулись с врагом, у которого гораздо больше людей и огневой мощи. Этот человек, этот безликий враг, хуже, чем Розамонд.

Розамонд была известной величиной. Генерал же, напротив...

Он только что сделал этот конфликт очень, очень личным.

Ужас, как камень, поселился в животе Лиаму.

Это его вина. Вместо того чтобы защищать людей, которых любил, он поставил их под прицел. Он всего лишь один человек. Вся его подготовка, навыки и опыт меркли на фоне

целой армии.

Лиам не мог их защитить.

Он не мог спасти Ханну.

Послышался гул далекого двигателя. Несколько членов команды охраны обернулись лицом к городу, наполовину подняв оружие, нервы натянуты, напряжение на пределе.

Это оказался один из своих.

Эвелин подъехала к ним, припарковалась за стойкой для мотоциклов и спрыгнула с квадроцикла.

Она помчалась к заграждению с медицинской сумкой в руках.

— Что случилось?

— Слишком поздно, — убито простионала Квинн. — Он мертв.

Глава 14

Ханна

День сто пятый

— Это то место, да? — спросила Ханна Лиама.

— Да, оно похоже на пещеру, но не совсем, — ответил он.

Лиам и Ханна пришли в «Соляную пещеру», укромное местечко на северной окраине города, сразу за гостиницей вдоль реки, в пределах нового периметра безопасности.

Снаружи полная луна заливала все серебристым светом. Холодный туман стелился между зданиями и деревьями, окутывая мир зловещей белой дымкой.

Внутри два керосиновых фонаря освещали мерцающим оранжевым светом комнату размером двенадцать на двенадцать, оформленную как пещера. Стены имели темный цвет и фактурную отделку со встроенными скамейками.

В фальшивом камине в углу лежало несколько кусков соли размером с кирпич. На каждой стене висели подвесные светильники в форме глобуса — их лампочки давно погасли. Пол покрывали шесть дюймов крупной, розовой соли.

Оружие Лиама стояло у стены фальшивой пещеры рядом с его рюкзаком. Ханна держала под рукой свой надежный «Ругер». Перес стояла на страже снаружи на случай неприятностей.

Новости быстро распространялись по сети связи, которую Дейв и Джамал создали вместе. Уже через несколько часов каждый житель Фолл-Крика знал об ужасном убийстве Альберта и Венди Эдлин.

Угроза со стороны Генерала нависла над городом, как надвигающийся ураган, зловещие грозные тучи сулили насилие.

Ханна чувствовала, как секунды и минуты тикают, словно бомба замедленного действия. До истечения срока ультиматума оставалось всего четырнадцать часов. Город должен дать свой ответ на требование Генерала.

Совет соберется завтра утром, чтобы принять окончательное решение.

После смерти Эдлина они с Лиамом почти не виделись. Лиам допрашивал разведчиков, собирая все сведения, которые только мог получить, а затем часами укреплял оборонительные линии и работал со снайперами.

Ханна тоже работала сверхурочно, с Шарлоттой в переноске, она встречалась с членами Совета и различными общественными группами, чтобы успокоить людей и объяснить, что произошло.

Горожане испытывали тревогу, смятение и ужас. Ханна не могла их винить.

Наконец наступила ночь, и жители города вернулись в свои дома, освещенные свечами.

Майло и Шарлотта спали под присмотром Молли, поэтому Ханна попросила Лиама встретиться с ней вечером. Его нужно разговорить, но она не хотела давить на Лиама, пока он не будет готов. Он все расскажет на своих условиях.

Ханна глубоко вздохнула.

— Нам нужно больше, чем пули, чтобы выжить. Я знаю, с чем мы столкнулись, но мы не можем позволить себе перестать планировать будущее. Даже сейчас.

Лиам оперся на лопату и уставился на соляные курганы так, словно они могли его укусить.

— Я понятия не имел, что это за место. Думал, просто магазин, где продают лавовые лампы.

Хотя в маленьком магазине продавались лампы с гималайской солью, эфирные масла и соли для ванн, его главной особенностью была «соляная комната», где покупатели вдыхали целебный аэрозольный воздух и погружали ноги в соль, как на песчаном пляже.

— Ты когда-нибудь слышал фразу «на вес соли»? — спросила Ханна.

— Возможно, слышал. Но никогда не думал, что это значит.

— Во времена Древнего Рима соль была настолько ценным товаром, что ее использовали в качестве валюты. Рабы покупались и продавались с помощью соли. Солдатам платили солью. Как и тогда, соль скоро будет пользоваться большим спросом. Мы успеваем раньше, чем это осознают все остальные.

— Ты вычитала это в одной из книг Молли.

— Да, — согласилась Ханна. — Но Эвелин, использовавшая солевой раствор для промывания твоих ран, напомнила мне об этом. У соли так много применений. Она подавляет бактерии в ранах, что становится все более важным в условиях нехватки антибиотиков. Организм нуждается в натрии, чтобы функционировать. Нам нужна соль, чтобы сохранить мясо и рыбу без холодильника.

— Почему-то соль никогда не стоит на первом месте в обычных списках выживания людей. Мы настолько привыкли к ее обыденности, что трудно представить, что люди могут умереть без нее. Но кто производит соль? Что мы будем делать, когда в нашей кладовой закончится контейнер?

Лиам нащупал ногой небольшой бугор.

— Это не похоже на соль.

— Розовая гималайская соль ценится за свои полезные и целебные свойства, но мы можем использовать ее и как обычную соль.

Лиам скорчил гримасу.

— Люди суют в нее босые ноги, знаешь ли.

— Нищие не выбирают. Ты видишь еще горы соли, лежащие поблизости?

— Туше. — Лиам воткнул лопату в соль и высыпал груз в сверхпрочный мусорный мешок. — Не пересоли.

Ханна закатила глаза.

— Правда?

Он пожал плечами.

— Юмор — не моя сильная сторона.

Ее губы дернулись.

— Очевидно.

Щеки Лиам покраснели, он жестом обвел комнату.

— Итак, каков план на все это?

— Мы поделим её между собой, продадим небольшие порции на Дне торговли и оставим хотя бы половину для продовольственной кладовой в церкви Кроссвей, чтобы распределять по мере необходимости. Завтра утром я попрошу детей и пожилых людей разделить ее по небольшим герметичным контейнерам.

— Это хорошее дело, им нужно чем-то заниматься.

— Если мы все будем сидеть и думать о том, что нас ждет, то сойдем с ума. Я знаю, что так и будет.

Несколько минут они работали в тишине. Лиам ничего не говорил. Ханна не давила на него. Его плечи были напряжены, все тело дрожало от напряжения.

Когда мусорный мешок потяжелел, они завязали верх и подняли его в тачку, затем принялись за второй.

Мышцы и сухожилия в больной руке Ханны разболелись. Ей стоило невероятных усилий обхватить своими искривленными пальцами ручку лопаты. Ее рука никогда не станет нормальной, но с помощью крови, пота и слез она смогла заставить сломанные части согнуться по ее воле.

Они наполнили еще три мешка, сложили их в тачку и оттащили к квадрациклу. Потом выгрузили мешки в прицеп к яблочно-красному «Хонда Фортракс» 1988 года выпуска. Этот полноприводный вездеход принадлежал Рэю Шульцу, но они взяли его в пользование.

Как только прицеп заполнится, они отвезут его обратно к Молли, чтобы разгрузить и вернуться для второго захода.

Лиам стоял вполоборота к Ханне, его взгляд не отрывался от соли.

— Я должен это сделать. Я должен сдать.

Ханна замерла. Она уставилась на его спину.

— Нет.

— Город должен выдать меня.

— Они тебя не выдадут.

— Они должны.

— Может и так, но не выдадут.

Он ничего не сказал.

— Лиам.

Он повернулся к ней лицом, его взгляд был мрачным.

— Ты невероятно веришь в людей.

— В мире есть плохое. Но есть и хорошее. Я верю в это добро.

Тени от керосиновых фонарей колебались по линиям его сурового лица. Даже при слабом свете Лиам выглядел изможденным. Тени под глазами. Напряжение и беспокойство в каждой складке лица.

— Они верят в тебя тоже.

Его широкие плечи опустились, как будто тело начало прогибаться.

— У генерала пятьсот солдат. Я всего лишь один человек. Я не какой-то супергерой.

— Теперь ты один из нас. Они не отдадут тебя, даже, чтобы спасти себя.

Его лицо скривилось. В глазах появилось отчаяние. Его стоическая твердость пошатнулась.

— Я не могу спасти этот город, Ханна. — Голос Лиамы надломился. — Я не могу.

Он нес на своих плечах тяжесть всего мира. Какая невероятная ноша — нести, не сломавшись.

Ее грудь сжалась, сердце наполнилось состраданием.

— Мы не просим тебя об этом, — прошептала Ханна. — Не в одиночку. Не самому.

Его адамово яблоко напряглось.

— Если я сдамся...

— Даже если ты сдашься, нет никакой гарантии, что он не уничтожит город, как только убьет тебя. Мы все участвовали в свержении Розамонд. И кроме того, есть «Винтер Хейвен» Уверена, он уже положил на него глаз.

— Я знаю, — сказал Лиам. — Я знаю.

Между ними воцарилось молчание. Что они могут сделать? Вопрос повис в воздухе, так и не прозвучав.

Затем Лиам сказал:

— Мы можем уехать.

Глава 15

Ханна

День сто пятый

Ханна уставилась на Лиаму, пораженная.

— Что?

Лиам прислонил лопату к тачке и развел руки, ладонями наружу, как бы сдаваясь неизбежному.

— Мы в тупике. Ты знаешь это.

Ее дыхание сбилось. Комната резко стала слишком маленькой, стены пещеры смыкались.

Она знала это. Конечно, знала.

И все же, когда Лиам произнес вслух, это стало более реальным.

Он сделал шаг к ней. На его лице отразилась боль, черты, которые она так любила, исказились в страданиях.

— Мы не можем победить этих людей. Мы строим хижины из грязи, чтобы противостоять цунами. Как луки и стрелы против танков. То, что мы можем сделать — то, что мы сделали — этого недостаточно. Этого не хватит.

— Что ты пытаешься сказать?

Лиам закрыл глаза на мгновение, затем открыл. В его походке чувствовалась большая усталость, в лице мелькнуло что-то похожее на поражение.

— У меня есть два грузовика с полными баками дизельного топлива и двумя канистрами биотоплива, плюс еды и воды на три дня.

Она удивленно моргнула.

— У тебя... есть?

— У меня остались запасы на два дня после прибытия в Фолл-Крик. Я пополнял их по мере возможности. — Его лицо ожесточилось. — У меня подготовлен путь отхода. Если ничего не получится, я смогу вывезти тебя и детей.

Ханна уставилась на Лиаму, потеряв дар речи.

— Мы можем вырваться из сети генерала и отправиться на север, обойти Гранд-Рапидс,

Каламазу, любые города, держаться более узких дорог и добраться до Верхнего полуострова.

— Верхний полуостров, — повторила она с нарастающим ужасом.

— Твой брат прав. Там гораздо меньше людей. Много земли для хорошей охоты и садоводства, больше озер для рыбалки и пресной воды.

Ее сердце забилося быстрее. Во рту пересохло.

— Ты хочешь уехать.

— Я не хочу. — Лиам покачал головой. Он поднял и опустил руки, в его взгляде появилось что-то растерянное и уязвимое. — Я боюсь, что мы должны это сделать. Ты и я, Тревис и Эвелин, Майло, дети. И Призрак.

Он сделал паузу, словно проверяя собственную решимость.

— Путешествие будет опасным, но мы сможем проехать окольными путями. У нас будет пара стрелков и много оружия и патронов.

— Мы остановимся в моем домике недалеко от Траверс-Сити и пополним запасы провизии. Он находится в стороне от дороги и, скорее всего, не раскрыт. Мы можем взять с собой еще полугодовой запас еды, семян, инструментов и других необходимых вещей, чтобы добраться до дома Оливера. — Мы можем это сделать, Ханна. Это сработает.

Перед ее глазами мелькали картины. Воссоединение с братом. Дом ее родителей в лесу на тридцати акрах, окруженный лесом и озерами. Сарай и пристройки, козы и куры, изгороди для лошадей и коров. Цветущие сады за курятником, пресноводный ручей, протекающий через весь участок.

Дом ее родителей стоял на вершине холма в конце десятимильной грунтовой дороги, уединенный и защищенный.

Они могли быть в безопасности. Ее дети могли быть в безопасности.

Они могли устроить там свою жизнь, она и Лиам. Жизнь вместе.

Ее глаза блестели от обещания того, чего она так отчаянно хотела.

— А Квинн и Молли?

Лиам напрягся. Он опустил взгляд, не в силах скрыть неприкрытую боль в своих глазах — или стыд.

— Места нет. У нас нет ни машин, ни топлива.

— Они — семья.

Его рот истончился в бескровную линию.

— А Бишоп?

Он беззвучно покачал головой.

— Бишоп нам как брат. Рейносо и Перес. Дейв и Аннет. Как мы можем их бросить?

— Если мы останемся, я не могу обещать твою безопасность. Ни Майло, ни Шарлотты. — Он поморщился, словно слова горчили у него на языке, словно произносить их вслух противно, противоречит всему, что Лиам отстаивал.

Ее голос смягчился.

— Ты никогда не сможешь.

Он выглядел измученным, его суровое лицо казалось серым в мерцающем свете, глаза запали.

— Мне... мне так жаль.

Ханна боролась с желанием броситься к нему в объятия. Прижать его к себе и облегчить страдания.

— Это наши люди.

— Я знаю. — Его голос хрипел от сдерживаемых эмоций — разочарования, сожаления, страха. — Поверь мне, я знаю. Но это не отменяет того факта, что оставаться глупо. С тактической точки зрения, наш лучший шанс выжить — отступить. Бежать.

Искушение слишком сильное, чтобы устоять. Обещание безопасности, свободы. Жизни. Обещание, которого на самом деле не существовало.

Никто не мог обещать никому безопасность, даже до Коллапса. Люди умирали в авариях и автокатастрофах, от инфарктов и инсультов. Люди воровали, обманывали и убивали.

Сейчас все намного хуже. Они выживали на острие ножа. Никакой защиты. Нет места для ошибок или самообмана.

Больше безопасности или меньше безопасности. Вот и все.

И даже если бы существовала абсолютная безопасность, смогла бы она покинуть свою общину, свой дом, даже ради спасения своих детей?

Ханна чувствовала себя раздираемой на части. В противоречии до глубины души. Ее дети были ее сердцем и душой. Но и Фолл-Крик тоже. Люди здесь, община, которую они создали, — она любила их не меньше.

Квинн для нее как дочь; Молли — бабушка, которой у Ханны никогда не было. Бишоп значил для нее больше, чем можно выразить словами. Дейв и Аннет стали ее близкими друзьями.

Она любила это место, этих людей так же сильно, как себя.

Если она сбежит с Лиамом и детьми, то обречет своих друзей на верную смерть. Обрекая себя на жизнь с коварным, неизбывным чувством вины до конца своих дней.

Если она останется сражаться, то подвергнет своих детей невероятной опасности. Лиам так или иначе может погибнуть. Они все могут погибнуть. Скорее всего, так и будет.

Будешь проклят, если сделаешь, и будешь проклят, если не сделаешь.

Ханна пошарила рукой в кармане куртки, нащупывая «Ругер» 45-го калибра на бедре. Она всегда носила свою огромную серебряную пряжку, чтобы иметь возможность передергивать затвор одной рукой.

«Ругер» подарила ей добрая и сильная женщина по имени Сиси. Женщина, приютившая незнакомцев, любезно накормившая и укрывшая перед лицом смертельной опасности.

Глупое решение, но в то же время милосердное, необычайно благородное.

Акт доброты стоил Сиси жизни. Но он спас жизнь Ханна.

Она посмотрела на пистолет, почувствовала его гладкую, успокаивающую тяжесть. Ее скрюченные пальцы сомкнулись на рукоятке. Ее искривленная рука — сломанная и не один раз в сыром тюремном подвале. Когда-то она вызывала стыд и ужас, но теперь нет.

Ее шрамы больше не символ слабости, а скорее ее силы.

Ханна подняла голову.

— Я не сделаю этого. Я не уйду.

Лиам ничего не сказал, только смотрел на нее острыми, пронзительными серо-голубыми глазами.

— Пайк не был аномалией вселенной, — объяснила свой ответ Ханна. — Есть и другие, подобные ему. Нелюди. Те, кто питается страхом, страданием и разрушением. Это волки, которых выпустил ЭМИ. И они идут за нами. Они придут за всем хорошим в этом мире.

— Я знаю.

Она пожертвовала слишком многим, чтобы вернуться в это место, построить дом для

себя и своих детей. Сейчас она не собиралась убежать. Она не побежит.

Ханна выбрала любовь. Она выбрала общество. Она выбрала милосердие.

— Это наши люди. Я не отвернусь от них. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти всех, кого смогу, а не только себя или свою семью.

Лиам покорно вздохнул.

— Не могу сказать, что я удивлен.

Она убрала руку с пистолета.

— Прости.

— Никогда не извиняйся за то, кто ты есть, — хрипло произнес он.

Ханна покраснела.

— Мало просто выжить. Я хочу большего. Нам нужно больше. Я хочу справедливости. Мира. Свободы. Не только для себя, но и для других.

— Только и всего, да?

Она тепло улыбнулась ему.

— Я все еще хочу этого. Я все еще верю в это.

— Я знаю, что веришь.

Она сделала шаг ближе. Их разделяло меньше фута. От Лиама пахло чистым потом деревом и чем-то мускусным и земляным. Ее сердце заколотилось в груди. В животе завязался узел.

Слова застряли у нее в горле. Она боялась произнести их вслух, превратить их в реальность, но ей нужно знать.

— Ты уедешь?

— Куда?

— В свою хижину. — Она сглотнула. — Ты возьмешь Бруксов и ЭлДжея?

Лиам наклонил голову, сложное выражение пересекло его черты, его глаза остались темными и непроницаемыми.

— Нет.

Облегчение захлестнуло Ханну, настолько сильное, что у нее подкосились ноги.

— Ты уверен? Я не хочу, чтобы ты принимал решение из-за меня...

— Ханна. — Лиам положил свою ладонь на ее искалеченную руку. Он крепко обхватил ее сильными, мозолистыми пальцами. Когда-то она бы вздрогнула, но не сейчас. Он мог бы раздробить ее кости так же легко, как раздавить яйцо. Но он этого не сделал. Она знала, что он никогда этого не сделает.

Что-то смягчилось в его взгляде. Это суровое лицо, эти свирепые глаза. Ханна не могла отвести взгляд.

Лиам сказал:

— Если ты останешься, то и я тоже.

Глава 16

Лиам

День сто шестой

Лиам ждал.

Секунды тикали на его механических часах. До назначенного Генералом срока оставалось четыре часа.

«А что потом? — прошептал в глубине его сознания ноющий голос. — Что потом?»

Лиам откинулся назад в деревянной кабинке бара в гостинице «Фолл-Крик». Как обычно, он сидел на самом дальнем месте у стены, без доступа к его спине. Его рюкзак стоял у стойки вместе с М4. Вычищенный, отполированный «Глок» лежал на столе в недосягаемости для Шарлотты.

Он окинул взглядом барную стойку, табуреты и пустые полки, задний выход, входную дверь, пустые кабинки перед ними.

В воздухе пахло несвежим пивом и кренделями, хотя последний крендель они съели несколько месяцев назад. Переносной пропановый обогреватель обеспечивал тепло.

Утренний солнечный свет струился сквозь грязные, немые окна. В отличие от многих предприятий в Фолл-Крике и других местах, в гостинице все еще сохранились застекленные окна.

Улицы пустовали. Бар тоже стоял пустой. Днем он не работал, но по вечерам открывался и часто заполнялся людьми, искавшими тепла и общения.

Дейв Фаррис раздобыл немного самогона от Доминик Вест, который он обменял на обычные бобы, пули и пластыри.

Сегодня утром Дейв созвал экстренное общее собрание, чтобы обсудить требования Генерала и провести голосование о том, сдавать ли Лиаму.

Рейносо и Бишоп присутствовали на собрании, а Перес и Хейс следили за безопасностью и патрулями. Они не могли позволить себе собрать всех в большую группу и оставить город без защиты.

Ханна сидела напротив Лиамы, Шарлотта у нее на коленях. Хотя Ханна была членом городского совета, она ушла, чтобы избежать обвинений в предвзятости. Вместо этого она вместе с Лиамой ждала результатов.

Она бросила Призраку полоску вяленой оленины, затем оглянулась, чтобы проверить Майло. Сын сидел за стойкой возле двери, старательно склонившись над блокнотом для рисования, его овальное лицо выражало сосредоточенность.

Два дня он работал над своей новой версией Росомахи — с лицом Лиамы.

Взгляд Ханны скользнул мимо него к стеклянной входной двери. Она нахмурилась.

— Что?

Ханна обернулась.

— Они, конечно, очень долго.

Он заставил себя криво улыбнуться.

— Они голосуют, расстрелять ли меня или сначала сдать, чтобы Генерал мог сделать это лично.

— Имей немного веры в своих товарищей.

Лиам неопределенно хмыкнул.

Она закатила глаза.

— Нам нужно отвлечься.

Он чувствовал себя потерянным и одиноким. Отчаяние подкралось к нему.

У него всегда имелся запасной план на все свои запасные планы. В его голове заранее продумывались запасные варианты и альтернативные пути отхода. Но не в этот раз.

Пойти на требование Генерала означало его собственную медленную и мучительную смерть. Да и город — это может не защитить.

Однозначного ответа нет. Впервые он не мог видеть на несколько ходов вперед.

Лиам был слеп.

Он не знал точно, почему, но решил подчиниться городскому совету. Если они сдадут его, он уйдет. Если нет, то не пойдет.

Соблазн спастись даже не приходил ему в голову.

Ханна права. Фолл-Крик стал его домом. Лиам не хотел его покидать.

И все же, он ожидал, что горожане его предадут. Жизнь их детей стояла на кону. Что еще можно ответить?

Ханна могла поставить все на карту ради общего блага, но большинство людей на это не способны.

Большинство людей беспокоились о том, чтобы иметь хлеб на столе и поддерживать жизнь своих близких. Вот и все. И он не мог их винить.

И все же мысль о том, что город, за который он проливал кровь и сражался, проголосует за его смерть, выворачивала наизнанку. Лиам с ужасом ждал объявления, которое, как он знал, должно прозвучать.

— Эй. — Ханна изучала его, ее глаза были ярко-зелеными в солнечном свете, проникающем через окна. — Ты в порядке? Как твой бок?

Лиам поморщился и потрогал свои повязки под рубашкой.

— Буду. Просто нужно время.

Никакое количество времени не могло исправить разрушенные диски в его позвоночнике. Только операция, а этот вариант уже давно отпал.

Эвелин осмотрела его сегодня утром после ранней тренировки с Квинн. Эвелин осталась им недовольна, но она редко бывала довольна. Будь ее воля, он лежал бы несколько недель прикованным к постели.

Инфекция не распространялась, и это главное. С болью можно смириться.

Шарлотта задорно засмеялась. Она подпрыгивала на коленях Ханны, грызя разноцветную игрушку-прорезыватель, пока ворковала и пищала Лиаму.

Несмотря на напряжение, он не мог не улыбнуться ей в ответ. Шарлотта была одета в комбинезон под маленькой джинсовой курткой, ее вязаная зимняя шапочка сидела низко над большими голубыми глазами.

С пола Призрак раздраженно вздохнул. Ханна бросила ему еще один кусок вяленой оленины, который он проглотил одним махом, а затем снова обратил на нее свои внимательные глаза, умоляя о добавке.

Она вздохнула и бросила ему еще один кусок.

— Ты большой ребенок. Еще один. На этом все.

— Как Квинн? — спросил Лиам негромко, косясь подбородком на Майло.

— Ей лучше. — Ханна закусила нижнюю губу. — Она думала, что убийство Саттера исправит что-то внутри нее. В конце концов, она поняла, что это не так. Она говорит об этом. Уже хорошо. Но она и Майло... она как будто боится быть рядом с ним. Я не знаю, что делать.

Майло и Квинн все еще кружили друг вокруг друга, как корабли, проплывающие в ночи — оба настороженные, нервные и страдающие.

Лиам не знал, что предпринять. Он не был хорош в этом. Не мог разобраться в собственном дерьме, не говоря уже о чужом.

Ханна изучала пожелтевший стол, хмурясь.

— Сегодняшний мир крадет их невинность.

— Это требуется, чтобы выжить.

— Мне это не нравится.

— Это цена, которую каждый должен заплатить, — произнес Лиам.

— Хотела бы я точно знать, что оно того стоит.

Лиам понимал тьму. Он потерял себя в ней.

Его преследует прошлое, годы, проведенные за границей, но и многое, что произошло после ЭМИ — поступки, которое ему пришлось совершить, сделанный выбор.

Он закрыл глаза и увидел это снова. Падающий самолет, летящие обломки, трупы повсюду.

Его брат лежит на улице, не шевелясь. Джесса на кровати, кровь залила ее ноги, грудь, простыни под ней.

«Спаси его, Лиам. Спаси моего ребенка...»

Он заставил себя открыть глаза. Он спас ЭлДжея и родителей Джессы. И Ханну.

И Ханна вернула его, и спасла его в ответ.

Квинн тоже найдет свой путь. Он поможет ей, чем сможет. Если еще будет рядом.

— В этом мире нет выбора, — сказал Лиам. — Ты преодолеваешь трудности и переходишь на другую сторону, или нет.

Ханна вытерла слюни с подбородка Шарлотты и кивнула. Она тоже это понимала. Она столкнулась со своими собственными демонами и вышла с другой стороны, более сильной и жесткой.

— Ты прав. Как всегда.

Он фыркнул.

— Сомневаюсь.

— Поскольку мы все еще ждем, мне бы пригодилась твоя помощь.

— Что нужно?

Ханна достала из кармана сложенный лист бумаги, развернула его и протянула через стол.

— Нам нужно несколько сотен добровольцев, чтобы помочь с весенней посадкой. У меня есть список. Дейв, Аннет и я организовали их в команды и поручили каждому определенную ферму.

— Но нам потребуются вооруженные патрули с каждой группой, чтобы следить за людьми во время работы. Мне бы пригодился твой совет, кого куда поставить, чтобы наилучшим образом использовать их сильные стороны.

Лиам поднял брови.

— Я впечатлен.

— Организация и руководство играют ключевую роль. В построенных нами теплицах растут сотни саженцев. Джамал и Тина построили несколько гидропонных ферм с солнечными лампами. Они могут построить еще больше, имея необходимые материалы.

— Нам нужны трубы ПВХ, пластиковые трубы, контейнеры из пенопласта, ведра и мелкий гравий. Нам также необходимо больше ограждений для коз, кур и коров, которых мы хотим держать в городе. Становится все труднее найти то, что нам необходимо. И, конечно, невозможно посылать отряды сборщиков мусора, когда Генерал дышит нам в затылок.

— Я составлю список, но мне нужна каждая свободная душа для охраны периметра и блокпостов.

Ханна вздохнула.

— Я так и думала.

Лиам потянулся в карман и достал свой постоянный набор — футляр для солнцезащитных очков в твердой оболочке. В нем лежали его мультитул, тактическая ручка из нержавеющей стали, маленький светодиодный фонарик, две зажигалки, складной нож, набор отмычек и носовой платок, обмотанный паракордом.

Он вытащил тактическую ручку, перевернул бумагу и написал имена своим корявым почерком.

— Ого. Вот это почерк.

— Красивый почерк не был обязательным требованием в армии.

— Хорошо, что так. Больше похоже на клубок волос в сливе душа.

Лиам фыркнул. Очень точная оценка.

Шарлотта попыталась протянуть свои пухлые руки через стол и схватить ручку. Он спокойно вытащил ее обратно из-под ее руки.

— Не эта ручка, малышка. Эта красавица — оружие.

— Что делает ее тактической ручкой? — спросила Ханна. — Она выглядит обычной.

— Обычные ручки сделаны из хлипкого пластика. — Лиам сбалансировал ручку на ладони, затем перевернул ее и зажал в кулаке: шариковый стержень направлен вверх, а твердый заостренный наконечник — вниз. — Эта сделана из титана военного класса. У нее жесткая рукоятка для удобного захвата, если потребуется использовать ее для самообороны. В руках умелого владельца этот острый конец может нанести серьезный ущерб. Он предназначен для проникновения и ранения, чтобы вывести из строя.

Она одарила его натянутой улыбкой.

— Теперь я впечатлена.

Лиам сменил хват с режима убийства на режим письма.

— К тому же, она отлично разбивает стекло. Ну и не обращает на себя внимание. Я ношу ее с собой везде, включая досмотр в аэропорту.

— Больше нет.

На его лице появилось страдальческое выражение.

— Нет, больше нет.

Ханна вернула свое внимание к списку, наморщив лоб.

— Мы строим здесь что-то хорошее. Люди зависят от нас. Мы должны защитить это. Мы просто обязаны.

Призрак поднял голову, наострив уши.

Большой пиреней вскочил на лапы и громогласно залаял.

Глава 17

Лиам

День сто шестой

Лиам напрягся. Он схватил «Глок» и опустил его под стол между ног, вне поля зрения, но готовый к применению.

Возле бара раздались шаги. Колокольчик над дверью зазвенел, и в бар вошла Коринна Маршалл, за ней Дейв и Аннет, а также несколько горожан.

Молли, Квинн и Джонас держались позади небольшой толпы, вместе с несколькими местными фермерами. Лиам узнал Дуэйна Лоусона и Кейла Берроуза, двух мужчин, которые приставали к нему в этом самом баре два месяца назад.

Эвелин занималась в медицинском отсеке, но Тревис присутствовал, держа на бедре

малютку ЭлДжея. Он ободряюще улыбнулся Лиаму.

Все столпились в баре. Запах пота и немых тел донесся до Лиама, но не показался ему неприятным.

Их лица стали тоньше, жестче. Мятая одежда свисала с жестких, корявых каркасов. В руках у каждого из них имелось ружье или пистолет. У многих были ножи, а иногда и топоры.

Убедившись, что они не представляют угрозы, Призрак подбежал к Дейву и обнюхал его руку. Пушистый хвост пса приветственно завилял, и Дейв почесал Призрака за ушами.

Лиам поднялся им навстречу, спина прямая, несмотря на боль. Он встретит свою судьбу как воин.

Коринна Маршалл вышла вперед. Владелице местного хозяйственного магазина на вид около сорока лет. Она не была старой, но ее кожа покрылась следами лишений и невзгод. Ее муж, Уэйн, был убит в последней битве с ополченцами.

Она сказала:

— Мы решили.

В баре воцарилась тишина. Не раздавалось никаких звуков, кроме дыхания и шарканья ног. Все смотрели на лицо Лиама, их собственные лица не поддавались прочтению.

Он наблюдал за ними в ответ, его нервы натянулись, каждый мускул напрягся. Желудок сжимался от волнения.

Это имело для Лиама значение. До этого момента он не понимал, насколько. Как горько будет, когда они отвернутся от него. *E Tu, Brutus?*

Коринна стояла, глядя на него застывшими от горя глазами, в которых не чувствовалось ни капли жалости или мягкости.

— Продолжай, Коринна, — велел Дейв.

— Генерал утверждает, что он представляет Лансинг. Что его послал губернатор Даффилд. Но когда мы дали отпор его солдатам, он в ответ убил двоих наших. Двух невинных гражданских. Мы считаем, что ни один законный член вооруженных сил Соединенных Штатов не совершит такого отвратительного поступка, независимо от того, какую форму носит и на какие полномочия претендует. Генерал Синклер такой же, как Розамонд и Саттер, или даже хуже.

Взгляд Коринны скользнул к Ханне.

— Мы уже имели дело с тираном. Нам потребовалось слишком много времени, чтобы распознать его появление. Мы были самодовольны, пока не стало слишком поздно. Мы дорого за это заплатили. Но мы научились на этой ошибке и больше ее не повторим.

Лиам уставился на нее, пытаясь осмыслить слова. Это не то, что он ожидал услышать. Он оказался совершенно не готов.

Коринна сделала паузу.

— Фолл-Крик отказывается подчиниться его требованиям.

Лиам уставился на них.

— Вы понимаете, что это значит. То, что вы говорите.

— Мы пропускаем крайний срок, — сказала Аннет. — Мы не отдадим тебя.

— Ты один из нас, Лиам, — вступил в разговор Дейв. — Мы ни за что не отправим тебя на смерть. Этого не случится.

Лицо Лиама покраснело.

— Это не ополчение. Генерал может похвастаться сотнями солдат. Нас меньше. Мы не

вооружены. Мы проиграем. Мы не можем стоять...

— Мы осознаем наши шансы, — твердо заявила Коринна. — Если дело дойдет до этого, мы будем сражаться. Что бы ты ни потребовал от нас для дальнейшей подготовки, мы сделаем это. Все мы. Все вместе.

На этот раз Ханна улыбнулась по-настоящему. Вспышка красоты, надежды.

— Теперь ты веришь в это?

Лиам не мог ответить из-за внезапного комка в горле.

Глава 18

Лиам

День сто седьмой

С М4 в руке Лиам стоял у окна старого здания суда и изучал Мейн-стрит через очки ночного видения.

Все мерцало призрачными оттенками зеленого. Он осмотрел фасады магазинов, переулки между зданиями, окна и крыши, высматривая проблеск прицела или едва заметное движение тени, которой там не должно быть.

Ночь выдалась темной и неподвижной. На часах 22:00, и все вокруг оставалось без движения. По крайней мере, людей не видно.

Пара енотов пробиралась по тротуару в поисках мусора. На востоке за углом многоквартирного дома скрылась бродячая собака с горящими глазами.

Все вокруг тихо и казалось нормальным — новым нормальным.

Охранники доложили о прибытии десять минут назад. Как и передовые наблюдатели, оставшиеся в пределах досягаемости.

На западном фронте все спокойно.

Затишье перед бурей.

— Срок истек вчера днем, — проговорила Аннет у него за спиной. — Ничего не произошло. Тишина.

Последние тридцать шесть часов все находились в боевой готовности. Каждый дееспособный гражданин укрывался в блокпостах, окопах, снайперских укрытиях и патрулях безопасности, покидая свои посты только для того, чтобы поесть или отлить.

Они ожидали нападения или агрессивной реакции. Как минимум, еще одного замученного фермера, отправленного передать злое послание.

Но ничего не происходило. Никакого сообщения. Никакого ответа.

Разведчики доложили о нулевом движении войск в гостинице «Булевард».

Фолл-Крик оказался заперт в ужасном заточении, скрываясь в тених, ожидая неизвестной участи от безликого врага.

Лиам полуобернулся к комнате. Одинокий керосиновый фонарь, установленный на столе заседаний, отбрасывал оранжевые тени на лица членов совета.

Он окинул взглядом каждого, проверяя язык тела, положение рук, выражение лица. Всегда готов к угрозе, даже среди друзей.

Присутствовали Ханна, Дейв, Аннет, Рейносо, Майк Дункан, Перес и Бишоп. Хейс и Деррил Виггинс дежурили в ночном патруле. Оружие прислонено к стульям или лежит на столе в пределах досягаемости своих владельцев.

Тени, похожие на синяки, застилали глаза, кожа посерела от усталости. Сильное напряжение последних трех дней измотало нервы всем до предела.

— Может, он чего-то ждет. Подкрепления или разведанных. — Рейносо беспомощно пожал плечами. — Кто знает?

Бишоп потер лицо обеими руками и вздохнул.

— Нам нужны оперативные данные. Такое ощущение, что мы слепы. Я ненавижу это.

Лиам тоже это ненавидел. Он ненавидел тревожное, бессильное чувство, пронизывающее комнату, просачивающееся в его поры. Он был человеком действия, а не инерции.

— Что генерал будет делать дальше? — спросила Ханна. — Как он решит атаковать?

Он сжал карабин и почесал голову. Ему нужно принять душ. Если им везло, душ принимали раз в неделю, а протирание мочалкой служило лишь временной мерой.

Еще ему нужно выспаться. Последние пару дней он спал около трех часов.

— Мы знаем, что у них есть «Черный ястреб». А пулемет 50-го калибра пробивает обычное здание как бумагу. Некоторые полки Национальной гвардии владеют минометами.

— Думаешь, военные будут использовать такое оружие против гражданских? — недоверчиво спросил Дейв.

— Если они считают, что мы местные террористы и представляем реальную и настоящую угрозу для этой страны, то да, — ответил Лиам. — Их разведанные ошибочны, ими намеренно манипулируют ради выгоды одного человека, но они этого не знают. Они обучены выполнять приказы.

Аннетт покраснела.

— Как нам от этого защититься?

— Никак, — отчеканил Лиам. — Либо спастись бегством. Либо прятаться. Но лучше иметь чертовски хорошее укрытие.

Аннет на мгновение задумалась, затем ее лицо просветлело.

— Возможно, у меня есть идея.

— Выкладывай, — скомандовала Перес. — Нам очень нужны идеи.

— Средняя и старшая школы строились в начале шестидесятых во время холодной войны. В обеих есть большие противорадиационные укрытия в подвале. Мы использовали их для хранения письменных столов и инвентаря уборщиц десятилетиями, но можем привлечь команду, чтобы их очистить. Это сработает?

Лиам обдумал сказанное.

— Стены толстые. Можно организовать надежную защитную точку. Нам нужно будет обложить все мешками с песком, заблокировать окна металлической обшивкой, разместить мешки с песком на крыше для огневых позиций.

— А здесь внизу находится старая тюрьма, — добавила Ханна. — Толщина бетона там не менее шести дюймов, и она под землей. Это не огромное помещение — может быть, сто на семьдесят пять футов? Но мы сможем поместить туда пару сотен человек. Нам придется использовать ведра для туалетов. Будет не очень приятно, но если это сохранит людям жизнь...

— Нам нужна общегородская система оповещения, — заметил Рейносо. — Сигнал для людей отступать, если враги прорвут периметр.

Бишоп провел рукой по своему афро.

— Колокол церкви Кроссвей все еще работает. Подниматься на шпиль — та еще морока, но когда он звонит, его слышно на весь город.

— Хорошо, — одобрил Дейв. — Это должно сработать.

Ханна достала свой блокнот и сосредоточенно что-то писала, глаза ярко блестели.

— Мы распределим семьи для каждого помещения и скоординируем лидеров команд, как мы это делаем с фермами. Как только прозвенит колокол, люди должны немедленно уходить.

— А дальше, что мы будем делать? — спросила Аннет

Как один, все взгляды обратились к Лиаму.

Лиам отвернулся от окна.

— Вам это не понравится.

Дейв поднял обе руки, ладонями наружу.

— Ты наш эксперт, Лиам. Мы будем полагаться на твоё мнение.

— Мы должны не просто быть готовы, — заявил Лиам. — Мы должны нанести удар первыми.

Члены совета в шоке уставились на него, их лица выглядели потрясенными.

— Что? — Дейв сглотнул. — С какой армией?

— Мы не будем ждать, пока Генерал сделает свой следующий шаг. Это даёт ему слишком много возможностей.

— Мы вынуждены реагировать, а не действовать на опережение. Поэтому нам лучше напасть на него первыми. Не в лобовую атаку — мы бы и десяти минут не продержались. Партизанская война. Скоординированная тайная атака на оружие, топливо и припасы. У нас будет только один выход. Генерал не будет этого ожидать. Это наш лучший — возможно, единственный — шанс застать его врасплох.

Перес наклонилась вперед, откинув черные волосы за уши, выражение ее лица стало серьезным.

— Да, черт возьми. Я в деле.

— У нас нет шансов его победить, — предупредил ее Лиам. — Но мы можем усложнить ему задачу. Ликвидировать или отнять ресурсы, которые он будет использовать против нас. Измотать его. Истощать и ослаблять его солдат, насколько это возможно. Голодные солдаты не так охотно сражаются.

Аннет посмотрела на него.

— Это кажется рискованным.

Лиам взглянул на Ханну. Ее взгляд оставался ровным, мрачным, но несгибаемым. Он черпал в ней силы.

— Все, что мы делаем или не делаем, — это риск.

Перес махнула рукой, скривившись.

— Мы ждем, когда на нас нападут. Это похоже на приближение смерти. Как будто мы уже сдались, как будто мы просто лежим на спине и подставляем живот.

— Другими словами, мы согласны с Лиамом, — язвительно заметил Рейносо.

Усталые кивки в зале. Их лица выглядели серьезными, мрачными, но еще не сломленными.

У Лиамы защемило сердце. Угрозы, нависшие над Фолл-Крик, давили на него. Ответственность за их жизни тысячами кирпичей сдавливала его грудь.

— Не забывай о Синдикате, — напомнила Перес. — Они все еще там, тоже.

Лиам сжал челюсти.

— Я не забываю. Ни на секунду.

Бросив последний взгляд в окно, Лиам направился к двери.

— Куда ты? — спросил Бишоп.

— У нас впереди чертовски много работы. Ну а мне, нужно кое с кем встретиться и поскорее.

Глава 19

Лиам

День сто седьмой

Лиам посветил фонариком в лицо Джеймсу Лютеру.

— Похоже, ты мне все-таки пригодишься.

Лютер почесал свою неухоженную бороду и моргнул. Он был не в форме. От его помятой одежды воняло потом, перегаром и другими телесными функциями.

— Который час?

— Почти полночь.

— Обязательно нужно так ярко светить?

Лиам опустил фонарик. Он закрыл лампочку красной прозрачной пленкой, чтобы сделать ее менее заметной.

— Спасибо, — проворчал Лютер. — У тебя есть какая-нибудь еда? За два дня я съел только банку бобовых ростков.

Лиам протянул ему небольшую упаковку с кукурузным хлебом, завернутую в квадрат алюминиевой фольги.

— Молли требует фольгу обратно. В наше время нельзя ничего выбрасывать.

Он ждал со сдержанным нетерпением, пока Лютер поглощал кукурузный хлеб, запихивая его в рот и бесстыдно слизывая крошки с пальцев.

Они стояли в полумраке заброшенного дома, где Лиам несколько дней назад спрятал Лютера. Это был двухэтажный колониальный дом со сводчатым потолком и пыльными детскими фотографиями на стенах.

Кто-то давно его обчистил — дверцы шкафов висели открытыми, холодильник опустошен, подушки растрепаны, матрасы сброшены с кроватей, одежда разбросана по комодам.

Здесь воняло почти так же сильно, как от Лютера. Лиам боролся с рвотным позывом.

В начале этой ночи он заглянул к Эвелин и Тревису. Он прижимался к ЭлДжею, носил его на бедре, пока тот смеялся и хохотал. У него была медово-коричневая кожа Джессы и серо-голубые глаза Линкольна. Такие же, как у самого Лиамы.

Последние остатки болезни и вялости исчезли. Благодаря домашним средствам Молли, медицинскому опыту Эвелин и щедрому пожертвованию Ханны грудным молоком, ЭлДжей превратился в здорового, жизнерадостного ребенка.

Лиам с удовольствием провел бы время с ними, а не в этой вонючей лачуге.

Лютер откусил еще кусочек и заговорил вполголоса.

— Я хочу сделать что-то, чтобы загладить вину... за то, что случилось раньше. Скажи мне, что делать.

Лиам посмотрел на него с подозрением. Он не доверял этому человеку. Он ненавидел его. И все же Лютер ему нужен.

Лиам имел опыт управления агентами, или тайными осведомителями. Самые надежные информаторы работали ради Бога или страны. Менее надежными считались платные оперативники. Поскольку их верность основана на деньгах, их легче перевербовать в случае

обнаружения.

Какова мотивация Лютера? Чтобы смотреть себе в глаза в зеркале? Надолго этого не хватит. Его мотивацией был его отец. И спасение собственной шкуры.

Лиам сказал:

— Я хочу, чтобы ты присоединился к генералу Синклеру.

Лютер поперхнулся и чуть не выплюнул кукурузный хлеб. Он сглотнул и вытер грязное лицо тыльной стороной ладони.

— Как ты сказал?

— Мне нужен шпион.

Лютер вытаращился на него.

— Им станешь ты.

Лиам не знал достаточно о Генерале и его тактике. Это нужно исправить. Немедленно. Лиаму нужна оперативная информация.

Если Лютер выполнит свою работу, он может стать важным активом. Если он выдаст их, нанесенный им ущерб будет умеренным. Стоило рискнуть.

— Я не могу. Я не... — прошипел Лютер.

— Ты был правой рукой Саттера, верно?

— После смерти Десото, да. Можно сказать, и так.

— Саттер — твой пропуск. Мне нужны глаза изнутри. Мне нужна информация. Если ты представишься генералу Синклеру и предложишь информацию, он примет тебя. Ему тоже нужны свежие разведданные. Люди на земле. Даже если Саттер передал ему информацию перед смертью, Генерал не знает, действительна ли она до сих пор. А ты можешь дать ему эту важную информацию.

— У-м-м...

— Надеюсь, Саттер упоминал о тебе перед смертью. В этом случае ты окажешься в выигрыше. Если нет, тебе просто придется постараться, чтобы продать свою историю.

— Какую историю?

— Что ты сбежал из-под стражи. И хочешь отомстить за убийство своих товарищей, как это сделал Саттер.

Лютер выглядел так, словно ему сложно дышать.

— Что именно ты хочешь, чтобы я делал как... шпион?

Лиам недовольно скривился.

— Ты что, не слышал меня? Целый список разведданных, которые мне нужны, плюс дезинформация, что ты должен передать. — Он протянул портативную рацию. — Если будешь вне зоны действия или потеряешь доступ, я попрошу своих разведчиков проверить «Мир трейлеров» у М-139. Там есть ярко-синий почтовый ящик в форме дельфина. Ты точно его не пропустишь. Передавай любые сообщения туда, но не используй имена. Используй код. Сейчас мы его придумаем.

— Я не знаю...

— Я думал, ты здесь, чтобы искупить свою вину.

— Да.

— Тогда именно так ты это сделаешь.

Лютер вытер и сложил квадрат алюминия с большой осторожностью и передал его Лиаму. По крайней мере, он аккуратен.

— А если генерал раскроет меня?

— Не позволяй ему себя раскрыть.

— Но если...

— Тогда, я надеюсь, ты все уладил с Иисусом. Я не смогу тебе помочь.

Лютер открыл рот, закрыл его. Моргнул и снова почесал бороду. Он оцепенело уставился на него. Он выглядел испуганным, как олень, попавший в свет фар.

Взгляд Лиамы смягчился. Он понимал роль куратора — и понимал, какой опасности подвергает Лютера. Если Лютера раскроют, генерал убьет его, после того как подвергнет пыткам в поисках информации.

— Я знаю, это слишком большая просьба.

Лютер резко вдохнул, набираясь сил. Он расправил ссутуленные плечи. И потянулся к рации.

— Хорошо. Я сделаю это.

— Отправляйся с первыми лучами солнца.

— Я тебя не подведу, — заверил Лютер.

— Я тебе верю.

Оставалось надеяться, что Лиам не совершил огромную ошибку.

Глава 20

Генерал

День сто восьмой

— Где мой коньяк? — потребовал генерал.

— Простите, сэр, — пригнув голову, отозвался Бакстер. — Я поспрашивал. Его не осталось.

Джон Бакстер был робким человеком с вытянутой шеей и влажными, кроткими глазами, как у черепахи; при малейшем признаке неприятностей он уходил в свой панцирь.

— Недопустимо. — Генерал поднялся с роскошного дивана, стоящего перед окнами от пола до потолка с видом на озеро Мичиган. Роскошная кровать королевского размера отличалась удобством, хотя в номере площадью в тысячу квадратных футов без электричества приходилось мерзнуть.

Конечно, это не пентхаус «Ритц Карлтон», но роскошный номер намного превосходил все те условия, в которых ему довелось жить за годы службы в армии.

«Булевард» представлял собой причудливый семиэтажный отель с крытыми террасами, мраморными полами, богатыми акцентами из орехового дерева, а главное — великолепным видом на Сильвер-Бич и озеро Мичиган за его пределами.

Стены отеля построены из толстого бетона, что обеспечивало надежную защиту от огня стрелкового оружия. Даже без электричества в здании гостиницы было теплее, чем в лагере. Температура ночами все еще опускалась до минусовых значений. Ни у кого из его солдат не имелось зимнего снаряжения, а многим не хватало навыков охоты или рыбалки.

Но Генералу противостояла не армия. Не нужно беспокоиться о беспилотниках, воздушных рейдах, артиллерии или ракетах.

Если бы у противника были такие возможности, он бы отправился в бой и ограничил воздействие наблюдением с воздуха и беспилотников, а также выводом из эфира радиоэлектронной аппаратуры.

Конечно, размещение гарнизона в гостинице позволяло вести наблюдение за солдатами генерала, собирать разведданные, а также атаковать снайперами или взрывать автомобили.

Противостоящие силы могли подкрасться ближе, чем хотелось бы Генералу.

У него не хватало людей для охраны окружающих зданий.

Однако его войска обеспечили охрану периметра, укрепили здание и обеспечили патрулирование.

Гостиница послужит им как нельзя лучше. Кроме того, он не собирался задерживаться здесь надолго.

Он планировал уже быть в «Винтер Хейвене», в окружении старых удобств — тепла, электричества и горячей воды.

Его терзали эти мысли. Он был терпеливым человеком, но ему нравились удобства.

У него пересохло во рту. Генерал сглотнул при одном воспоминании о бутылке первоклассного выдержанного вина. Пусть не коньяк, но в данный момент он согласен на все.

— Найди мне что-нибудь выпить, — приказал он Бакстеру.

Юго-западный Мичиган славился виноделием. Климат на побережье озера Мичиган идеально подходил для таких сортов, как *пино гриджио*, *пино нуар* и *каберне фран*. Десять лет назад он провел пьяные выходные с потрясающей девушкой по вызову, посетив местные винодельни *Tabor Hill* в Бьюкенене и *Julian Winery* в По-По.

Должно же что-то найтись. Будь проклят Бакстер, если в ближайшие десять минут он не принесет бутылку с высоким содержанием алкоголя.

— Я думал, вы хотите поработать над пятой главой своих мемуаров...

— Я сказал, иди!

Он практически поклонился и выбежал из комнаты. Телохранители генерала пропустили секретаря, не сдвинувшись с места и не изменив ни малейшего выражения своих каменных лиц.

Бакстер столкнулся с Гиббсом, когда бывший солдат входил в номер. На гранитном лице Гиббса не промелькнуло ни намек на раздражение, когда Бакстер пробормотал торопливое извинение и исчез в коридоре.

Гиббс закрыл за собой дверь и шагнул в комнату. Он сложил руки за спиной.

— От Фолл-Крика по-прежнему нет ответа, сэр.

Генерал выругался.

Двадцатичетырехчасовой срок, установленный жителям Фолл-Крика, наступил и прошел. Они не предложили сломленного и покорного Лиамы Коулмана в наручниках в качестве жертвенного агнца.

Негодование пронзило Генерала насквозь. Он надеялся сделать это легко. Прокатиться, как герой-завоеватель после победы над бандой нигилистов, захватившей город.

Да, им придется пожертвовать одним гражданином. Ну и что? Люди умирали все время. Они бы смирились с этим.

Горожане оказались упрямыми, недалекими глупцами.

Да будет так. Они выбрали свою судьбу.

Он откладывал немедленное возмездие по двум причинам. Во-первых, за время своей блестящей карьеры он научился нескольким приемам у лучших специалистов по допросам в ЦРУ.

Страх имеет свойство усиливать и обострять желаемые результаты. Ожидание наказания зачастую хуже, чем сама боль.

Пусть ждут. Пусть томятся в соках своего ужаса. Трепещут от страха и оцепенения.

Живой кошмар без конца.

Это участь страшнее смерти.

Кроме того, ему нужна самодостаточная община «Винтер Хейвен», и он должен ее сохранить. В этом городишке есть кое-что — вернее, кое-кто, — нужный ему.

Генерал не решился обрушить огонь на их головы, пока не добьется своего.

Тогда, и только тогда, Фолл-Крик испытает на себе истинную силу его гнева.

— Каков наш следующий шаг? — спросил Гиббс. — Почему мы еще не ударили по ним?

Со всей мощью Мичиганской национальной гвардии генерал Синклер мог взять Фолл-Крик за считанные минуты, если не уничтожить его полностью.

Но губернатор мешал ему. У него всего лишь малая часть людей, оружия и боеприпасов, которые требовались. Это нужно срочно изменить.

Не обращая внимания на Гиббса, Генерал достал из кармана спутниковый телефон и набрал номер губернатора. Генри Даффилд взял трубку.

— Как обстоят дела с По? — прокричал губернатор Даффилд. — Его преступная армия прорвалась через границу Индианы!

— Я в курсе, — спокойно ответил Генерал. — Я разберусь с этим.

Полное отсутствие военных сил в Иллинойсе объясняло почему По с такой легкостью разгуливал по стране.

Спустя неделю после краха федералы оставили Чикаго и вывели всех национальных гвардейцев штата, перебросив их в Нью-Йорк и Вашингтон, округ Колумбия.

Иллинойс подходил для захвата.

И По забрал его целиком.

— Они захватили Гэри...

— Кого волнует Гэри, Индиана? Успокойся.

— Не говори мне успокоиться!

Губернатор испытывал опасения, его терзали сомнения и неуверенность.

У труса не хватало стойкости для того, что требовала работа.

Генерал хмуро посмотрел на телефон.

— Если хочешь, чтобы я справился с По, ты должен предоставить мне соответствующих людей и оборудование. Как я уже неоднократно говорил...

— Ты понимаешь, с чем я имею дело? В Национальной гвардии только пятьдесят процентов личного состава, а они дезертируют как мухи! Каждое подразделение работает с численностью намного ниже необходимой. У меня целый штат в хаосе! Мы вот-вот потеряем Детройт из-за бандитских разборок. Я не могу позволить себе отозвать ни одного солдата.

— Есть подразделения, оснащенные необходимыми мне системами вооружения. В 147-м авиационном полку больше «Черных ястребов». У 110-го штурмового крыла в Батл-Крике есть беспилотники...

— Беспилотники! Тебе нужны беспилотники? ЭМИ вывело из строя половину из них. Они не были защищены должным образом. Никто точно не знал, как мощное ЭМИ повлияет на чувствительное оборудование. Армия сочла все функционирующее оборудование необходимым и отправила его за границу. Кроме того, федеральное правительство реквизирировало эти полки на следующий день после ЭМИ. У меня не осталось выбора, кроме как отправить их в Вашингтон. Никакого выбора!

— Если бы ты послушал меня с самого начала...

— Нет, ты послушай! — Голос губернатора стал низким и жестким. — Слушай меня внимательно. Я уже отдал тебе все, что у меня есть. Больше нет ничего. Придется обходиться только этими силами. Ты сказал, что можешь добиться результатов. Так сделай это!

— Я обеспечу желаемые результаты, — глухо процедил Генерал. Внутри он кипел от ярости. Хотя он презирал губернатора, тот ему нужен — пока что. — Дай мне три дня.

Генерал подошел к письменному столу и бросил телефон на гладкую кварцевую столешницу, хотя его так и подмывало швырнуть трубку в застекленное окно. Он глубоко вздохнул, сдерживая ярость.

Его коленные суставы скрипели. Пустой черный глаз огромного телевизора с плоским экраном отражал его собственное изображение. Белые волосы. Вытянутое лицо. Жесткий взгляд.

В его распоряжении все еще оставалось пятьсот солдат, батарея М2 и М60 и ограниченный запас артиллерии. Но у него имелся «Черный ястреб».

Он генерал Синклер — он добьется своего любыми средствами.

Гиббс прочистил горло.

— Сэр.

Генерал повернулся к нему лицом.

— Да?

— Две вещи. Во-первых, к вам пришел человек по имени Джеймс Лютер. Утверждает что он правая рука Маттиаса Саттера и единственный оставшийся в живых член ополчения, размещенного в Фолл-Крик. Говорит, что у него есть информация, которую вы хотели бы услышать.

Генерал нахмурился. Удачный поворот событий, если это правда. Саттер упоминал человека по фамилии Лютер. После смерти Саттера ему нужны глаза и уши в Фолл-Крике.

— Я встречу с ним. Второе?

— Брюс поймал двух гвардейцев, пытавшихся улизнуть через служебный вход. Дезертиры. Утверждают, что хотели вернуться домой, чтобы позаботиться о своих семьях.

В Генерале вспыхнуло негодование. Никто не дезертировал из его армии. Никто. Какие бы проблемы с дезертирством ни мучили губернатора, в его войсках такого не будет — он позаботится об этом.

— В таком случае они будут преданы военному трибуналу. Несколько человек превратятся в множество, что станет массовым бегством. Если каждый покинет свой пост, чтобы побыть со своими семьями, у нас не останется никого, чтобы защищать эту страну!

Гиббс уставился прямо перед собой, с отсутствующим выражением лица.

— Сэр. Они находятся в морозильной камере на кухне.

Генерал нахмурил свои насупленные брови.

— В морозильнике?

— Там нет окон, только одна стальная дверь. Невозможно сбежать.

— Я уже говорил, что мне нравится, как ты думаешь?

— Несколько раз. — Гиббс оставался безучастным. Он был практичным, безэмоциональным, готовым к выполнению работы человеком. Ни семьи, ни эмоциональных связей, которые могли бы его ослабить.

Генерал ценил это в солдатах.

— Насколько я помню, за дезертирство предусмотрено максимальное наказание в виде увольнения с позором, лишения всего жалования и заключения на пять лет. Однако, за

дезертирство во время войны, по усмотрению военного трибунала, может быть применена смертная казнь. Мы на войне, Гиббс. Ты согласен?

— На многих фронтах, сэр.

Генерал фыркнул. Если бы он только знал, насколько правдивы его слова. Только высшие эшелоны власти в курсе истинного положения дел в мире. В условиях резкого дефицита средств массовой коммуникации правительство держало все в секрете.

Но как надолго? Это вопрос на миллион долларов.

— Отведи меня к дезертирам, — потребовал Генерал.

Рот Гиббса дернулся — единственный признак того, что он одобрил решение.

Он распахнул дверь перед генералом Синклером. Восемь его телохранителей встали в строй: двое впереди, двое сзади, четверо по флангам.

Они были в темной камуфляжной форме с нагрудными ремнями, тактическим снаряжением и в черных шлемах. Длинноствольные винтовки висели на груди на двухточечных перевязях, различные ножи крепились к поясам, а пистолеты — в набедренных, голеностопных и поясных кобурах.

Бакстер встретил их в коридоре, раскрасневшийся и запыхавшийся. Он протянул теплое пиво «Coors Light».

— Я конфисковал его у одного из солдат...

— Поставь в комнате. И захвати свой блокнот. Я хочу, чтобы ты записал все. Это будет... интересно.

Бакстер кивнул.

— Сэр.

Глава 21

Генерал

День сто восьмой

Гиббс вышел вперед, за ним следовал Генерал.

Дверь захлопнулась за ними, и Бакстер бросился догонять, сжимая в длинных тонких пальцах коричневый кожаный блокнот с бумагой отличного качества.

Генерал выбрал изящный, но строгий почерк Бакстера, чтобы описать события падения Америки и ее последующего возрождения.

Сколько пройдет лет — десять, пятьдесят или сто — не имело значения. Историю писали победители. Генерал намеревался стать одним из них.

Эта книга — эта версия истории — станет его наследием. Он твердо верил, что так и будет.

Генерал следовал за Гиббсом по лабиринту отеля. Жаль, что лифты не работали, пришлось спускаться по лестнице.

На лестничной клетке стояла крошечная тьма. Гиббс включил фонарик. Когда они добрались до первого этажа, Генерал уже тяжело дышал сквозь зубы.

Они прошли через несколько больших конференц-залов. Ковер украшал отвратительный цветочный рисунок. В окнах вдоль одной стены виднелись кусочки голубого цвета — озеро Мичиган, яркий кобальт на фоне горизонта тяжелых серых облаков.

Профессиональная кухня занимала площадь целого дома. Пыль покрывала некогда сверкающие нержавеющей сталью прилавки, шкафы и огромные приборы. Возле служебного входа стояли ящики с пайками и другими припасами.

Два охранника сидели на металлических складных стульях перед огромной стальной дверью. Пара фонарей, установленных на соседней стойке, давали свет.

Охранники встали и отдали честь, когда он вошел. Они были одеты в военную форму и смотрели на него встревоженно.

— Вольно, — приказал Генерал.

Гиббс вставил ключ в замок морозильной камеры, и дверь распахнулась. Внутри комната представляла собой прямоугольник размером двенадцать на шестнадцать футов. Вдоль стен стояли гладкие металлические полки от пола до потолка — пустые, если не считать нескольких картонных коробок, завязок и измельченных пластиковых пакетов.

Кто-то в спешке опустошил это место.

Дезертиры сидели на складных стульях, поставленных бок о бок. Их руки сковывали наручники.

Когда Генерал вошел, они вскинули головы, их налитые кровью глаза, расширились от стыда и ужаса.

Они были молоды, примерно двадцати пяти лет. Первый — жилистый парень со светлыми усами. Вторая — девушка с песочными волосами и прыщами на подбородке. Она выглядела так, словно все еще училась в средней школе.

В спертом воздухе пахло кислым потом и удушающим запахом аммиака. Парень обмочился.

Люди Генерала заняли спокойные, но настороженные позиции в нескольких футах от двери. Позади них двое солдат, охранявших морозильник, с опаской наблюдали за происходящим.

Как удачно. Они помогут передать это сообщение.

Генерал достал свой пистолет. Громким, властным голосом он повторил свою речь о военном трибунале, военном времени, необходимости трудных действий для сохранения нации, бла-бла-бла.

Рядом с ним Бакстер записывал каждое его слово.

Генерал позволил себе красноречие, зная, что его главной аудиторией стали два гвардейца, а не эти бедные души перед ним.

Они умоляли, плакали, приводили жалкие оправдания, но Генерал их почти не слышал.

Ему это не доставляло удовольствия. Он ничего не знал о них, да и не хотел знать. Но и вины за их наказание он не чувствовал. Без быстрого и сурового возмездия исчезнет еще больше солдат.

С точки зрения Генерала, Национальная гвардия состояла из простых людей с оружием. Пешки, которыми при необходимости можно распоряжаться на шахматной доске.

Ему нужны солдаты с трезвой головой. Он готов сделать все необходимое, чтобы сохранить их такими.

Когда требовалось запечатать руки, Байрон Синклер никогда не уклонялся от выполнения своих обязанностей.

Некоторые испытывали угрызения совести. Другие испытывали брезгливость. Люди считали себя «хорошими», хотя большинство из них ничем подобным не отличались.

У Генерала отсутствовали подобные сомнения, и эта черта характера помогала ему как на войне, так и в политике. Он никогда не считал отсутствие совести недостатком. И сейчас не придавал этому значения.

Не раздумывая, Генерал поднял свой «Зиг Зауэр» M18, прицелился и дважды выстрелил

в быстрой последовательности. Сотрясающие удары разорвали его барабанные перепонки.

С близкого расстояния патроны поразили свои цели, попав прямо между глаз. Головы дезертиров откинулись назад. Их тела обмякли.

Скрежет пера Бакстера по бумаге наполнил комнату. Долгое время это вообще оставался единственный звук. У него звенело в ушах. Зря он не надел защиту для ушей.

Спокойно, он убрал оружие в кобуру.

— Сохрани эти наручники. У меня такое чувство, что они нам еще понадобятся.

— Да, сэр, — отозвался Гиббс.

Генерал крутанулся на пятках и указал на двух охранников, которые уставились на него с потрясенными лицами.

— Вы двое. Приведите здесь все в порядок и избавьтесь от трупов. Доложите Гиббсу, когда закончите. Сообщите своим товарищам, что такая же участь ждет любого, кто даже подумает о дезертирстве.

Они тупо уставились на него.

Он хлопнул в ладоши.

— Живо!

Они бросились искать швабры, ведра и брезент, стремясь оказаться вне его досягаемости и подальше от своих погибших товарищей.

Генерал вдохнул знакомый запах пороха и осмотрел кухню, урчание пустого желудка усилилось.

Здесь могли бы готовить еду, пригодную для короля, сотни раз. С небольшим количеством электричества. С доставкой по требованию со всего мира — из Малайзии, Китая, Мексики.

Все пропало. Какая расточительность.

— Я умираю с голоду, — сказал он. — Что на обед? Если кто-нибудь скажет еще один паек, будет отдан под трибунал.

Никто не рассмеялся над его желчной шуткой.

Бакстер закончил писать. Он перевязал блокнот кожаной лентой и положил его в сумку, перекинутую через плечо.

Один из людей Генерала вышел вперед. Бену Хендерсону было около тридцати лет, подтянутый, с круглым детским лицом, но холодными глазами, выдававшими его истинную сущность.

— Сэр.

— Что тебе нужно?

— Люди начинают нервничать, — заявил Хендерсон. — Они хотят знать, что будет дальше. Я думал, мы получим целый город с электричеством? Это то, что вы обещали.

Поведение Хендерсона граничило с неуважением, но он был опытным убийцей и надежным до безобразия. Поскольку семь его людей погибли во время фиаско в засаде «Вортекса», Генералу требовались все надежные солдаты, которых он мог собрать.

— Я знаю, что обещал! — прорычал Генерал. — У тебя стойкости как у комара? Такие вещи требуют времени.

— Я понимаю. — Хендерсон скорчил гримасу, как будто он нисколько не понимал. — В генераторах закончился бензин. Ночью холодно. Туалеты засоряются...

— Этого вполне достаточно! — Хендерсон отчасти прав. Задержки подрывали боевой дух. Не говоря уже о том, что это съедало их ограниченные запасы продовольствия.

Логистика превратилась в сущий кошмар.

Он повернулся к Гиббсу.

— У меня есть для тебя задание. Выбери двух человек, чтобы отправить их в Фолл-Крик завтра вечером. Затем, приведи ко мне этого Джеймса Лютера. Он даст нам сведения, необходимые для выполнения задания. Как только информация будет у нас в руках, мы атакуем.

— Да, сэр, — произнес Гиббс.

Генерал бросил острый взгляд на Хендерсона, затем на Гиббса.

— Вы можете уничтожить столько террористов, сколько захотите. Как вам это?

Хендерсон ответил:

— Меня это устраивает.

Рот Гиббса дернулся.

— Хорошо, сэр.

Глава 22

Лиам

День сто восьмой

— На связи, — сообщил Лютер по рации.

— Что у тебя? — спросил Лиам. Он расположился в пустом здании в пяти милях к северу от города, наблюдая за М-139. За последние два часа его смены по дороге ничего не двигалось.

В воздухе висел мелкий дождь, вечернее небо окрасилось в пурпурно-серый цвет. Талая вода ручьями бежала по дорогам, стекая в кюветы.

Температура была где-то около пяти градусов; Лиам расстегнул куртку. Он не позаботился о шапке или перчатках.

Лютер опоздал к началу связи. Если точнее, на два часа. Лиам думал, что он вообще не появится в эфире.

— Генерал Синклер знал мое имя, — сообщил Лютер. — Саттер упоминал меня несколько раз. Ты оказался прав. Он ожидал, что ему придется полагаться на Саттера в разведке, поэтому меня принял.

— Сколько солдат?

— Насколько я могу судить, цифры Саттера верны. Пятьсот солдат Национальной гвардии, плюс пара дюжин частных охранников «Блэкуотер», бывших военных. Он никуда не ходит без них в качестве телохранителей.

— Как много солдат находится у гостиницы «Булевард»?

— Там четыре мобильных подразделения. Я не знаю их местонахождения. Остальные размещены здесь. Нас разместили по четыре человека в комнате. Электричества нет нигде, но здесь, по крайней мере, чисто. Только горстка трупов, которые нужно убрать. Люди останавливались в этой гостинице, пользовались туалетами один за другим, пока они не засорялись и не переполнялись, а потом просто переходили в следующий номер. Вонь ужасная...

— Мне плевать на вонь. Дай мне надежные сведения.

Следующие пятнадцать минут Лиам слушал, как Лютер описывал организацию, безопасность и логистику Генерала.

— Они чего-то ждут. Я не знаю, чего. Генерал вызывает меня, когда ему нужна

информация, иначе я остаюсь с солдатами.

— Сделай мне карту. Укажи патрули, смены, часы. Все. Оставь ее в месте высадки.

Тишина. Из рации доносился статический шум.

— Я не могу уйти так быстро...

— Найди способ, Лютер. — Лиам нахмурился, теряя остатки терпения. — Придумай.

Глава 23

Ханна

День сто девятый

— Что тебе нужно? — враждебный голос Флинна прозвучал в эфире.

— И тебе доброе утро. — Ханна стояла на крыльце в джинсах, толстовке и куртке, только что выстиранной вручную и высушенной на бельевой веревке.

После вчерашнего дождя погода прояснилась. Солнце, словно желтый шар, висело в кобальтовом небе. Повсюду пробивались зеленые ростки. Прохладный ветерок щекотал ей щеки.

Шарлотта осталась дома — редкий сон в своей кроватке. Обычно дочь спала в своей коляске или переноске, на улице и на прогулке.

После того как Ханна ввела Майло лекарство, он занялся чисткой и перевязкой ноги Призрака, как научила его Эвелин.

— Говори уже, — сказал Флинн. — У меня есть дела.

Ханна представила себе его — большого, как дерево секвойи, высокого рыжего крепыша, агрессивного и подозрительного.

Она жалела Флинна, но с ним трудно иметь дело. Его горе из-за убийства жены от рук ополченцев переросло в ярость и недоверие. Он испытывал терпение Ханны до предела.

Мик Селлерс и Даллас Чепмен казались мягкими и разумными по сравнению с ним, но они уступили более агрессивной и требовательной натуре Флинна.

Вместе эти трое возглавили Общественный альянс, группу, представляющую близлежащие города, которые разделяли потребности в безопасности и защите.

Ханна напряглась. По ее коже пробежали мурашки раздражения.

— Нам нужно работать вместе. Мы не сможем этого сделать без регулярного общения. Если не хочешь разговаривать со мной, я буду рада поговорить с Миком.

— Я передам твою информацию, — жестко произнес Флинн. — Я здесь принимаю решения.

Она прикусила нижнюю губу, чтобы сдержать свое разочарование.

— Я звоню, чтобы сообщить вам о потенциальных угрозах и предупредить, что мы отменили День торговли до дальнейших распоряжений. Сейчас путешествовать небезопасно.

— Ты мне это говоришь! — В его голосе появилась резкость. Намек на искренний страх.

Это заставило Ханну замереть.

— Флинн, что-то случилось?

Флинн фыркнул в рацию.

— Флинн, пожалуйста. Скажи мне.

Тишина, лишь его неровное дыхание.

Ханна хотела вскинуть руки, сказать «прощай» и отказаться от всего этого. Другая ее часть — упрямая, неумолимая часть, которая не знала, как бросить, та часть, что заставила

Ханну встать на ноги и двигаться через двести миль дикой местности и пережить пять лет заточения в подвале, — эта часть настаивала, чтобы она попробовала еще раз.

— Мы не враги тебе, Флинн. Мы на одной стороне. Так что случилось?

Наконец, он уступил.

— Прошлой ночью мы приняли дюжину беженцев, бежавших на север по US-12 из Саут-Бенда. Двое тяжело ранены из огнестрельного оружия, а третья умерла, прежде чем мы смогли доставить ее к нашему врачу.

У Ханны свело живот.

— Что?

— Они захватили весь город. По словам беженцев, силы напавших исчисляются тысячами. Они приехали на военных грузовиках и с военным оружием, одетые как солдаты. Они убивали в основном мужчин. Забирали женщин и детей. Просто хватали их.

Ханна смотрела на дом на другой стороне улицы, пока ее глаза не затуманились. Ее искривленные пальцы сжались вокруг рации, в горле стоял ком.

Саут-Бенд насчитывал около ста тысяч жителей. Его город-побратим, Мишавака, насчитывал пятьдесят тысяч жителей. Оба они находились примерно в тридцати милях от Фолл-Крика, прямо на границе Индианы и Мичигана.

Благодаря транспортным средствам армия По могла прибыть к их дверям в считанные минуты, а не часы или дни.

— Они прострелили плечо одному парню, когда он пытался сопротивляться. Поставили его на колени и заставили смотреть, как забирают двух его дочерей-подростков, связывают их, бросают в грузовик и уезжают. Даже раненый, он все равно боролся. Они прострелили ему ногу и оставили умирать как животное.

Несмотря на солнечный день, по позвоночнику Ханны пробежал ледяной холодок. Она мысленно представила себе эту сцену — отца, отчаянно пытающегося спасти своих детей. Ужас и паника, весь этот чудовищный кошмар.

Секунда молчания.

— Ты что-нибудь знаешь? — спросил Флинн.

— Знаю. И я готова поделиться с вами этой информацией. Услуга за услугу. Вот как это должно работать.

Флинн пробормотал что-то неразборчивое.

— Как ты сказал?

Он произнес так, словно ему пришлось вырывать зубы, чтобы ответить, но все же выдавил:

— Я был бы признателен за информацию.

Ханна сделала глубокий вдох.

— Это Синдикат.

— Кто?

— Армия преступников из Чикаго. Их возглавляет Александр По, главарь чикагской мафии, который нацелился на контроль над Иллинойсом. Очевидно, он хочет заполучить и весь Средний Запад.

Флинн разразился потоком красочных проклятий. Когда он восстановил самообладание, то спросил:

— Откуда ты это знаешь?

— Лиам столкнулся с ними не далеко от Шампейна, в Иллинойсе. Они захватывают

фермы и лагеря Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям и заставляют людей работать в качестве рабов. Они забирают женщин и детей и продают их. Будьте очень осторожны.

Флинн ничего не сказал, переваривая информацию.

— Нет причин думать, что они остановятся на Индиане.

— Я вполне осознаю этот факт.

— Послушай, Лиам выслал передовых наблюдателей, чтобы прочесать окружающий нас периметр. Думаю, будет неплохо, если вы сделаете, то же самое.

— Мы можем позаботиться о себе сами, — проговорил Флинн, но голос его звучал раздраженно.

— Мы не можем. Вы не можете. В этом-то и дело. Вам нужна наша помощь, а нам нужна ваша. Есть еще одна угроза. Человек, который называет себя Генералом...

Шипение помех. Затем — тишина.

— Флинн? Прием.

По-прежнему ничего.

Она переключила канал и попыталась вызвать Гамильтона. Он тоже не появился. Как и Лиам.

Ханна посмотрела вниз на рацию. Включила и выключила ее. Заменяла аккумулятор на новый, заряженный от солнечной батареи. Не помогло.

Рация не работала.

Ее охватила растущая тревога. Портативные радиостанции играли решающую роль в обеспечении связи. Без телефонов, с путешествиями, столь рискованными, требующими времени и затрат — рации стали всем.

Ханна повернула обратно к дому, чтобы собрать своих детей.

Ей нужно найти Лиама.

Глава 24

Ханна

День сто девятый

Ханна доехала на велосипеде до южного блокпоста.

Казалось, что это заняло целую вечность. После того как Шарлотта проснулась, она проголодалась, поэтому Ханне пришлось покормить ее грудью и дать срыгнуть, затем поменять тканевый подгузник, переодеть и, наконец, пристегнуть малышку к переноске.

К счастью, Шарлотта полюбила свою переноску. Она была бодра, любопытна и хотела попробовать и потрогать все, что попадалось под руку.

Майло тоже хотел участвовать во всем. Он обрадовался возможности быть полезным и вызвался наполнить стерилизованные бутылки водой из колодца Молли и завернуть немного вяленой оленины в качестве закуски для дежурных охранников.

У него имелся собственный горный велосипед. Ханна прикрепила сзади велосипедный багажник, чтобы он мог везти с собой припасы. И куда бы они ни поехали, Призрак следовал за ними.

Поскольку она ехала медленнее, чтобы компенсировать короткие ноги Майло и хромоту Призрака, поездка в город заняла больше времени. Прохладный ветерок откидывал волосы с лица Ханны. Солнце согревало ее кожу.

Когда она въехала в некогда оживленный центр Фолл-Крика, мимо нее проехали

несколько человек верхом на лошадях. А еще несколько конных повозок. Старый дизельный трактор тащил прицеп, в котором лежали брусья и оконные рамы, снятые с заброшенных домов для строительства новых теплиц.

Большинство людей ходили пешком или ездили на велосипедах. Несколько человек передвигались на квадроциклах в общественные сады, на общественные мусорные свалки, в туалеты и на блокпосты.

Наполненные мешки с песком лежали вдоль тротуара, ожидая, когда их распределят по различным боевым позициям и снайперским укрытиям по указанию Лиама или Рейносо.

Пэтси Снайдер вновь открыла продуктовый магазин «Френдли» как местный торговый пункт для жителей Фолл-Крика, место, куда можно зайти, чтобы посплетничать и пообщаться. Бар Дейва в гостинице «Фолл-Крик» был еще одним популярным местом.

В воздухе витала весна, и, несмотря на надвигающиеся угрозы, люди выходили из своих зимних убежищ, шагая навстречу солнечному свету.

Все были грязнее, худее, жестче, но живые.

Здесь кипела жизнь.

Где была жизнь, там есть надежда.

Ханна цеплялась за эту надежду, когда слезала с велосипеда и парковала его у бетонного барьера. Майло спрыгнул с велосипеда, поспешно опустил подставку и побежал поприветствовать Джонаса и Уитни, которые несли вахту. Воду и закуски он оставил в багажнике велосипеда.

— Майло, не забудь...

Но его уже и след простыл. Призрак рысью побежал за ним, жаждущий всеобщего обожания. Пиная своими упитанными ножками, Шарлотта ворковала и тянулась за своим старшим братом.

Ханна погладила ее по голове.

— У него память как у рыбки.

По другую сторону моста, на Старом 31-м шоссе, находился лабиринт из стратегически расставленных автомобилей, проволоки и бетонных барьеров. По бокам дороги тянулась колючая проволока, чтобы помешать плохим парням покинуть свои машины и обойти баррикаду пешком.

Два самосвала, поставленные нос к носу, перекрыли дорогу, как ворота. Вторая линия обороны за самосвалами, состоящая из сложенных в штабеля бочек, заполненных грязью, обеспечивала прикрытие различных боевых позиций на случай, если вражеские силы прорвутся через грузовики.

Перес бегом направилась к ней с противоположного конца баррикады. На нем были коричневые брюки-хаки, боевые ботинки и зеленая флисовая куртка. Со свирепым выражением лица, накачанными мышцами и карабином «Зиг Зауэр МРХ», зажатым в обеих руках, она представляла собой устрашающего противника.

Саманта сплюнула на землю, когда Ханна сообщила ей новости.

— Сами заварили кашу, сами пусть и расхлебывают.

— Они наши соседи, — напомнила ей Ханна. — И мы могли бы использовать их помощь.

Перес закатила глаза.

— Им бы пригодилась наша помощь, ты имеешь в виду. Признай, мы сами по себе, но это не значит, что мы не надерём кое-кому паршивые задницы.

Ханна натянуто улыбнулась.

— Хоть кто-то настроен оптимистично.

Перес прямо-таки вибрировала боевой энергией.

— Чертовски верно.

Лиам вышел из аптеки Винсона на другой стороне улицы, некоторое время осматривал местность, а затем подошел к ним. Он нес М4 на груди и «Ремингтон 700» через плечо.

При его появлении у Ханны затрепетало в животе. Не обращая на это внимания, она повторила новости и рассказала им, что произошло с рацией.

— У нас та же проблема, — прокомментировала Перес. — Разведчики доложили, что люди Генерала уничтожили пару наших ретрансляционных станций. Из-за этого связь с нашими передовыми наблюдателями будет очень затруднена.

— Мы можем их починить? — спросила Ханна.

— Скорее всего, нет, — ответил Лиам. — Это слишком рискованно. Генерал будет следить за ретрансляторами, чтобы устроить ловушку.

— По крайней мере, не все, — вздохнула Перес. — Те, что установлены в городе, все еще работают — ну, большинство из них.

Лиам смотрел на юг через баррикаду, морща брови и поджав губы.

Ханна вздрогнула.

— Неужели Синдикат пересечет границу?

Перес прикрыла глаза.

— Я чертовски надеюсь, что нет. Как будто одного смертельного врага недостаточно. Теперь нам нужно два? Я чувствую себя так, будто мы попали в плохой эпизод «Сумеречной зоны».

— Закон Мерфи, — назидательно проговорил Лиам. — Все, что может пойти не так, обязательно пойдет.

Саманта посмотрела через дорогу на Джонаса, Уитни и Майло и понизила голос.

— Это как ураган. Или торнадо. Ты знаешь, что он где-то там, направляется прямо к тебе, но ни черта не можешь сделать, чтобы его остановить.

Ханна наблюдала за Лиамом. Порыв ветра поднял вихрь полусгнивших листьев и мусора, наваленного вдоль обочины. Резко похолодало на десять градусов.

Лиам молчал. Он не отрывал глаз от горизонта, как будто мог увидеть то, что лежит за ним, если только хорошенько присмотреться.

Множество врагов, собравшихся против них, просто вне поля зрения.

Судьба, которая ждала их всех.

Глава 25

Квинн

День сто девятый

Квинн склонилась над длинными рядами рассады в теплице и застонала.

— Я здесь старая, — проворчала бабушка. — Если я не жалуясь, то почему ты стонешь?

Квинн хмыкнула.

— Никаких жалоб. Просто выражаю свои чувства.

— Когда мне было столько лет как тебе...

— Знаю, знаю. Ты проходила пять миль до школы в гору и обратно. По снегу. Босиком.

Бабушка рассмеялась.

— Ты забыла про то, я была голой.

— Ух! Бабуля! Теперь у меня в мозгу засела эта картинка. Большое спасибо.

— Не за что, — отшутилась Молли.

Квинн закатила глаза. По крайней мере, отек спал достаточно, чтобы видеть.

Ее AR-15 лежал рядом с ней в пределах досягаемости. Как и бабушкин «Моссберг». Они никогда никуда не ходили без оружия, даже на свой задний двор.

Хотя в городе насчитывалось уже двадцать теплиц, бабушка хотела иметь свою собственную. В закрытом помещении ценные продукты будут расти круглый год, даже в суровые мичиганские зимы.

Квинн и Джонас добились этого. Он часто бывал здесь. И ей это вполне нравилось.

Выбрав ровное солнечное место, они построили теплицу размером двенадцать на двадцать четыре, используя в основном брусья два на четыре и полиэтиленовую пленку. Они положили два слоя полиэтилена, внутренний и внешний, создавая воздушное пространство для изоляции.

Поскольку в скором времени им предстояло пересадить рассаду, они посадили ее в пакеты для продуктов, подвешенные на столбах из ПВХ-труб. Таким образом, их можно легко переместить, не повредив хрупкие корни. В распоряжении бабушки теперь рассада латука, мангольда, редиса, картофеля и брокколи.

Сквозь стены теплицы солнце падало Квинн на голову, согревая спину и плечи под фланелевой рубашкой с длинными рукавами, джинсами и ботинками. Она сбросила куртку впервые со времен коллапса.

Ночи оставались прохладными, но днем теплело. На деревьях прорастали почки. Трава зеленела, в трещинах и выбоинах на дорогах всходили сорняки. Ничего удивительного.

Квинн потянулась, стараясь не морщиться. Ее синяки поблекли и приобрели уродливый желтовато-зеленый цвет. Порезы зарубцевались.

Спина одеревенела. Мышцы рук и ног — да что там, всего тела — болели после тренировок с Лиамом на рассвете. Он не слишком усердствовал с ней, так как они оба все еще не отошли от побега из «Вортекса».

Квинн никогда в жизни не было так больно.

Но это даже хорошо. Эта боль означала, что она все еще здесь, все еще жива.

Она становилась сильнее. Она сопротивлялась.

Лиам и Бишоп где-то координировали оборону города. Майло и малыши проводили время с Тревисом и Аннет в средней школе.

Несколько добровольцев преподавали математику наряду с навыками выживания, такими как чтение карт, использование компаса и ориентирование на местности. Вчера они занимались чтением, письмом и разведением костра.

Ханна и Дейв общались с фермерами, обсуждая такие скучные вещи, как производственные площади на человека, севооборот, ирригация и предотвращение нашествия вредителей. Где, как и когда сажать основные культуры, такие как картофель. И т. д., и т. п.

Бабушка ездила с ней и Дейвом в большинство поездок, опрашивала тех, кто обладал старыми знаниями, делала заметки, составляла графики посадки. Бла-бла-бла.

Ханна часами листала не только бабушкины книги на *Kindle*, но и книги по фермерству, домоводству и выживанию, за которыми она уговорила подростков сходить в ближайшую библиотеку.

Мало кто искал в библиотеках важные советы по выживанию во время апокалипсиса. Причем проверять следует не только нехудожественную литературу.

На книжных полках у Квинн хранился целый список навыков и идей, почерпнутых ею из любимых постапокалиптических романов.

А именно, как не умереть от простой глупости.

— Садоводство — это не совсем мое занятие, знаешь ли, — вздохнула она

— Чушь.

Квинн фыркнула.

— Ты ошибаешься, женщина. На прошлой неделе я погубила по меньшей мере четыре картофельных куста из-за случайного переувлажнения.

Она видела себя с винтовкой в руках или с рогаткой. Продирающуюся через лес в поисках кроликов или охотящуюся на оленей с дедушкиным ружьем. Стоящую на страже, бдительно ожидая любой угрозы ее народу, готовую и желающую сражаться насмерть — вот что составляло призвание Квинн.

Несмотря на это, бабушка заставляла ее иногда после обеда совать руки в грязь, пытаясь — и обычно безуспешно — сохранить хрупкие зеленые ростки живыми.

— Я в этом профан.

— Знание — сила, — любила повторять бабушка. — Особенно сейчас. Куда бы ты ни пошла, что бы ни случилось, ты должна знать, как выжить, как прокормить себя.

Квинн опустила на пятки и посмотрела на грязь под ногтями.

— Я знаю, как прокормить себя. Разве не я подстрелила того зверя на прошлой неделе? Вот почему сегодня у нас будет тушенная оленина, и вяленое мясо сушится в солнечном дегидраторе на заднем крыльце.

Она сама разделала оленя, как учил ее дедушка, оставив крестец для вяленого мяса, которое нравилось и ей, и дедушке. Призраку, видимо, тоже.

Он продолжал принюхиваться, пока она добавляла черный перец и немного розовой гималайской соли Ханна. Призрак был таким высоким, что мог легко дотянуться до стола. При любой возможности он выхватывал кусок, проглатывая его одним махом. Если бы они не проявили осторожность, пес съел бы всего оленя сам.

Квинн предложила ему органы в большой миске, которые он с радостным ворчанием и фырканием умял. Она никогда не видела, чтобы у собаки выделялось столько слюней.

Квинн посмотрела через двор на «Оранж Джулиус», стоящий у дороги. Она скучала по нему. Скучала по поездкам с дедушкой в этой дряхлой консервной банке, по тому, как в кабине пахло жиром и его любимым супом фо.

Теперь там просто пахло затхлостью.

— Человек не может жить только мясом, — проворчала бабушка.

Квинн моргнула.

— А я попробую.

— Слышала когда-нибудь о цинге? Тебе нужны овощи. Фрукты. Зелень! Консервы уже становятся дефицитом.

— Меня до смерти тошнит от мерзкой консервированной зеленой фасоли, — призналась Квинн.

У бабушки в подвале за потайной дверью хранились запасы на несколько лет вперед. Раньше было больше. Правда, они много чем делились.

Возможно, это ошибка. Хотя Квинн так не считала.

Больше живых людей в их общине означало больше рабочих рук для помощи в посадке и сборе урожая, рубке дров, рытье туалетов, сборе припасов, починке сломанных вещей, изготовлении биодизельного топлива, уходе за скотом и патрулировании.

Список можно продолжать и продолжать, до бесконечности, без конца и края. Аллилуйя и аминь.

Когда-то Квинн романтизировала образ героя, выживающего в одиночку в навороченном домике в глубине леса.

Реальность оказалась совсем другой.

О некоторых аспектах выживания она никогда не задумывалась, пока ей не пришлось испытать их на себе. Запахи. Зуд кожи головы. Волдыри от ручной стирки одежды. Постоянная грызущая боль от голода. Страх и стресс.

И пауки. Они обитали повсюду. Как только люди исчезали из здания, их место занимали пауки. Отвратительно.

Их новая домашняя коза прогуливалась за углом, деловито жуя траву. Ошейник и веревка, привязанная к дому, не давали ей далеко уйти.

Поскольку она была белой с черными пятнами, Майло назвал ее Орео, что только усиливало голод Квинн каждый раз, когда она называла имя этой проклятой козы.

Бабушка взглянула на Орео и усмехнулась.

— Лучше, чем газонокосилка.

Несколько дней назад они посетили ферму мистера Аткинсона на Сноу-роуд, чтобы обменять бабушкины персики в банках на мед. Ну и еще они поменяли флакон рыбьих антибиотиков на одну козу. Жена мистера Аткинсона, Шерри, подхватила тяжелую инфекцию мочевыводящих путей.

— Лучше бы ты выменяла ту милую черную корову породы ангус, — буркнула Квинн. — Я думаю, они бы обменяли половину своего коровника на эти антибиотики.

Бабушка прищелкнула языком.

— Не стоит пользоваться нуждающимися людьми. Кроме того, за козами легче ухаживать, чем за коровами. С козой мы сможем делать собственное молоко, йогурт и сыр.

— М-м-м, сыр. — У Квинн потекло изо рта, когда она представила себе свежее испеченный хлеб, пышущий жаром из дровяной печи, намазанный тающими кусочками вкуснятины. — Я уже люблю тебя, маленькая козочка.

— Я собираюсь обменять маленького козленка, как только смогу. Если мы сможем завести стадо, Призрак будет охранять их от койотов и этих проклятых одичавших собак, вечно шныряющих вокруг.

Квинн снова взглянула на Орео, с трудом сдерживая внезапную влагу в глазах. Глупая коза заставила ее вспомнить о Майло.

Она чувствовала, как он настороженно кружит вокруг нее, словно спутник, всегда находящийся рядом, но сохраняющий постоянную дистанцию. Всякий раз, когда она пыталась приблизиться к нему, он убегал, как пугливый жеребенок.

Она причинила ему боль, оттолкнув его. Теперь он держался настороже.

Она все испортила, но не знала, как это исправить.

В последнее время она испортила много вещей со многими людьми.

Квинн опустила лейку. Смахнула слишком длинную челку с глаз. Чувство вины грызло ее. Она все исправила с Бишопом, Ханной и Лиамом.

А вот бабушка...

Она любила бабулю всем сердцем, но даже в лучшие времена та была колючей как чертополох. Тем не менее пришло время поговорить.

Глава 26

Квинн

День сто девятый

— Бабушка, — позвала Квинн

Молли сделала вид, что не слышит.

Квинн знала, что она ее прекрасно расслышала.

— Бабушка.

Молли наклонилась и полила здоровые зеленые листья мангольда, растущие из почвы в пластиковом пакете для продуктов. С одной стороны — ее всегдашний «Моссберг», с другой — трость.

— Когда погода окончательно изменится, их уже можно будет пересаживать.

— Бабушка...

— Как у тебя обстоят дела со средствами женской гигиены?

Вопрос настолько неожиданный, что Квинн просто посмотрела на нее.

— Прокладки? Тампоны?

— Да, бабушка, я в курсе. У меня есть несколько штук из магазина, купленных после Коллапса. Как только они закончатся, я возьму менструальную чашу, как ты мне говорила. И эти моющиеся, многоразовые впитывающие салфетки.

Бабушка кивнула сама себе.

— Хорошо, хорошо. А противозачаточные?

Квинн вздрогнула.

— Что?

Бабушка бросила на нее взгляд и вздернула свои сросшиеся брови.

— Может, я и верующая женщина, но не слепая и не слабоумная. Девочки порой попадают в неприятности, и мне трудно что-либо сказать, чтобы их остановить. Так что...

Квинн зашипела, ее лицо пылало.

— Я не...!

— Я видела, как этот Маршалл смотрит на тебя. Думаю, пройдет не так много времени, прежде чем ты заметишь и начнешь смотреть в ответ.

— Джонас не...

— Ты больше не можешь просто сбегать в аптеку и купить противозачаточные таблетки.

— Я прекрасно знаю об этом.

— Я приготовила для тебя кое-что в подвале. Спермицид, презервативы. Правда, их хватит не больше, чем на год или два.

В ужасе от слов, вылетевших из бабушкиного рта, Квинн уставилась на нее.

— Нет безопасных травяных альтернатив. Некоторые природные методы профилактики обладают малой эффективностью...

Квинн зажала уши ладонями.

— Ля, ля, ля. Я тебя не слышу!

Бабушка заговорила громче.

— Радуйся, что я подумала заранее и запаслась этим для тебя. Иначе тебе пришлось бы

делать презервативы из свиных кишок.

Квинн чуть не грохнулась прямо там.

— Бабуля!

Молли пожала плечами.

— Что? Кровь и кишки тебя не трогают, а пестики тычинки — да?

Лицо Квинн полыхало. Ей хотелось, чтобы земля разверзлась и поглотила ее.

— Я не собираюсь заниматься такими вещами. Ясно? Очень, очень долго.

Внезапно бабушка стала серьезной.

— Сейчас не время для того, чтобы приводить в этот мир ребенка. В странах Африки к югу от Сахары смертность среди женщин во время родов составляет один к шестнадцати. Это почти семь процентов всех беременных женщин. Ты слышишь меня? Вот где мы сейчас находимся. Никаких дородовых витаминов и осмотров. Никаких УЗИ. Никаких кесаревых сечений.

— Ханна...

— Ханна чуть не умерла от преэклампсии!

Квинн отвесила челюсть. Упрямая, хамская часть ее души хотела спорить просто для того, чтобы спорить, но она подавила свое раздражение.

— У меня нет намерения...

Бабушкино морщинистое лицо ожесточилось.

— Ты не всегда выбираешь, девочка.

От досады Квинн захлопнула рот. Она прекрасно понимала, что имела в виду бабушка.

Она подумала об ужасных историях из Иллинойса; Синдикат захватывал лагерь Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям и маленькие городки, крал и продавал девушек и женщин. Ее желудок скрутило.

Бабушка указала на нее своими садовыми перчатками.

— Вы, молодые люди, думаете, что вы непобедимы. Это не так. Вы сделаны из мяса и костей, как и все существа на этой проклятой земле. Ты не особенная. Ты можешь умереть, как и любой другой человек.

Квинн потрогала рану на губе. Эвелин наложила на нее швы — болезненно, без анестезии, — и после этого остался неровный шрам.

Воспоминания о той ночи нахлынули снова. Боль. Страх.

— Я знаю, бабушка. Поверь мне я знаю.

— Просто проверяю.

Квинн глубоко вздохнула и взяла себя в руки.

— Я была глупой. Это я тоже понимаю. Именно об этом я и хотела сказать. Врать тебе неправильно. Я с этим покончила. Я буду осторожна. Я буду умной. Так вы с дедушкой меня воспитали.

Острые глаза бабушки смягчились.

— Вопреки распространенному мнению, я не буду рядом вечно. Я должна быть уверена, что ты знаешь, что делаешь. Нельзя, чтобы ты носилась по округе, позоря доброе имя Дингов.

— Я бы хотела, чтобы ты не твердила об этом! — пробормотала Квинн.

— Это правда. Все умирают. Никто не может смотреть на это иначе, кроме как открыто.

— Это не значит, что ты должна говорить об этом вот так.

Бабушка пожала плечами.

— Я не боюсь смерти. Я знаю, куда направляюсь. Моя жизнь в руках Господа. И твоя тоже.

Некоторое время они работали в комфортной тишине. Воздух оставался неподвижным, солнце почти не грело. На деревьях щебетали птицы. Коза фыркала и ела траву, колокольчик на ее ошейнике звенел.

Валькирия охотилась вдоль кромки деревьев, преследуя ничего не подозревающего бурундука. Тор и Локи спали на крыльце. Тор был уже не таким толстым, как раньше, но все еще пушистым, с густым рыжим мехом.

Бабушка предлагала им обеды со стола, но кошки привередничали. Локи умел охотиться, хотя и был ленив. Валькирия, казалось, поддерживала жизнь всех пяти кошек с помощью мышей, белок и случайных птиц, которых она ежедневно подбрасывала на заднее крыльцо. Она не позволяла грызунам заселять сады или забираться в подвальные запасы.

Наполнитель для кошачьего туалета давно закончился, но кошки могли выходить на улицу. Следующая зима принесет новые проблемы, но пока им не нужно об этом думать.

— Ты не рисуешь, — вдруг сказала бабушка.

Квинн продолжала работать, ничего не говоря.

— Почему нет?

Ее дыхание сбилось.

— Нет времени.

— И все?

Она не могла лгать бабушке, поэтому молчала.

— Я думаю о тех красках, которые купил тебе дедушка. Как много ты вложила во фрески в своей комнате.

Желудок Квинн подпрыгнул. Бабушка никогда не интересовалась этими вещами. Или не замечала.

— Тебе стоит вернуться к рисованию, вот и все, что я хочу сказать.

Угольные портреты Ноа и малышки Шарлотты так и лежали на комод в полузаконченном виде. Квинн ничего не рисовала с тех пор, как умер Ноа. Ей не хотелось. Как будто что-то внутри нее сморщилось и умерло. Даже сейчас, после всего, она не знала, как вернуть это.

Она закончила поливать ряд и перешла к последнему. Лейка почти опустела.

— Есть дела поважнее.

— Важное — понятие относительное. Другие вещи тоже важны. — Бабушкин рот работал, ее морщинистые брови нахмурились, словно она хотела сказать что-то еще, но не могла вымолвить нужные слова.

Бабушка колебалась.

Квинн ждала.

Молли внимательно смотрела на Квинн из-под широкополой шляпы, ее водянисто-голубые глаза оставались такими же острыми и пронизательными, как всегда.

— Мир по-прежнему нуждается в прекрасных вещах, — произнесла она хрипло, словно разговор о чем-либо, даже намекающем на сентиментальность, вызывал у нее удушье. — На каждую тысячу людей, которые убивают и разрушают, приходится один, достаточно одаренный, чтобы творить, создавать что-то из ничего.

Квинн уставилась на нее, слишком ошеломленная, чтобы что-то сказать.

Молли сняла перчатки, потеряла руки о бедра, затем вздохнула.

— Подумай об этом. Это все, что я хочу сказать.

— Хорошо, бабушка, — согласилась Квинн. Она хотела бы добавить: «Я люблю тебя, не оставляй меня». — Я подумаю об этом.

Глава 27

Генерал

День сто девятый

Генерал расхаживал по просторному помещению гостиничного номера.

За его окнами озеро Мичиган сверкало живописной сапфировой синевой, а солнце садилось в огненном взрыве розового, мандаринового и алого цвета.

Он едва заметил.

Гнев пронизывал его, пока он ждал соединения со спутниковым телефоном.

В одной руке он вертел коньяк «Реми Мартен Луи XIII» в хрустальном бокале. Он опрокинул высококачественный алкоголь в рот, наслаждаясь богатым, роскошным вкусом и слабой цитрусовой цедрой.

Бакстер все-таки выкрутился. Генерал не знал, где он его достал; ему все равно. Его волновало только то, что напиток достался ему.

Спутниковый телефон заработал.

Генерал остановился на месте, повернувшись лицом к окну от пола до потолка. Оранжевый отблеск заката отражался от стекла. Ленты яркого цвета прочертили облака. Вода рябила, как жидкое золото.

На мгновение воцарилась тишина. Молчание было намеренным. Человеку на другом конце нравилось заставлять людей ждать.

У Генерала не хватало терпения на игры разума. Он предпочитал организовывать их сам и не любил, когда другие пытались использовать эту уловку.

— Не трать мое время. Какого черта ты творишь?

— Уточни. — Голос звучал глубоко и звучно. Властно. Хотя по сути обладатель голоса ничем не лучше мафиози, его английский отличался безупречностью — отточенный, нетерпеливый, подразумевающий ровный, искусный интеллект.

— Не играй со мной в игры, По.

Александр По беззлобно усмехнулся.

— В любой момент времени я планирую дюжину ходов на дюжине разных досок.

— Я получил множество сообщений о том, что ты захватил Саут-Бенд и Мишаваку и собираешь своих людей на границе Индианы. Не надейтесь, что сможешь пересечь мою территорию без тяжелых последствий.

Тишина на другом конце.

— Я не терплю угроз.

— Ну, так рассматривай это как угрозу! — прорычал Генерал.

Он не ожидал, что Синдикат так быстро окрепнет. Северная Индиана быстро покорила. Он надеялся на большее сопротивление.

Возможно, он недооценил разрушительное воздействие зимы на слабое и беспомощное население. Болезни, переохлаждение и голод опустошили ряды тех, кто мог бы оказать отпор.

Генерал сделал длинный глоток коньяка. Это несколько не успокоило его.

— Помни, кто здесь главный.

— Я помню, кто мой благодетель. Я не забываю. Ни на одну секунду. — По говорил ровно, без колебаний, и все же Генерал услышал подтекст — дикую обиду за этими несколькими простыми словами.

Генерал осушил свой хрустальный бокал и на мгновение закрыл глаза, задумавшись.

Он встретил По однажды на шикарном ужине по сбору средств для Музея современного искусства в Чикаго. По был мафиози, но не головорез в спортивном костюме. Он был образован и умен, уравновешен и грациозен как леопард.

По носил дорогие фирменные костюмы и пил изысканные вина. Он заключал хитроумные финансовые сделки и делал головокружительные деловые предложения в элегантных ресторанах, на высококлассных полях для гольфа и во время элитных круизов с лоббистами, политиками и высокопоставленными городскими чиновниками.

Он улыбался и смеялся, как другие мужчины, но, в отличие от большинства, его глаза оставались пустыми. Он был абсолютно безжалостным, без семьи, друзей или преданности. Амбициозный и жадный.

Как и сам Генерал.

Они оба хотели получить весь мир на блюдечке.

У По имелись люди — его Синдикат представлял собой широкую сеть головорезов, гангстеров и преступников, которую он создал за два десятилетия, управляя преступным миром Чикаго.

Но он не мог причинить реальный ущерб, не улучшив свое вооружение.

Ему требовались ключи от королевства.

Ключи, которые Генерал щедро ему предоставил.

Ведь именно Генерал снабдил Александра По ресурсами, необходимыми для установления контроля над Чикаго. А оттуда и большей части Иллинойса.

Информация о местонахождении местных арсеналов. Доступ к определенным тайным хранилищам. Разрешение на тайные военные поставки нераскрытым секретным получателям.

Бандиты Синдиката носили длинноствольное оружие — в основном военные М4 — и были одеты в военную форму, с которой исчезли нашивки и именные ленты. Они выглядели как солдаты, намеренно используя естественную склонность гражданских лиц уважать и подчиняться американским вооруженным силам.

И это тоже идея Генерала.

Она сработала с впечатляющим эффектом.

По распространился как раковая опухоль по городам и пригородам, а затем и по сельской местности, проникая в лагеря агентства и используя их ресурсы, предоставленные правительством, чтобы прокормить свою растущую армию.

Все, что ему становилось ненужным, он часто сжигал или убивал, оставляя за собой огромные поля смерти и разрушений. И страх.

Именно этот страх и нужен Генералу.

Страх, который он создавал, а затем использовал в своих целях.

Когда хаос в Иллинойсе достиг точки кипения, губернатор Даффилд и остатки законодательного собрания штата капитулировали перед собственным ужасом. Губернатор добровольно передал бразды правления. В конце концов, тот, кто контролировал армию, держал правительство за яйца.

По служил важной цели. Но теперь эта цель ослабевала. Он скоро перестанет быть полезным.

— Байрон, ты какой-то взвинченный. Я что, расстроил тебя?

Генерал стиснул челюсти, кипя от ярости. С самого начала По настаивал на том, чтобы называть его Байроном, а не по званию, — тонкое оскорбление, которое генерал не замечал.

Теперь он сожалел об этом. Генерал контролировал По, но тот не был врагом, которого можно недооценивать.

— Не забывай свое место, — прошипел Генерал.

По рассмеялся.

— У меня много мест. Мое любимое — вершина собачьей кучи.

— Ни шагу за границу Мичигана. Я отдал тебе лагеря Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям. Я подарил тебе Иллинойс. Черт, я даже позволил тебе забрать Индиану...

— У меня и так достаточно кукурузных полей. И на самом деле я сам забрал Иллинойс и Индиану.

— Не забывайся!

Пауза. Когда он заговорил, голос По зазвучал шелковисто-гладко.

— Мне так нравятся эти маленькие беседы.

— Я серьезно. Я все еще могу умерить твой пыл.

— Пока, Байрон.

— Не смей...!

Не успел Генерал закончить фразу, как По бросил трубку.

В ярости Генерал крутанулся и швырнул телефон через всю комнату. Телефон ударился о стену рядом с дверью и с глухим стуком упал на ковер.

Бакстер, тревожно застывший в дверном проеме, пригнулся с жалобным вздохом.

Его телохранители не дрогнули.

Генерал жаждал придушить изящное горло По голыми руками. Или казнить его выстрелом в череп.

По стал не просто проблемой. Он выходил из-под контроля.

Генерал еще не готов действовать. Еще предстояло кое-что сделать, что-то подправить. Его наследие должно стать идеальным. Он пока не готов.

— Сэр... — заикался Бакстер.

— Чего ты хотел? — прошипел Генерал сквозь стиснутые зубы, изо всех сил стараясь сохранить самообладание. — Разве не видишь, что я занят!

— Гиббс послал меня, сэр.

С большим усилием он обуздал свои эмоции. Его люди должны видеть в нем лидера, который полностью контролирует все вокруг — включая себя.

— Входи.

Бакстер вбежал в комнату, покачивая головой, его глаза метались туда-сюда, словно из ниоткуда мог вылететь телефон и ударить его по голове.

— Штурмовая группа готовится к отправке на задание. Они опросили нового бойца — Джеймса Лютера. У них есть информация, необходимая для дальнейших действий.

Генерал выпустил наполненный напряжением вздох. Он поставил пустой бокал на мраморный подоконник и вновь обратил свое внимание на вид за окном своего номера.

Солнце опустилось за горизонт. Небо приобрело оттенок фиолетово-синего цвета.

По ковровому полу протянулись глубокие тени.

По крайней мере, это уже что-то.

Генерал повернулся к Бакстеру.

— Запомни, не трогать «Винтер Хейвен». Убедись, что они осторожны.

Бакстер кивнул.

— Конечно.

Генерал подумал о своей дочери.

— Скажи Гиббсу, чтобы прислал их ко мне.

Глава 28

Ханна

День сто десятый

Ханна проснулась в тишине.

Открыв глаза, она уставилась в темноту, нависшую над ней и устало моргнула.

Ханна села, перекинула ноги через край кровати и сунула босые ноги в тапочки на полу.

Ей казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди. Пульс колотился, ладони были влажными. Она напрягла уши, прислушиваясь.

Иногда она просыпалась, уверенная что все еще находится в заточении в подвале Пайка. Ужас застыл в ее горле, когтями впиваясь в ребра. Ворсистый матрас под ней, холодные бесплодные стены, решетка на крошечном окне.

Заперта.

Она больше не в ловушке.

Но старый страх поймал ее, как рыбу на крючок, и Ханна не могла от него избавиться.

Она снова моргнула, чтобы сфокусировать взгляд на деталях спальни. Комод. Открытая дверь шкафа. Стул в углу. Тумбочка.

Она сверилась с часами на тумбочке рядом с пистолетом. 1:10 ночи.

Движение за дверью привлекло ее внимание.

Сердце заколотилось в груди.

Белая тень кристаллизовалась в тяжелой темноте — пушистый белый мех, прижатые уши, длинный жесткий хвост.

Призрак присел у двери спальни.

Ее мозг зарегистрировал его низкое, едва уловимое рычание. В глубине его груди вибрировал гул. Ханна почувствовала его в собственной грудной клетке. Предупреждение.

Страх не рассеивался. Ужас, словно черви, извивался в ее животе.

Дети. Ей нужно проверить детей.

Ханна взяла «Ругер» в обе руки, сняла с предохранителя и вложила приклад в согнутую ладонь левой руки, чтобы прицелиться. Ее пальцы дрожали, но движения получались отработанными и эффективными. Она повторяла это действие тысячу раз.

Она подошла к двери и ногой открыла ее. Дверь громко скрипнула в оглушительной тишине.

Впереди нее рычал Призрак.

Призрак тоже это чувствовал. Может, она не всегда доверяла своим инстинктам, но Призраку Ханна верила на сто процентов.

Что-то не так.

Тишина наводила ужас.

Не решаясь заговорить, она проскользнула в дверной проем, большой белый пес шел рядом с ней. Его шерсть поднялась, черные губы приоткрылись, обнажая клыки.

Она прокралась по коридору и открыла дверь комнаты Майло. Маленький продолговатый комочек под путаницей одеял. Черные кудряшки на белой подушке, ровное дыхание его груди.

Ханна проверила окно. Заперто.

Тревожное чувство нарастало. Она ощущала неправильность.

Призрак рысью направился к комнате Шарлотты. С нарастающим волнением Ханна последовала за ним. Она чувствовала дорогу скорее по памяти, чем зрительно.

Все окутала тьма, плотная, как саван.

Ночь выдалась совершенно тихой. Ни звуков холодильника, ни тиканья часов.

Ноги в тапочках мягко ступали по коридору. Когти призрака гулко клацали.

Подняв пистолет, Ханна толкнула плечом дверь Шарлотты и проскользнула внутрь. Она вгляделась в тусклые формы. Ее мозг регистрировал каждый знакомый предмет как нечто странное и чуждое.

Детская кроватка у дальней стены. Закрытое окно, занавешенное шторами. Открытая дверь шкафа. Удобное кресло для чтения, заваленное любимыми мягкими игрушками Шарлотты.

Призрак подбежал к кроватке и тревожно заскулил. Звук получился настолько громким в тишине, что Ханна вздрогнула.

Мгновение спустя она стояла у кроватки.

Белые простыни. Мобиль с животными из зоопарка висит неподвижно и безмолвно. Маленькая кривая шапочка Лиама, забившаяся в угол.

Пусто.

Адреналин превратил ее вены в лед. Ужас вцепился в горло, перекрывая дыхание.

Ханна дико озиралась по сторонам, моргая, словно это могло вернуть ей нужную картинку: Шарлотта свернулась в клубок, ореол пушистых темных волос, толстый маленький палец зажат в розовом ротике.

Все еще пусто.

Она сделала один нетвердый шаг назад. Нет, нет, нет...

И тут ее осенило.

Воспоминание нахлынуло на нее — сегодня вечером, после того как она покормила Шарлотту, Эвелин предложила взять ребенка на ночь, чтобы Ханна могла спокойно поспать.

В своем изможденном, лишенном сна состоянии она совсем забыла.

Почувствовав облегчение, Ханна прислонилась к кроватке, чтобы перевести дух. Пульс гулко отдавался в ушах. На мгновение она испугалась худшего...

Призрак снова заскулил.

Она опустила взгляд на собаку. Его шерсть все еще вздымалась.

Учащенное биение ее сердца не замедлялось. Кисло-болезненное чувство ужаса никуда не исчезло.

Оно стало сильнее.

Призрак беспокойно крутился на месте, высоко подняв морду, нюхая воздух. Большой пир шагнул к ней, подталкивая ее своими мощными боками.

Ханна присела на корточки и положила руку ему на бок. Глубокий, тревожный гул вибрировал в груди пса.

Тишина давила на нее. Тяжелая от предчувствия.

Призрак вскинул голову, наострил уши. Его тело напряглось, пышный хвост дернулся назад, словно он готовился броситься на какого-то невидимого злоумышленника.

Волоски на шее Ханны встали дыбом.

Она чувствовала себя растерянной, драгоценные секунды пролетали слишком быстро, просачиваясь между пальцами. Ей нужно добраться до Шарлотты. И ей нужно позвать на помощь.

Быстрым шагом она вернулась в спальню и взяла рацию, стоявшую на ночном столике, а рядом с ней — зарядное устройство на солнечных батареях. Тревога нарастала с каждым шагом.

— Мне нужен Лиам, — проговорила Ханна в рацию. Ее шепот прозвучал громко, как крик в жуткой тишине. — В доме Бруксов. Что-то не так.

— Принято, — ответил Рейносо. — Помощь в пути. Тебе следует подождать...

Она не могла ждать. Каждая секунда имела значение.

Ее грудь сжалась. Инстинкт кричал ей, чтобы она двигалась. Ханна положила рацию обратно на тумбочку и повернулась к Призраку.

Содрогаясь, она положила свою большую руку на его позвоночник и зарылась пальцами в густой мех. «Ты знаешь, что делать».

Призрак направился к двери. Ханна последовала за ним.

Ей не хотелось оставлять сына в пустом доме. Но инстинкты предупреждали ее, что угроза больше не в этих стенах, а снаружи.

В опасности ее второй ребенок. Ее малышка.

Ханне нужно добраться до Шарлотты.

Ей нужно найти свою дочь прямо сейчас.

Глава 29

Ханна

День сто десятый

Призрак помчался к входной двери, Ханна — за ним. В темноте она едва не ободрала колено о кофейный столик.

Ханна не стала тратить время на куртку, остановившись только для того, чтобы натянуть незашнурованные ботинки.

У нее был Призрак; и 45-й калибр.

Она возилась с замком своей искалеченной рукой. Ее скрюченные пальцы от страха стали еще неповоротливее, но она не посмела опустить пистолет.

Дверь открылась. Призрак протиснулся наружу. Он бросился в ночь, белая полоса в абсолютной темноте.

Звезд не видно. И луны тоже. Облака густые, черные и тяжелые.

Было жутко холодно. Ледяной воздух пронизывал ее фланелевую пижаму. Ханна резко вдохнула, выдыхая белые облака, и, спотыкаясь, поспешила за Призраком.

«Это безумие, — шептал рациональный голос в ее голове. Ты разбудишь Эвелин, Тревиса и малышей, рассуждая как сумасшедшая».

Но был Призрак, настороженный и взволнованный. И ее интуиция, как звенящий будильник в голове.

Ханна проигнорировала эту тревогу в ту ночь, когда Гэвин Пайк остановился на

обочине дороги. В ту ночь, когда у нее украли ее собственную жизнь.

Она не будет игнорировать ее снова.

Ханна подошла к входной двери Бруксов и остановилась. Призрак помчался за угол дома. И снова она последовала его примеру.

Вдалеке прогремел гром. В морозном воздухе потрескивали разряды электричества.

Она напрягла уши в поисках любого звука. Под ее ботинками хлопала мокрая, примятая трава. Запах мокрой земли наполнил ее ноздри. Пахло дождем.

И чем-то еще. Запах сигаретного дыма.

Ужас пробежал по ее позвоночнику. Ханна поспешила в задний дворик и пробралась между мебелью. Ее ботинки хрустели по битому стеклу.

Дверь была полуоткрыта.

Эвелин и Тревис слишком осторожны, чтобы оставлять дверь незапертой, тем более открытой.

Кто-то взломал дверь и проник в дом.

На мгновение Ханна замерла, приготовившись к приступу животного страха. Ее кожу головы покалывало. Старая знакомая тьма спустилась, похищая ее мысли, затемняя разум, унося прочь.

Она не поддалась ей. Она боролась с небытием всеми силами. То, что когда-то защищало ее от самых ужасных ужасов, теперь угрожало всему, что ей дорого.

Ханна вдохнула и выдохнула. Холодный воздух ужалил ее щеки. В руках тяжесть 45-го калибра. Пес прижался к ее бедру, скуля и царапаясь в дверь, чтобы войти.

Ее ребенок в смертельной опасности. Эвелин и Тревис тоже.

С огромным усилием она пришла в себя.

Ханна заставила сломанную дверь открыться.

Призрак прыгнул внутрь. С громогласным лаем, от которого содрогнулась ночь, он ворвался в дом.

С замирающим сердцем Ханна побежала за ним.

Через затемненную гостиную. Наткнулась на диван, опрокинула тумбу. Чуть не споткнулась, но, оступившись, встала на ноги и помчалась к темному коридору.

Никаких мыслей о скрытности. Только скорость. Паника гнала ее вперед.

Дикий лай Призрака эхом отражался от стен коридора и звенел у нее в ушах. Он пронесся по коридору, вспыхнув ярким белым пламенем, и ворвался в дверь комнаты ЭлДжея.

Ханна вбежала за ним следом, пистолет поднят, пульс учащен.

Тяжелые тени лежали повсюду. Темные очертания детской кроватки. Окно на дальней стене. Комод рядом с дверью шкафа.

Движение слева от нее.

Вспышка ножа.

Человеческая тень вынырнула из темноты.

Сердце Ханны остановилось. Паника пригвоздила ее к полу.

Белая вспышка рядом. Призрак бросился на тень, рыча, скалясь, щелкая челюстями в дикой ярости.

Сто сорок фунтов твердой массы врезались в человеческую плоть, отбросив нападавшего назад к детской кроватке. Две фигуры извиваются, хватаясь друг за друга. Треск и грохот.

Нападавший пронзительно закричал. Звук резко оборвался влажным хрустом. Треск и рывки. Неразборчивые крики.

Призрак навис над упавшей фигурой, вырывая горло из тела.

Из детской кроватки раздался истошный крик младенца. На секунду Ханна подумала, что это Шарлотта. Затем узнала хриплый плач ЭлДжея.

Она направилась к кроватке, думая только о своей дочери.

— Не двигайся! — донесся сердитый голос.

Второй злоумышленник стоял перед окном. Темная массивная фигура, одетая в черное, с тактическим снаряжением.

В десяти футах от Ханны.

В его руках корчился сверток. Шарлотта.

Сверток сместился влево, когда он поправил свой захват, сжимая ребенка в одной руке. Шарлотта завизжала в знак протеста. Блеск дула поднялся в сторону Ханны.

Время замедлилось.

Некогда подумать. Взвесить все за и против. Оценить риски.

Если она ничего не предпримет, то погибнет, а Шарлотта исчезнет.

Она решила действовать.

Ханна подняла 45-й калибр обеими руками. Подперла приклад плохой рукой. Прицелилась вправо от центра тяжести, выдохнула и нажала.

Пистолет дрогнул в ее руках. Выстрел грохотом отозвался в ушах.

Мужчина дернулся и громко и грубо выругался. Шарлотта и ЭлДжей закричали еще громче.

Инстинкт и тренировка взяли верх. Ханна слегка пригнулась и выстрелила снова.

Его тело дернулось вправо. Со стуком сверток из его руки упал на ковровое покрытие.

Ханна вздрогнула. Ее разум кричал от страха и возмущения, но она сохранила концентрацию. Выстрелила в третий раз, целясь в таз под бронежилетом.

Он попятился назад. Потеряв опору, врезался в стену, а затем упал под окном.

Звуки доносились сзади нее. Приглушенные и далекие. Возгласы, сигналы тревоги.

Кто-то что-то кричал. Слова, не несущие никакого смысла. В ушах звенело.

Свет пробивался по коридору, заливая детскую яркими тенями. Ханна смутно почувствовала, как Эвелин и Тревис столпились в дверном проеме позади нее.

Все ее существо жаждало броситься к ребенку, но она не могла. Пока не могла. Она не могла сосредоточиться ни на чем, кроме устранения угрозы.

Она знала, что лучше не поворачиваться спиной к раненому животному. Особенно к человеку.

Ханна подошла к похитителю и нависла над ним. Кровь текла из его правого плеча. Она стекала под ним из дыры в паху.

Он отпрянул от нее, ругаясь и тяжело дыша. Полез, скребя по полу в поисках своего оружия. Оно упало, когда он уронил ее дочь.

Ханна отшвырнула его.

Он поднял на нее глаза, выражение лица исказилось от боли и ненависти. Угольно-черные глаза, узкие скулы, всклокоченная борода.

— Ты маленькая су...

Ханна расставила ноги и прицелилась ему между глаз.

— Никто не смеет трогать мою семью!

Глава 30

Ханна

День сто десятый

— Подожди! — голос Лиама прогремел в детской. Он ворвался в комнату и помчался в ее сторону, Бишоп следовал прямо за ним. — Не стреляй в него!

Ханна колебалась.

Бишоп направил на нападавшего свой «Хеклер и Кох» 45-го калибра с удлиненным стволом.

Лиам твердо положил руку на ее предплечье и опустил пистолет.

— Он нужен нам живым.

Она стояла, покачиваясь на ногах. Моргающая и неуверенная. Пульс грохотал в ее ушах.

— Но я должна...

— Я сделаю это, Ханна. — Все еще держа «Глок», Лиам обхватил ее за плечи и заглянул в глаза. — Все кончено. Дальше мы сами.

Она рассеянно кивнула. Потребовалось три попытки, чтобы поставить «Ругер» на предохранитель и засунуть его в карман пижамы.

Кто-то принес фонарь. Лиам? Или Тревис? Она не знала.

— Шарлотта и ЭлДжей? — резко спросил Лиам.

— ЭлДжей в порядке, — отозвался Тревис. — Нужно проверить Шарлотту. Ханна спасла ее от этого подонка.

— А Майло? — продолжил Лиам.

— Он в доме, спит.

— Я пришлю Перес, чтобы она присмотрела за ним. — Бишоп отсоединил рацию. — Есть еще нападавшие?

— Только двое. Призрак убил одного, — сообщила Ханна, внезапно почувствовав головокружение.

Адреналиновый выброс поглотил ее. Волны головокружения захлестнули сознание, ноги стали слабыми и резиновыми.

Лиам и Бишоп держали ситуацию под контролем. Шарлотта. Ей нужна Шарлотта.

Пошатываясь, Ханна пересекла комнату и рухнула на колени.

— Шарлотта, я здесь. Я здесь, милая.

С закрытыми глазами и вся красная от возмущения малышка махала пухлыми ручками и кричала. Видимых ран не видно, но на левой щеке краснеет ожог.

Ханна не могла дышать, не могла думать, ее живот скрутило от ужаса. Что, если у нее сломана шея? Или позвоночник неправильно сместился, череп ушиблен, или еще что похуже?

— Не двигай! — Эвелин стояла на коленях рядом с Ханной, одетая в шелковую пижаму, ее черные волосы растрепались. — Позволь мне сначала ее осмотреть.

Вопреки всем своим инстинктам Ханна откинулась назад, пока Эвелин осматривала Шарлотту, следила за ее жизненными показателями и проверяла, нет ли внутренних повреждений.

Тревис взял ЭлДжея из кровати и прижал его к груди, нежно укачивая и шепча на ухо. Отчаянные крики малыша стихли до хриплого хныканья.

Лиам и Бишоп оттащили раненого нападавшего в угол и прижали его к дверце шкафа.

Осмотрев его, Лиам присел на корточки, а Бишоп остался наблюдать за ним у окна.

Нападавший скулил и молил о пощаде. Лиам не предложил ему ничего.

— Думаю, этот уже мертв, приятель, — обратился Тревис к Призраку.

Челюсти собаки сомкнулись на шее первого нападавшего. Призрак в последний раз злобно покачал головой. С рычанием он выпустил свою добычу.

Искалеченное тело распростерлось между стеной и детской кроватью в углу.

Призрак слез с трупа. Его задняя нога подкосилась, и он взвизгнул от боли.

Должно быть, он получил новую травму при атаке на похитителя. Не дрогнув, он зашагал через комнату к Ханне.

Призрак, склонившись над крошечной фигуркой Шарлотты, пристально смотрел на Эвелин. Из его горла вырвалось угрожающее рычание. Его уши прижались, щеки оттянулись назад от влажных красных клыков.

Эвелин замерла, прижав одну руку к груди Шарлотты, челюсти Призрака находились в дюйме от ее запястья.

В одно мгновение он мог раздробить ее кости в щепки.

Большой пиренейский пес выглядел огромным в маленькой темной комнате, сплошные зубы и когти, густая шерсть забрызгана кровью. Он казался диким, полубезумным от жажды крови, как страшный зверь из сказок, демонический волк из подземного мира.

Он свирепел, действуя инстинктивно, охраняя свою драгоценную подопечную от всех существ, не принадлежащих к его стае.

Ханна протянула свою больную руку и положила ее на мокрую морду Призрака. Его дыхание обжигало ее ладонь. Ее пальцы зацепили острые как бритва зубы.

Ханна не чувствовала страха. Не перед Призраком. Только не перед Призраком.

Он ее пес, а она его человек.

— Хороший мальчик, хороший мальчик. — Она мягко сомкнула его челюсти своими скрюченными пальцами. — Эвелин — друг. Ты знаешь это, мальчик. Ты переживаешь за своих людей. Я понимаю.

Она погладила его по морде. Постепенно его рычание стихло.

— Ты все сделал правильно.

Напряженные, сведенные мышцы Призрака расслабились. Он прижал уши, реагируя на успокаивающий голос Ханны.

— Ты предупредил меня. Ты защитил нас. Ты сделал все идеально. Просто идеально. — Он наклонил голову, чтобы она могла погладить его по загривку. — Ты определенно заслужил немного вяленого мяса сегодня.

Призрак плюхнулся на пузо и опустил голову к Шарлотте. Он уткнулся носом в ее крошечное сморщенное личико, затем ласково слизал ее слезы, скуля от беспокойства.

Шарлотта яростно плакала, но почувствовала над собой большую собаку и с нетерпением потянулась к ней. Она обожала Призрака так же, как он обожал ее.

Ее крошечные ручки прикоснулись к его окровавленной морде. Челюсти, вырвавшие горло у человека, для Шарлотты не опаснее, чем одна из ее игрушек-прорезывателей.

— Я помогаю Шарлотте, Призрак. — Эвелин старалась, чтобы ее голос звучал спокойно и ровно. — Она в порядке, мальчик. Благодаря тебе и твоей маме. С ней все будет хорошо.

— Ты уверена? — спросила Ханна задыхающимся голосом.

Эвелин повернула голову, чтобы встретить взгляд Ханны. Ее движения были медленными и осторожными.

— Она в порядке, дорогая. Ушиб на задней части черепа, за которым мы будем наблюдать, но она в порядке.

— О, слава Богу. — Чистое облегчение разлилось по ее венам. Ханна подхватила Шарлотту на руки и прижала к груди. Маленькое вздрагивающее тело дочери погрузилось в ее тело.

Шарлотта прижалась головой к шее Ханны. Ханна обнимала ее, раскачивалась взад-вперед на коленях и напевала ласковые слова в ее мягкую головку.

В теплых объятиях матери крики Шарлотты стихли.

Призрак прижался ближе, прислонившись к ее боку и тревожно понюхав щеки Шарлотты, словно он не верил Ханне на слово; ему необходимо самому убедиться в благополучии своего народа.

— У нас гости, — сообщил Бишоп. — Друзья.

Снаружи в коридоре раздались шаги.

Призрак поднял голову, наострив уши. Вместо рычания он приветственно тьякнул.

— В кого мне нужно стрелять? — Молли шаркающей походкой вошла в комнату, сильно хромя без трости, крепко сжимая «Моссберг» в морщинистых руках.

Квинн протиснулась следом за ней, держа AR-15 в положении низкой готовности, ее лицо побелело от страха и адреналина. Она осмотрела детскую в полном беспорядке.

— Кто-нибудь ранен?

— Все закончилось, — отозвалась Ханна. — Мы в порядке.

— Черт возьми, — проворчала Молли. — Вечно я опаздываю на вечеринку.

Эвелин помрачнела.

— Если это то, что ты считаешь вечеринкой, то я обойдусь без следующего приглашения.

Молли была одета в белую ночную рубашку с длинными рукавами. Квинн в большой футболке с надписью *Metallica* и красных пижамных штанах со снеговиками. Ни на ком из них не было верхней одежды. Квинн стояла босиком, грязь и трава прилипли к ее ногам.

— Нас разбудил лай Призрака, — рассказала Квинн. — Похоже, он приготовился сразиться с целой армией.

Тревис устало улыбнулся.

— Вполне.

— Майло, — произнесла Ханна. — Бишоп отправил Перес, но я не знаю, там ли она уже. Он один в доме...

Молли направила дробовик в пол.

— Больше ничего не говори. Я уже там.

Как только она ушла, Лиам что-то сделал с похитителем. Тот закричал от боли.

Лицо Тревиса стало пепельным. Он вышел из комнаты вместе с ЭлДжеем, Эвелин следовала за ним по пятам.

— Я останусь, — заявила Квинн.

— Мне нужно, чтобы ты помогла обыскать район, — отчеканил Бишоп. — Отправляйся с Перес. Теперь, когда Майло в безопасности, она вызовет группу реагирования, чтобы прочесать периметр.

Квинн скривилась, как будто хотела протестовать, но направилась к двери.

Бишоп связался по рации с Рейносо.

— Тебе лучше приехать сюда, шеф. У нас тут полный бардак.

Глава 31

Лиам

День сто десятый

— Как, черт возьми, они сумели проникнуть на нашу территорию? — спросил Рейносо.

— Один из вопросов, на который он нам ответит, — мрачно проговорил Лиам.

Лиам, Бишоп и Рейносо толпились в детской. Свет давал светодиодный фонарь на батарейках, висевший на крючке у двери. Их пистолеты находились в кобурах, а длинные ружья стояли у детской кровати.

Лиам держал свой тактический нож «Гербер МК II» низко на боку.

При виде ножа глаза пленника расширились от страха. Хорошо. Пусть немного обмочится.

Судя по запаху аммиака в комнате, он уже это сделал.

Шел второй час ночи. Они решили не будить остальных членов городского совета; это дело для службы безопасности.

Несколько групп Перес прочесывали Фолл-Крик на случай вторичного нападения. Пока что они ничего не нашли.

Молли осталась с Майло в доме Ханны; к счастью, парень проспал всю суматоху.

Тревис и Ханна разместили малышкой в спальне Бруксов, поскольку детская использовалась для допроса.

Покормив Шарлотту перед сном, Ханна занялась делами на кухне: мыла Призрака горячей водой из ведра и лечила его рану.

Эвелин и Тревис завернули изуродованный труп в брезент и оттащили его в лес за участком. Никто не хотел тратить хорошие дрова на сожжение трупа, но и оставлять его на растерзание одичавшим собакам тоже нельзя.

Нет ничего лучше, чем обнаружить оторванную руку на заднем крыльце за утренним кофе.

Как будто кто-то до сих пор пьет кофе.

Завтра они перенесут труп в могилу на западной окраине города, где с помощью пары экскаваторов выкопали яму, чтобы похоронить своих мертвецов на безопасном расстоянии от близлежащих источников воды.

Второй боевик вскоре присоединится к своему напарнику. Но не раньше, чем Лиам получит нужную ему информацию.

Лиам обратил внимание на их пленника. Негодование захлестнуло его. Ему потребовалось невероятное самообладание, чтобы не разорвать этого гада на части голыми руками.

Забудьте о Призраке. Лиам мог бы сам вырвать глотку этому человеку без малейших угрызений совести.

Он ведь едва не потерял Шарлотту. И Ханну.

Стиснув челюсти, он присел перед поверженным врагом. Бишоп и Рейносо стояли позади него, наблюдая за происходящим с суровыми лицами.

Лиам постучал плоской стороной лезвия по раскрытой ладони, край ножа сверкнул.

— Есть только один способ все закончить. Сколько страданий ты вытерпишь, зависит только от тебя.

— Иди к черту! — В неприятеле еще теплился огонь, но он уже угасал. Его кожа

приобрела пепельный оттенок, круги под глазами напоминали угольные пятна.

Они связали его лодыжки паракордом из повседневного футляра Лиама, а руки — парой наручников, выданных Рейносо.

На теле похитителя появилось три новых отверстия. Одна пуля пробила мясо в верхней части правого плеча. Вторая засела в верхней части бедра, пропустив бедренную артерию. Третья пуля застряла над его промежностью, в паху.

Ханна проделала чертовски хорошую работу.

Эвелин перевязала раны нападавшего, чтобы замедлить кровотечение. Она использовала полоски, нарезанные из простыни, а не дорогие бинты, антисептик или антибиотики.

— Моя работа — исцелять. Дарить жизнь, а не забирать ее. — Она посмотрела на Лиама ровным взглядом. — Учитывая это, во время кризиса мы проводим сортировку и концентрируемся на тех, кого можем спасти. Я ничего не могу сделать, чтобы спасти этого мужчину. Ты понимаешь?

Лиам кивнул.

— Да, мэм.

Ее голос понизился. Глаза сверкнули гневом и холодом.

— Ты, впрочем, не связан этой клятвой.

По расчетам Лиама, у их пленника оставался час до того, как он вырубится. Он уже мертвец. И он знал это.

— Ты собираешься его пытаться? — Лица Бишопа помрачнело, а цвет стал восковым. Он казался физически больным.

Лиам взглянул на Бишопа.

— Мы знаем, что он виновен. Нет никаких сомнений. Это наша единственная возможность получить важные сведения. Тебе это известно. — Он повысил голос. — Если он скажет правду, я его не трону.

Бишоп провел рукой по своей шевелюре и покорно вздохнул.

— То, что я знаю в голове, и то, что чувствую в сердце, — две разные вещи. Это неправильно.

Лиам чувствовал себя прекрасно, но он не сказал об этом. Он предоставил Бишопу выход.

— Почему бы тебе не связаться по рации с Перес и не присоединиться к ее группе реагирования? Убедись, что вокруг все чисто.

Бишоп кивнул, на его лице появилось облегчение. Он повернулся на каблуках и вышел из комнаты.

Бишоп был благородным человеком. Лучшим человеком, чем Лиам. Возможно, этот момент потом будет преследовать его в кошмарах, но он мог с этим смириться. Это нужно сделать, чтобы защитить людей, которых он любил.

Лиам перевел взгляд на Рейносо.

— Ты в деле или нет?

Бронзовая кожа Рейносо выглядела заметно бледнее, но он не дрогнул. Шеф полиции был тверд как скала.

— Делай то, что должен.

Лиам вернул свое внимание к пленнику.

— Кто и зачем тебя послал?

— Я ничего вам не расскажу...

Лиам наклонился вперед и ткнул кончиком ножа в раненое плечо мужчины.

Пленник застонал.

Лиам продолжал свою работу. Через несколько минут враг корчился от боли.

Лиам отступил назад.

— Давай начнем с чего-нибудь попроще, а? Как тебя зовут?

— Дженкинс, — ответил пленник.

— Так-то лучше. Кто ты?

— Наемник.

Лиам кивнул. «Зиг Зауэр» М17 и карабин М4 врага состояли на вооружении армии. Он вел себя как бывший военный

— Как вы прокрались за периметр?

Рот Дженкинса сжался в тонкую линию.

— Как ты проник внутрь?

— Иди в задницу.

Лиам снова принялся за работу. Дженкинс истошно завизжал. Лиам приложил еще больше усилий.

— Пешком! — сдался Дженкинс. — На велосипеде по тропе Буна. Потом мы... мы пробирались пешком через лес, чтобы избежать блокпостов и патрулей.

В этом имелся смысл. У команды охраны Фолл-Крика хватало людей, чтобы следить за дорогами, через которые наиболее вероятно проникновение в город. Лиам разместил несколько наблюдательных постов в лесу, но недостаточно.

Для любого по-настоящему решительного человека, особенно пешего, существовала сотня точек проникновения, чтобы попасть на территорию города.

— Кто тебя послал?

Дженкинс отказался отвечать.

Все продолжалось несколько минут. Наконец, он сломался.

— Генерал Синклер! Это Генерал отдал приказ. Мы действуем по решению правительства!

— Убивая детей?

— Не убийство. Мы должны были забрать ее и доставить к Генералу. Вот и все.

— Как вы узнали в каком она доме?

Дженкинс поморщился.

— Генерал знал. У него есть карта города, и он обозначил дорогу и дом. Как только мы проникли в город, наблюдали за домом весь день. Я видел, как женщина принесла сюда ребенка. Мы подождали, пока все уснут и перерыв между патрулированиями. Затем мы проникли внутрь. Войти, взять ребенка, выйти. Такой у нас был приказ.

— Здесь два ребенка. Вы охотились за обоими?

— Только за девочкой. Вообще не знал, что есть еще один ребенок. Чуть не схватил его случайно. Но он хотел именно эту девочку.

— Почему?

— Откуда мне знать?

Лиам снова принялся за дело.

Дженкинс бился в конвульсиях, словно его пронзали электрические разряды. Когда он снова смог говорить, то воскликнул:

— Этот ребенок — его родственник! Внучка? Правнучка? Я не знаю! Черт, как больно! Потрясенный, Лиам сгорбился. На его лбу выступил холодный пот.

Его разум вихрем пронесся в голове, перебирая возможности, последствия, что это значит для них, для Фолл-Крик и для Ханны.

Генерал знал.

Розамонд не проявляла ни малейшего интереса к своей кровной связи с внучкой. Очевидно, ее отец считал иначе.

Этот мерзавец Саттер рассказал Генералу о Шарлотте. Или же Лютер.

Возможно Лютер играет за два лагеря.

Если это так, Лиам найдет его и срежет кожу с его скелета.

— Вот почему Генерал еще не напал, — прохрипел Дженкинс. Его веки подрагивали. Из импровизированных повязок сочилась густая темная кровь. Растущая лужа окрасила ковер под ним. — Просто... ждет... ребенка. Он разнесет вас, террористов, к чертовой матери...

Получив необходимые сведения, Лиам, как и обещал, быстро прикончил Дженкинса.

Лиам медленно встал, чувствуя боль в спине, и вытер руки о полотенце. Почистил свой тактический нож и убрал его в ножны.

Испытывая тошноту, он отвернулся от трупа.

Он сделал то, что должен был сделать. Если это означает, что он уберет своих близких, Лиам готов позволить своей душе гореть вечно.

— Что это значит? — обеспокоено спросил Рейносо.

Лиам не мог ему ответить. Ему нужно переговорить со своим шпионом. Ему нужна информация.

Он схватил рацию, переключился на нужный канал и связался с Лютером.

В рации шипели помехи. Ответа не было. Сейчас не время их запланированного выхода на связь. Кроме того, без ретрансляционных станций рация находилась вне зоны действия сети.

Ужас застыл в его сердце, как глыба льда. Лиам пытался снова и снова.

Снова и снова, ничего.

Глава 32

Ханна

День сто десятый

— Это еще не конец, — прошептала Ханна.

— На сегодня все позади, — успокоил Лиам. — Теперь ты в безопасности.

Ей совсем это не нравилось. Как ни старалась, Ханна не могла унять страх, пульсирующий в ней. Она не могла перестать дрожать.

Рейносо и Перес провели тщательный обыск в Фолл-Крике, а Лиам приказал усилить патрулирование и вести круглосуточное наблюдение за домом Ханны. Он отказался ее покидать.

За окном сверкнула молния. Мгновение спустя прогремел гром.

Надвигалась гроза.

Ханна вернулась домой, Лиам с ней. Они сидели на диване, Майло и Шарлотта спали в своих кроватях. Огонь потрескивал в камине, оранжевые тени мелькали по стенам.

Призрак растянулся перед очагом, насторожившись, но положив голову на передние

лапы, его карие глаза следили за каждым их движением. Время от времени он поводил носом по раненой задней лапе и жалобно скулил.

Было три часа ночи. Ни она, ни Лиам не спали.

Тревога завязалась узлом в животе Ханны и не отпускала. Ее мысли все время возвращались к событиям ночи.

— Что, если бы я промахнулась? Что, если Шарлотта серьезно пострадала? Что, если...

— Ты все сделала правильно, — похвалил Лиам.

— Она могла умереть. ЭлДжей, Майло. Эвелин и Трэвис...

— Они не умерли. Ты не можешь корить себя за то, что могло бы быть.

Ханна уныло кивнула.

— Ты молодец, — с гордостью в голосе проговорил Лиам. — Плохие парни мертвы, а ты нет. Шарлотта в безопасности. Ты в безопасности.

— Сегодня ночью я убила человека.

— Ты сделала то, что должна была сделать.

Она смотрела на огонь. Мерцающие языки пламени плясали и расплывались.

— Я не промахнулась, Лиам. Я испугалась до смерти, но не промахнулась.

Не так, как раньше. Ханна вспомнила ночь вьюги, когда оказалась запертой в доме с Пайком. Стычку в коридоре, когда могла застрелить его, но промахнулась, тогда ее руки тряслись от паники, а поврежденная рука не слушалась.

Как много изменилось.

Она изменилась. Она стала сильнее.

Ханна все еще боялась, но страх не означал недостаток мужества. Настоящее мужество — это действия перед лицом страха.

И она действовала.

— Ты стала сильной, Ханна.

Она смотрела на него горящими глазами.

— Он хочет твоей смерти. Он хочет моего ребенка.

— Он никогда этого не получит.

Она вздрогнула.

— Эта семья — яд. Как будто они вообще не умирают. Когда Пайк преследовал нас, именно так я себя и чувствовала, будто он сам дьявол.

— Но он не был им. Ты его убила. Он просто человек, как и генерал Синклер. Его можно убить.

Ханна потерла свои скрюченные пальцы.

— В их семье живет зло. Думаешь, оно началось с отца Розамонд? Что, если это генетическое проклятие, передающееся из поколения в поколение?

— У всех нас есть выбор, — напомнил ей Лиам. — Никто не рождается злым.

— Что, если оно есть у Шарлотты?

— У нее нет. И не будет. Ты воспитываешь ее в любви, доброте, в хорошем отношении.

Ее грудь сжалась. Теперь, когда опасность миновала, Ханна дрожала и слабела. Напряжение и страх обрушились на нее. Стресс, давление, истощение. Она не могла нормально дышать.

— Мы ее защитим, — заверил Лиам. — Я обещаю тебе.

Сверкнула молния. Раскаты грома сотрясали дом. Первые капли дождя стекали по оконным стеклам. Ханне вдруг стало так холодно.

В глазах Лиам мелькнуло беспокойство.

— Ты дрожишь.

— Я чуть не потеряла ее, Лиам. — Из ее горла вырвался всхлип. — Я почти...

— Эй, эй. — Он повернулся к ней на диване, находясь всего в футах от нее. — Посмотри на меня.

С большим усилием Ханна подняла глаза. Как и в детской, он положил руки ей на плечи, успокаивая. Когда-то она в страхе отпрянула бы от него, в ее сознании возник бы призрак Пайка. Теперь нет.

— Ты сделала это, — мягко сказал Лиам. — Ты уберегла Шарлотту. Ты ее мать. Ты ее защитила.

Ханна кивнула. Лиам сидел близко, так близко, что она могла вдыхать его запах, землистый и мужской.

Он поднял одну руку и откинул волосы с ее лица.

— Я буду защищать ее, обещаю тебе. Я отдам свою жизнь за нее. — Он колебался, его глаза казались темными и бездонными. — Я готов умереть за тебя, Ханна.

По ее телу пронесся электрический разряд.

Как же Лиам смотрел на нее. Напряженность в серо-голубых глазах. Вопрос, на который он ждал ответа.

Казалось, что границы их отношений резко сместились. Ханна почувствовала дезориентацию, головокружение.

Дождь пошел сильнее, колотя по крыше. Раздались раскаты грома.

Страх никуда не исчез. Но появилось и что-то еще, что-то более сильное.

Ханна положила свою левую ладонь на его руку. Ощутила мускулистую силу его мышц под тканью рубашки. Размах груди. Суровое, красивое лицо.

Он опустил взгляд на ее руку, поднял на нее глаза. В них пылала страсть. То же желание, пульсирующее в груди Ханна, отразилось в ее глазах.

Ее сердце подпрыгнуло. Покалывающее тепло зародилось в животе и распространилось по конечностям.

Что-то высвободилось внутри нее. словно бабочка расправляет крылья, отпускает, открывается.

— Лиам...

Лиам наклонился вперед и поцеловал Ханну.

Глава 33

Лиам

День сто десятый

Лиам целовал женщину, которую любил.

Сначала нежно, потом глубоко, яростно. А потом он обхватил ее лицо, запутался пальцами в волосах, притягивая Ханну к себе.

Лиам был солдатом. Суровым, закаленным в боях воином. И все же бабочки порхали у него в животе, искры вспыхивали под кожей от ее прикосновения.

Вместе они прошли двести миль по враждебной зимней местности. Они спаслись от безумца. Они добрались до Фолл-Крика и построили дом среди жестокости и хаоса.

Он держал ее в своих объятиях. Она разделась догола и забралась к нему в постель, кожа к коже, жар ее тела давал его переохлажденным конечностям живительное тепло. Он стоял

на коленях между ее ног и принес в мир ее кричащего ребенка.

Ни с кем прежде не возникало такого интимного, дикого, нежного, хрупкого чувства. Как будто если он сделает неверный шаг или вздохнет слишком рано, момент может разрушиться.

Они полюбили друг друга так, как любят травмированные люди. С осторожностью, бережно раскрывая, исследуя свои израненные души, проверяя, бьются ли еще их израненные сердца.

Он отступил на мгновение, не в силах перевести дыхание. Его сердце бешено колотилось, ладони стали влажными.

Ханна посмотрела на него, зеленые глаза блестели в свете камина, взгляд открытый и уверенный.

— Я должен кое-что сказать.

— Я слушаю.

Никогда еще Лиам так остро не осознавал, что завтрашний день никому не обещан.

Разрушенный мир надвигался на них. Смерть висела над их головами, приближалась угроза войны, которую они не могли выиграть.

Завтра он пойдет в бой с Генералом. Он может не вернуться.

И все же. В этот момент все это не имело значения. Ничего, кроме Ханны.

— Я не силен в таких вещах. Я люблю Шарлотту так, будто она моя родная плоть и кровь. С того момента, как я на нее взглянул, я принадлежу ей. И Майло, он мне тоже дорог. Он умный и храбрый. А ты... — Лиам прочистил горло. — Ханна...

Никогда в жизни он не испытывал такой нервозности и в то же время такой уверенности. Он вдруг почувствовал себя глупым, не в своей тарелке, но все же решился.

— Я хочу быть с тобой. Я хочу быть там, где ты.

Глаза Ханны заблестели.

— И я хочу быть с тобой.

Одним махом она освободила его и скрутила обратно. Она показала ему пример того, какой осмысленной может быть жизнь, какой может быть любовь.

Возвращение к жизни причиняло боль. Как будто его замерзшие конечности оттаивают, колют и жгут, когда онемение уходит, а резкое великолепное тепло прижимается к ним.

Эта боль того стоила.

Ханна стоила всего.

— Я серьезно. — На этот раз Лиам не колебался. Он обнажал свою душу. — Я целиком и полностью готов, Ханна. Что бы ни случилось дальше, я хочу, чтобы ты это знала. Ты, Майло, Шарлотта. — Его голос сорвался. Он боролся за то, чтобы продолжать, чтобы вымолвить это. Слова, которые важно сказать. Он должен их сказать. — Если ты примешь меня.

Ханна наклонилась, ее лоб коснулся его лба, ее зеленые глаза сияли.

— Я согласна, Лиам Коулман. Я принимаю тебя.

В этот момент он потерял дар речи. Его охватила глубокая, всепоглощающая радость. Сейчас он не смог бы ничего сказать, даже если бы захотел.

С большой нежностью он взял ее подбородок и наклонил лицо Ханны к своему.

Лиам не мог сдержаться. Он поцеловал ее снова.

Губы Ханны разошлись. Она поцеловала его в ответ.

Он обхватил ее руками и притянул к себе. Он целовал ее жадно, глубоко. Зарывался

руками в ее волосы, вдыхая ее запах. Он чувствовал, как ее сердце сильно бьется о его собственные ребра.

Лиам не был ни поэтом, ни оратором, ни склонным к религиозным переживаниям, но он отдал бы все на свете, чтобы остаться в этом мгновении навсегда. Здесь, в этом доме, рядом с Ханной. С этой прекрасной женщиной, которую он не заслуживал, но все равно любил каждым ударом своего сердца.

Она стала реальностью. То, о чем он мечтал, чего жаждал все эти одинокие годы.

Лиам не знал, сколько времени они просидели так, обнявшись, очарованные друг другом. Он никогда не чувствовал себя таким счастливым. Таким желанным. Таким любимым.

Все это время он находился именно там, где и должен быть: в объятиях Ханны.

Глава 34

Лиам

День сто одиннадцатый

На следующее утро штурмовые команды Лиамы отправились в Сент-Джо.

Из разведанных Лютера они узнали, что Генерал разместил четыре подразделения в разных точках города. Солдаты охраняли склады топлива, хранилища боеприпасов и места стоянки транспорта.

Они нанесут первый удар по слабозащищенным целям, а не по пехоте.

Лиам занял позицию, устремив взгляд вверх и вдаль, отслеживая угрозы. Бишоп следовал за ним, а Рейносо прикрывал их группу с тыла. Хейс и Перес возглавили второстепенные группы в других частях города, в то время как основная часть их боевых сил оставалась в Фолл-Крике.

Они пришли подготовленными. Лиам надел свой пластинчатый бронежилет под нагрудную экипировку. Несколько осколочных гранат и взрывпакетов лежали в подсумках на поясе.

На спине у него висели М4 и «Ремингтон» 308 калибра для ведения снайперской стрельбы, а также «Глок» и «Гербер». Рейносо и Бишоп имели такое же вооружение. Их лица были раскрашены углем, снаряжение заклеено скотчем для уменьшения шума.

Мусор метался по дороге. Два енота сидели на крышке мусорного бака. Бродячие собаки притаились в разбитых дверных проемах, глядя на них с наглой агрессией.

Пульс Лиамы стучал в ушах. Волнение разливалось по венам, все чувства обострились до предела. При каждом звуке пульс учащался. Враги подстерегали их повсюду.

Если не считать палаточных городков на берегу озера, Сент-Джо превратился в город-призрак. Он напоминал труп — труп, кишачий личинками и крысами.

Сент-Джозеф, или Сент-Джо, как его называли все местные жители, до Краха был процветающим прибрежным городком с населением в десять тысяч человек. Основанный в 1820-х годах, он славился историческими зданиями, построенными из старинного кирпича и стали.

Предприятия и магазины города разорили несколько месяцев назад. Большинство людей переселились на окраины, где хватало деревьев для дров, дворов для посадки садов и ферм, чтобы выращивать зерно и скот.

Пробираясь через призрачный город, они переходили от укрытия к укрытию. Рейносо держал в руках самодельную антенну из рулетки и поливинилхлоридной трубы, ища

местоположение противника.

Антенна выглядела как самодельный каркас детского проекта по строительству воздушного змея для научной ярмарки, но она работала. Каждый раз, когда они добирались до укрытой точки, он проверял компасный пеленг.

Судя по тому, что им удалось выяснить, войска Генерала не беспокоились об ЭМКОН — радиомолчании. Лиам будет использовать это против них.

Данные радиопереговоров военных шифровались. Кроме того, частоты автоматически переключались с умопомрачительной скоростью. К счастью, им не нужны сами данные; им нужен лишь компасный пеленг, по которому можно следовать.

Джамал и Дейв собрались с мыслями и соорудили самодельные направленные антенны из рулетки со стальной лентой, трубы ПВХ, нержавеющей хомутов, электрической ленты, коаксиального кабеля 50 Ом и приемника с S-метром для определения направленных сигналов.

У Дейва уже имелось некоторое оборудование для поиска целей. Этим хобби увлекались многие любители радиосвязи. Как с гордостью сообщил Дейв, этот популярный вид спорта известен под названием «Охота на лис» или любительская радиопеленгация.

Как и радиоприемник, оборудование использовалось примитивное, и большая его часть пережила ЭМИ.

Они выследили источник передачи методом триангуляции. С помощью самодельной антенны Рейносо взял несколько компасных пеленгов в отдельных точках вдоль линий передачи — в месте пересечения линий на карте определялось местоположение устройства.

У команды Перес была похожая антенна. Они обнаружили склад боеприпасов в нескольких кварталах от Порт-стрит и ждали сигнала.

В трех кварталах от их цели Лиам прокрался за угол кофейни, подняв оружие и сканируя, пока Бишоп выходил за ним, ища следа.

Дважды они заметили движение на крышах — сторожевое наблюдение — и старались оставаться незамеченными. Они держались в тени, переулках и дверных проемах.

Как невидимые призраки, они прошли мимо бутиков, туристических магазинов и отелей. Контора по аренде жилья для отдыха с плакатом в не разбитом окне рекламировала дома на берегу моря за пятьсот баксов за ночь.

По стеклу кто-то размашисто написал синей краской «Бесплатное жилье», а затем нецензурные выражения. Внутри здания пахло тухлятиной. Запах смерти.

Квартал за кварталом они приближались к своей цели.

Центр командования и управления Генерала — гостиница «Булевард» — слишком хорошо защищался, чтобы его атаковать. Шестиэтажное бежевое здание, отделанное штукатуркой, сталью и стеклом.

Национальная гвардия перекрыла дороги вокруг гостиницы. Периметр охраняли патрули, внутри отеля дежурили охранники, входы и выходы были укреплены, плюс часовые по два человека в каждом квартале. По данным Лютера, на каждом блокпосте стоял пулемет М60 с ленточной обоймой.

Хотя наемники Генерала могли считаться честной добычей, Лиам не хотел без нужды убивать американского военнослужащего или женщину. Только так он мог жить в ладу с самим собой. Судя по выражению лиц его команды, они чувствовали то же самое.

С осторожностью они приближались к Брод-стрит, проходя мимо кафе, баров, банка и адвокатской конторы. Улицы пустовали. Фонари не горели. Воздух оставался неподвижным,

если не считать отдаленного гула патрульных «Хамви», разъезжающих по пустым улицам.

Сгруппировавшись за колонной, они двинулись наружу, сканируя крыши, Бишоп — слева, Лиам — справа, Бишоп — низко, Лиам — высоко, Рейносо прикрывал их спины.

Каждое их движение выверено, три тела действуют как один эффективный, смертоносный организм. Сердце Лиама колотилось, адреналин разливался по организму, обостряя все чувства. Он вновь оказался в своей стихии.

Он не мог признаться в этом даже самому себе. Как сильно он скучал по этой части. По командной работе. Принадлежности к братству. Стопроцентной уверенности в том, что напарник — прикроет твою спину, несмотря ни на что.

Рычание двигателей приближалось.

Адреналин подскочил. Лиам остановился и поднял кулак. Его команда быстро спряталась, когда патруль из четырех человек пронесся по бульвару Лейк.

Патрульные ехали на двух «Хамви» с установленными на башнях M2, и их нетрудно было заметить или уклониться.

Это больше походило на позерство. Предупреждение для отчаявшихся граждан, чтобы они держались подальше или столкнутся с последствиями. Эти солдаты здесь не для того, чтобы раздавать бутылки с водой и зубные щетки.

Как только патруль проехал, штурмовая группа Лиама продолжила движение.

С помощью импровизированных антенн Рейносо направлял их к цели, расположенной примерно в восьми кварталах от гостиницы «Булевард». Основная часть транспортных и топливных запасов генерала Синклера размещалась в двухэтажном гараже между винным магазином и предприятием автострахования.

Четыре солдата охраняли вход, разделившись на группы по два человека. Внутри, скорее всего, никого не будет, только часовые снаружи по периметру. Трое мужчин и одна женщина. Двое вооружены пулеметами M60 и одеты в бронежилеты с керамическими пластинами.

Гвардейцы выглядели мрачными, скучающими и несчастными. Их позы были расслаблены, плечи поникли.

Сказалось отсутствие электричества. Голод. Постоянный дискомфорт и недосыпание. Разлука с друзьями и семьей.

Они были солдатами, но не закаленными в боях спецназовцами. Многие из них, вероятно, разрывались между долгом перед страной и обязанностями перед близкими. Каждый день они вели внутреннюю борьбу, борьбу между честью и позором, долгом и семьей.

Они не знали этого, но выполняли приказы социопата, которому безразлично, будут ли они жить или умрут, будут ли их близкие в безопасности, защищены и накормлены.

Лиам потянулся к спусковой скобе, каждый мускул напрягся, в животе кольнуло от волнения.

Его охватил новый прилив ненависти. Еще один Синклер заставлял его выбирать между невыносимыми вариантами.

Вместо мира, которого Лиам так жаждал, ему опять приходилось воевать.

— Команда Альфа-3, это Альфа-1, — передал Бишоп по рации. — Мы на позиции.

Ответа не последовало. Они находились вне зоны действия сети. Лиам посмотрел на часы. Они предполагали, что связь будет дрянной, поэтому назначили время для атаки. В ближайшую секунду.

В нескольких милях отсюда Хейс возглавил группу, чтобы отвлечь внимание. Используя самодельную напалмовую смесь, его команда подожжёт магазин «ТJ Махх». Разведчики Генерала отправят туда отряд для проверки.

Как только подразделение отреагирует на диверсию, вторая группа устроит засаду и блокирует их — хотелось бы надеяться, что без потерь.

В ответ на это Генерал пошлет группу реагирования, чем задержит их и потратит драгоценное топливо и боеприпасы.

Используя в своих интересах холмистую местность Мичигана, Хейс устроил засаду в точке между двумя открытыми холмами. Они укрылись за каменными и земляными насыпями, чтобы защитить себя от огня М2.

Засада с дальнего расстояния снизит эффективность гвардии и позволит третьей группе выйти из игры до того, как солдаты смогут нанести ответный удар. Такую тактику любили использовать талибы.

Они сконструировали самодельное взрывное устройство, которое должно сработать перед бронированной машиной, чтобы вывести ее из строя, не убивая пассажиров. Когда гвардейцы повыскакивают из «Хамви» и бросятся в укрытие, группа Хейса расстреляет машины, прежде чем быстро скрыться.

Затем команда три вернется назад, чтобы организовать еще одну засаду вдоль М-139 на случай, если группы Лиама или Перес будут преследовать.

Пока Хейс вступит в бой с силами Генерала за пределами города, команда Лиама уничтожит значительную часть транспорта и топлива, а команда Перес займется складом боеприпасов.

Лиама нервничал. Ни один план не выживает после первого контакта с врагом. Существовала сотня вариантов развития событий, хотя он проанализировал каждый из них десятки раз. Точки напряжения и слабые места.

Он постарался предположить все непредвиденные обстоятельства. У него имелись запасные варианты для запасного плана. Несколько стратегий отхода.

Однако этого все равно может быть недостаточно.

Лиам успокоился и стал ждать, слыша только свое неглубокое дыхание. Он постоянно сканировал все стороны их позиции, проверяя окна, двери и крыши, прислушиваясь к малейшему звуку, самому незаметному движению. И отблескам оптического прицела.

Через минуту рык нескольких двигателей разорвал тихий воздух — силы быстрого реагирования Генерала.

Семь «Хамви» с ревом понеслись на север к команде Хейса. Тридцать секунд спустя мимо пронеслись еще четыре «Хамви», груженные людьми, оружием и боеприпасами.

Лиам, Бишоп и Рейносо обменялись напряженными взглядами.

Сердцебиение Лиама замедлилось, дыхание выровнялось. Теперь он должен действовать. Время пришло. У них будет только один шанс нанести удар.

И лучше им воспользоваться.

Через пять минут они двинулись вперед.

Глава 35

Лиам

День сто одиннадцатый

Жестами Лиам направил Рейносо и Бишоп вправо, чтобы они обошли свои цели с

фланга и зажали их в L-образную засаду.

Они вернулись назад по дороге и обогнув цели, вышли к западу от гаража.

Секундой позже вдалеке послышалось «ухт, ухт, ухт» — это взлетел «Черный ястреб» Генерала. Он направлялся на север, чтобы помочь солдатам, которых удерживала третья группа.

Хейс должен прекратить бой и исчезнуть до того, как воздушный транспорт их достигнет. «Черный ястреб» скоро вернется — к тому времени штурмовые группы Лиам должны успеть уйти.

Прижавшись к стене небольшого художественного музея, Лиам напрягся, адреналин зашкаливал. Он вытащил из своего нагрудного крепления взрывпакет. Сняв предохранительную ленту с кольца, он зажал его между большим и указательным пальцами правой руки.

Раздался треск выстрелов. Одновременно прогремел далекий взрыв, разорвавший воздух. В нескольких кварталах отсюда, на северо-востоке. Это Перес и ее команда.

Солдаты застыли на месте. Прежде чем они успели отреагировать, Лиам перешел к действиям.

Он выдернул тяговое кольцо из устройства. Одним плавным движением выскочил из-за угла и швырнул оглушающую гранату М84 в сторону первой группы часовых.

С противоположного фланга Бишоп сделал то же самое.

Лиам отвернулся, прикрыв глаза и открыв рот.

Оба взрывателя сдетонировали. Взрывная волна ударила в барабанные перепонки. Резкий белый свет ярко вспыхнул под веками.

Солдаты попятились назад, мгновенно ослепленные и дезориентированные. Один закричал, уронив винтовку и схватившись за лицо.

Они придут в себя через десять-пятнадцать секунд, скорее всего, быстрее.

Стремительно подбежав к гаражу, Лиам выстрелил по одному разу в керамический бронежилет каждого солдата. Он убедился, что не промахнулся.

Выстрел в грудь повалит охранников на землю и на какое-то время выведет их из строя. Это не смертельно и не приведет к тяжелым травмам.

Лиам пошатнулся, когда электрический разряд боли пронзил спинной мозг и сковал спину. Страх затопил грудь, пока он хромал, заставляя свое тело работать на пределе возможностей и преодолевать их.

— Команда Альфа-1, это Альфа-3, — раздался голос Перес из рации Лиам. — Мы взорвали склад боеприпасов. Мы разнесли его в пух и прах! Мы даже прихватили несколько сувениров для вечеринки. Сейчас доставим их вам. Мы в пятитонном грузовике с боеприпасами — что бы вы ни делали, не стреляйте в нас!

Бишоп и Рейносо вбежали в помещение, обезоружили упавших солдат и связали им руки и ноги, после чего сняли с них оружие и боеприпасы.

Один из гвардейцев все еще стоял на ногах. Он обернулся. Лиам сделал выпад. Прежде чем солдат успел взмахнуть оружием и прицелиться, Лиам его настиг.

Он мельком увидел пучки каштановых волос, торчащие из-под шлема. Неровные усы. Широкие, испуганные глаза на овальном лице. Лет двадцать, не больше.

Лиам развернул парня и обхватил его шею предплечьем в удушающем захвате.

Парень взмахнул руками, уронив карабин и нащупывая нож на поясе. Лиам наполовину развернул его и ударил плечом о наружную цементную стену гаража.

Солдат выпустил нож из рук. Клинок упал на пол. Он попытался вцепиться когтями в лицо Лиаму. Его силы быстро иссякли. Через несколько секунд он потерял сознание.

Тело гвардейца обмякло. Лиам связал его и оставил прислоненным к стене.

Оглянулся на Бишоп, и увидел, как тот показывает ему большой палец вверх. Все враги обезврежены.

Не успели они вывести из строя часовых, как из-за угла появилась Перес на угнанном военном грузовике М923. Ее команда прихватила ящики с гранатами, патроны 7,62 и 5,56 и один великолепный пулемет М2 50-го калибра.

Один ящик гранат с белым фосфором лежал на переднем сиденье рядом с ней. Саманта похлопала по нему.

— Мы приготовили подарок к празднику! Пора взорвать это место.

— Я сделаю это, — сказал Лиам. — Прикройте меня.

— Вторая группа будет ждать нас на Брод-стрит. — Перес выскочила и выхватила М60 из рук потерявшего сознание солдата. — Поторопись, дружище. У нас максимум минута.

В грузовике оставалось мало топлива, но они смогут добраться до места встречи и поменять машину на «Оранж Джулиус», который спрятали на стоянке подержанных автомобилей. Его вполне хватит, чтобы довезти груз до дома.

Бишоп занял позицию у входа в гараж, укрывшись напротив будки ворот за одним из массивных бетонных столбов, удерживающих вес второго этажа. Перес и Рейносо подняли М60 и присоединились к нему.

Пока они обеспечивали прикрытие, Лиам въехал в гараж. Внутри было темно и много теней. Он проехал мимо темных горбов припаркованных машин, владельцы которых никогда за ними не вернуться.

Осколки от разбитых окон автомобилей — все они давно разлетелись по бетону. Резкая вонь бензиновых паров из пробитых бензобаков резала ноздри.

Лиам пробрался через гараж на открытый верхний этаж, прежде чем достиг длинных рядов военных машин. Большинство грузовиков оказались забиты боеприпасами.

Здесь располагалась временная перевалочная база. Генерал, вероятно, нацелился на «Винтер Хейвен».

Не сегодня. И не завтра.

Нет, учитывая, что Лиаму есть что сказать по этому поводу.

Он принялся за работу. Проезжая мимо каждого припаркованного «Хамви» и легкого тактического вездехода, он разбрасывал гранаты с белым фосфором, как конфеты на параде.

Гранаты не взрывались сразу. Но воздух вступал в реакцию с фосфорными химикатами. Это походило на взрыв дымовой гранаты. Затем начался пожар.

Металл, ткань и пластик мгновенно воспламенились. С температурой почти три тысячи градусов зажигательная смесь прожгла дыры в броне.

Машины загорелись как спички — невероятно быстро и сильно. Металл скручивался и плавился. Ящики с припасами с грохотом взлетали вверх.

Из раскаленных машин валил белый дым. Лиам пронесся вверх по одному ряду и вниз по другому, бросая гранаты на ходу. Пять «Хамви» уничтожено. Десять, пятнадцать.

Машины и их содержимое приведены в негодность. Лиаму сильно не нравилось уничтожать ценные запасы, но у них нет возможности захватить их для себя.

— У нас гости! — прокричал Бишоп через рацию.

У него не осталось времени.

Шины завизжали, когда Лиам свернул, едва не врезавшись в бетонный столб, и помчался к выходу, игнорируя стрелки и предупреждающие знаки «Не туда!»

Он прищурился: из-за дымки, проникающей в тесную кабину, видеть становилось все труднее.

Лиам выехал из гаража, проскочив через закрытый красно-белый шарнирный шлагбаум, и затормозил.

Перес мрачно усмехнулась, рывком открывая дверь.

— Сейчас прибудет кавалерия!

Она бросила пулемет М60 с ленточным питанием на заднее сиденье и забралась внутрь. Рейносо схватил второй и тоже закинул его внутрь.

Они уже слышали крики солдат и грохот новых «Хамви», направляющихся в их сторону.

Бишоп запрыгнул на переднее сиденье.

— Вперед! Вперед! Вперед!

Лиам ударил по газам. Они неслись по пустым улицам, вокруг возвышались здания. Бишоп направил свое оружие в окно, проверяя дверные проемы и крыши.

— Альфа-2, это команда Альфа-1. Прикройте нас! — Перес передала по рации. — Мы едем в вашу сторону!

— Альфа-1, мы вас видим. Они приближаются к вам со стороны Мейн-стрит. Стейт-стрит чиста.

— Принято. — Перес бросила рацию в пользу М60.

Снова спорадическая стрельба. Рычание двигателей «Хамви» становилось все ближе.

Сердце Лиама бешено колотилось в груди, когда они с визгом шин свернули налево на Стейт-стрит. Вонь жженой резины заполнила его ноздри.

Бишоп выбросил в окно несколько фосфорных гранат. Позади них за клубился белый дым, огромными облаками заполняя всю улицу, создавая мгновенную и эффективную дымовую завесу, прикрывающую их движение.

Они выбрались из города.

Глава 36

Генерал

День сто одиннадцатый

Гиббс вошел в апартаменты Генерала.

— Мне нужно поговорить с вами, сэр.

Генерал стоял лицом к окнам, сцепив руки за спиной. Его телохранители расположились по обе стороны от дверного проема. Еще четверо ждали за дверью.

Бакстер сидел за скромным гостиничным столом в углу, выводя тонким почерком седьмую главу рукописи.

Генерал глубоко дышал, не отрывая взгляда от линии горизонта, где вода сливалась с синевой неба, не обращая внимания на лачуги и покосившиеся палатки, захламлявшие пляж. Его глаза скользили по полуразрушенным рыбацким лодкам, загромаждавшим озеро Мичиган.

Ему надоел этот отель, надоели пайки. Надоел этот город. Фолл-Крик стал занозой в его боку.

— Сколько мы потеряли?

— Наши боеприпасы, топливо и транспортные средства подверглись нападению, сэр.

Пять грузовиков с боеприпасами и четырнадцать «Хамви» уничтожены. Половина наших боеприпасов разлетелась на воздух.

Генерал обернулся. Гнев пронизывал его, как электрический ток.

— Как вы позволили этому случиться?

Гиббс не дрогнул.

— Обстрел использовался как отвлекающий манёвр. У них были люди в засаде, чтобы заманить солдат в ловушку и отвлечь наше внимание, пока они будут заниматься нашим снабжением. Гвардейцев накрыли взрывпакетами и оставили без сознания. Штурмовые группы оказались слишком быстрыми. К тому времени, когда мы послали вторую группу реагирования, их уже и след простыл.

Генерал выругался. Он чуть не смахнул с полки полупустую бутылку коньяка и не швырнул ее в Гиббса. Но сейчас коньяк слишком дорог, чтобы тратить его впустую.

— Нам потребуется в два раза больше времени, чтобы доставить наших людей куда-либо. Потерь нет, но запас боеприпасов сократился вдвое. Топлива мало. Еды у нас всего на несколько дней. Даже если мы перейдем на паек. Людям это не понравится, но...

— Действуй! Мы найдем больше еды, когда закрепимся в Фолл-Крике.

Гиббс поджал губы.

— Есть кое-что еще.

— Выкладывай!

— Франклин и Дженкинс обратно не доехали.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

— Они не вернулись. Не вышли на связь. Мы можем только предположить, что их перехватили и уничтожили.

Гнев белым пламенем обжег Синклера. Он хотел кого-нибудь или что-нибудь прикончить. Он не желал видеть ни Гиббса, ни Бакстера, вообще никого.

Бакстер не поднимал глаз, на его лице застыло напряженное выражение. Хотя в комнате было прохладно, на его лбу выступили капельки пота. Он выглядел так, словно боится за свою жизнь.

— Когда мы пойдём и разнесём их в пух и прах? Сэр. — Лицо Гиббса не выражало почти ничего, но Генерал распознал сдерживаемую ярость, вспыхнувшую в его глазах.

Генерал заставлял себя дышать, сохранять контроль. Он жаждал выпустить своих бойцов и позволить им делать то, что они умеют лучше всего.

Он бы предпочел сравнять город с землей. Ему даже не придется ступить в его пределы. Черт возьми, при должной артиллерийской и воздушной поддержке не пришлось бы приближаться ни одному его солдату.

Они могли бы уничтожить Фолл-Крик, стереть с лица земли.

Но ему приходилось думать о своем потомстве. Она все еще оставалась внутри.

— Отправьте им еще одно сообщение, — распорядился Генерал. — Такое, которое они не скоро забудут.

— Я так и сделаю, — отозвался Гиббс. — Это не может остаться без ответа.

— Но разумно. Мы должны ограничить использование артиллерии и минометов. Нам нужно беречь «Винтер Хейвен». Солнечные батареи, теплицы и засеянные поля. Когда мы захватим власть, то воспользуемся этими ресурсами.

— А люди?

— Кроме моей правнучки, меня никто не интересуется, хоть всех их убейте. Но приведи

ко мне Лиам Коулмана. Я хочу покончить с ним лично.

Он не думал о последствиях нападения американских военных на жителей американского города. Теперь он командовал. Губернатор дал ему полномочия принимать единоличные решения. Что он, черт возьми, и сделал.

Гиббс прочистил горло.

— В чем дело?

— Войска — они могут отказаться вступать в бой с некомбатантами. Даже укрывающими террористов. У них не хватит на это духу.

— Любой, кто посмеет ослушаться моего прямого приказа, закончит как те дезертиры!

— Мои люди могут это сделать. У них нет таких моральных устоев.

Генерал снова повернулся к окну и залюбовался видом.

— У тебя есть идея?

Он поймал ровную улыбку Гиббса, отраженную в стекле.

— Я как раз кое-что придумал.

Глава 37

Лиам

День сто двенадцатый

Ночью Лиам следил за дорогой.

Сквозь очки ночного видения темнота окрасилась в разные оттенки зеленого. Луна едва виднелась, скрытая за густой пеленой облаков.

Ранее прошел дождь — дорога блестела, капли дождевой воды покрывали остовы мертвых машин. Деревья и трава влажно блестели.

Он патрулировал трассу М-139 в нескольких милях к северу от блокпоста между Фолл-Крик и Сент-Джо.

После коллапса двигатели машин стали громкими и заметными; Лиам намеревался скрыть свое присутствие, поэтому доехал на велосипеде до «Мира трейлеров», припарковался на свободной стоянке и оттуда пошел пешком.

Вчера он разместил М2 на крыше средней школы, укрепленной мешками с песком. Это здание служило последним убежищем для города — Лиам хотел, как можно лучше его защитить. М60, которые они украли у Генерала, установили в нескольких скрытых местах для засад.

В 22:00 он освободил Перес от обязанностей разведчика и попросил Майка Дункана его подменить. Лиам хотел проверить несколько тайников с оружием, которые закопал несколько недель назад.

Но главным образом ему нужно убедиться, что он будет в зоне действия рации Лютера в назначенное время — 23:00. Разрушенный ретранслятор внес существенные коррективы в его планы.

Прошло уже три дня с тех пор, как он ничего не слышал от своего шпиона.

Оставался ли Лютер по-прежнему его агентом или перешел на другую сторону, совершенно неясно.

Тридцать шесть часов назад потенциальные похитители вторглись в периметр Фолл-Крика. Четырнадцать часов назад штурмовые группы Лиам саботировали транспорт и машины снабжения Генерала.

И все же разведчики не зафиксировали никакого движения со стороны солдат Генерала.

Он чего-то ждал. Но чего?

Может быть, он играл с ними, как кошка играет со своим обедом, прежде чем откусить ему голову. Используя методы психологического воздействия, чтобы запугать город и заставить его сдаться, прежде чем сделать хоть один выстрел.

Лиам становился все более раздражительным. Его нервы совсем не выдерживали. Последнюю неделю он спал по четыре часа в сутки. Его одолевала усталость, но он привык к недосыпанию.

Он оставался настороже. Бдительным и внимательным. Даже раненый, он двигался быстро, легко ступая ногами, ловкий и сильный как пантера.

Через очки он осматривал поля и фермерские угодья, дороги с выбоинами, приземистые здания и редкие дома.

Ничто не двигалось. Ничто не выглядело неуместным.

Впереди показался двухэтажный офисный комплекс. Лиам остановился вдоль наружной стены магазина напольных покрытий, чтобы осмотреть пустую парковку. Окна второго этажа, выходящие на север, давали ему хороший обзор перекрестка.

Он внимательно прислушался. Ночные звуки наполняли воздух — прохладный ветерок шелестел в траве и сорняках. Стрекотали ночные насекомые.

Шорох: пара крыс перебежала дорогу. Их глаза-бусинки светились, шерсть на сгорбленных спинах щетинилась.

Паразиты. Они размножались быстрее, чем успевали накапливаться трупы.

Трупы притягивали крыс. Крысы приносили болезни.

Поскольку они немедленно избавлялись от трупов и регулярно проверяли дома — как занятые, так и пустующие — Фолл-Крик остался относительно чистым и невредимым.

За пределами Фолл-Крика ситуация складывалась иначе.

По словам знакомых Дейва, чума уже распространялась в Чикаго, Детройте, Сент-Луисе и Цинциннати, а также десятки тысяч смертей от туберкулеза, холеры и тифа.

Несколько крыс скрылись из виду, когда Лиам подошел к задней двери офисного комплекса. С помощью отмычек из своего футляра он вскрыл замок и пробрался внутрь.

В воздухе воняло гниющим мусором и протухшей едой. Паутина прилипла к потолку и липко блестела на дверях.

Он отмахивался от нее, когда срезал угол, держа наготове М4.

Коридор перешел в более просторное помещение: приемная, пара больших кабинетов, все светится зелеными оттенками — большой письменный стол, круглый стол, заваленный бумагами, блокнотами, папками и разбросанными чертежами.

Осмотрев помещение, Лиам поднялся наверх и нашел окно с хорошим видом на перекресток. Он придвинул стол к подоконнику, а затем распахнул окно.

Лиам снял рюкзак, прислонил его к стене и достал штативное крепление для М4. Приложив оружие к плечу, он уперся в стол.

Приставив глаз к прицелу, он поворачивал кольцо фокусировки, пока стволы сосен на краю дороги в трехстах ярдах от него не стали различимы, странно освещенные зеленоватым светом ночного видения. Так близко, что он почти мог протянуть руку и коснуться их.

Его сердцебиение участилось. Прицелившись, он несколько раз прошелся влево и вправо. Карабин почти не двигался.

Он почти ожидал увидеть в объективе что-то кроме деревьев, заброшенного шоссе, горбатых очертаний заглушенных машин — фигуру, лицо в темноте, смотрящее на него

зловещими глазами.

Ничего не было.

Лиам успокоился и стал наблюдать, периодически проверяя по рации, не появился ли Лютер. 23:00 наступило и прошло. Затем полночь.

Каждый час он переключал рацию на их личный канал и дважды нажимал на микрофон, делал паузу, затем еще дважды.

Если бы Лютер находился в зоне доступа, он бы нашел безопасное место для ответа.

Пока ждал, Лиам проверил свое оружие и пополнил магазины. Он почистил «Глок» и карабин и проверил содержимое своей сумки и повседневного футляра.

Лиам заменил паракорд, которым связывал ноги пленника, но у него на исходе бинты и гранулы для свертывания крови.

Закончив осмотр, он упаковал все предметы, чтобы в случае необходимости их можно было легко достать. Затем наточил свой «Гербер», время от времени поглядывая на окно.

Его мысли вернулись к Ханне.

Человечество Лиама мало интересовало. Несколько человек делали все это стоящим. И ради этих людей он готов пожертвовать всем, что у него есть, включая свою жизнь.

За малышку Шарлотту и ЭлДжея. За Тревиса и Эвелин. Квинн, Майло и Молли. Н первая, последняя и всегда — Ханна.

Лиам хотел, чтобы она находилась здесь, рядом с ним, с ее теплом, ее смехом, и прекрасными зелеными глазами, в которых он мог потеряться.

Он скучал по ней с каждым ударом своего сердца. В ее присутствии кошмары исчезали. С ней он верил, что может быть больше, чем просто солдатом с кровью на руках.

Лиам вытеснил все мысли из головы и заставил себя отдохнуть.

Время шло.

Он не спал, а позволил себе погрузиться в состояние полузабытья, не двигая телом, осознавая свои физические чувства, бдительно реагируя только на потенциальную угрозу.

Когда первый румянец рассвета окрасил небо в розовый цвет, он сел и окончательно очнулся.

Лиам подавил свое разочарование, снял очки и спрятал их в рюкзак у ног. Он достал свою бутылку с водой и выпил, после чего вернул ее на место.

Пора уходить. Иначе он опоздает на встречу с Квинн. Впереди еще целый день работы, тренировок и охраны. После этого — несколько украденных минут с Ханной.

Он не мог больше тратить время на Джеймса Лютера.

Лютер подвел его. Лиаму следовало догадаться, что лучше не доверять такому человеку, как он. Он должен был...

Рация затрещала.

— Это Эхо-3. Альфа-1, ты здесь?

Глава 38

Лиам

День сто тринадцатый

Лиам схватил рацию.

— Это Альфа-1. На связи.

— Мне удалось улизнуть, — сообщил Лютер. — Солдаты думают, что я пытаюсь найти укромное место, чтобы поспать. Ты не поверишь, как трудно это здесь сделать.

— Мне плевать.

— Ну, ладно...

— Какого черта ты меня не предупредил?

— О чем?

— О тех наемниках, что прислал генерал.

— Я не... какие наемники?

— Двое боевиков проникли в наш периметр пешком и направились прямо к Тэнглвуд-Драйв. Они знали, где живет Ханна. Они напали на ее маленькую дочь и чуть не убили Ханну.

Тишина в эфире.

— Ты не предупредил нас!

— Я не знал!

— Я послал тебя туда, чтобы помочь нам, а не для того, чтобы передавать врагам координаты нашего уничтожения!

Снова тишина. Рация шипела помехами.

Рассвет окрасил небо в оттенки алого, мандаринового и лососево-розового.

— Клянусь, я не знал. — выдавил Лютер с трудом, его голос прозвучал сокрушенно.

Лиаму плевать.

— Как, черт возьми, он узнал, где живет Ханна? Сомневаюсь, что у Саттера нашлось время, чтобы передать Генералу эту крупицу информации.

— Ты же сам велел мне поделиться с ним информацией, если придется!

— Не такой информацией.

— Послушай, — заикался Лютер. — Он не сказал, что планирует сделать. Он хотел знать местонахождение детей, чтобы пощадить их в случае нападения...

Лиам недоверчиво фыркнул.

— Я понимаю, как это звучит.

— На чьей ты стороне, Лютер? — произнес Лиам низким, опасным голосом. — Потому что не похоже, что на нашей.

— Мне жаль, — ответил Лютер. — Правда.

— Будь очень осторожен, прежде чем запишешь меня во враги.

— Я уже причинил большой вред семье Ханны Шеридан. Я прекрасно осознаю этот факт.

— Правда?

— Да! Я бы не сделал ничего, чтобы навредить им, клянусь тебе. Я чуть не убил ее сына, помнишь? Вся причина, по которой я здесь, это чтобы... не знаю, загладить свою вину или что-то в этом роде. Уж точно не для того, чтобы подвергать ее дальнейшей опасности. Я бы этого не сделал. Я и не делал. Не намеренно. Клянусь.

В его голосе звучало раскаяние. Лиам вспомнил высказывание Квинн о Лютере: «Вежливый убийца — все равно убийца». Она верно подметила.

Некоторые люди использовали свою вину и благие намерения, чтобы оправдать собственные злодеяния.

Лютер как змея в траве. Безобидный полоз или смертоносная черная мамба — Лиам до сих пор не знает.

— Слушай, ты хотел, чтобы я проник внутрь, — продолжил Лютер. — Мне следовало дать ему полезную информацию. Я так и сделал. Я дал и тебе информацию! Ты знаешь,

сколько у него людей, где они размещены. Я передал тебе все, что у меня было о мобильных подразделениях и силах реагирования. Ты уничтожил половину транспорта и большую часть припасов. Теперь мы все голодные и несчастные, благодаря тебе.

Солнце показалось над линией деревьев — желтый шар в ясном голубом небе. Облака за ночь рассеялись.

С большим усилием Лиам обуздал свою ярость. Что сделано, то сделано. Лютер оставался его единственной связью с генералом Синклером. Лиам нуждался в нем.

Он выдохнул и выровнял пульс.

— Ты встречался с ним лицом к лицу. Опиши его.

— Он... он похож на Розамонд. Я вижу схожие черты. Но он жестче, чем она. Она хотела нравиться. Я не уверен, что ему не все равно. Он хочет, чтобы его запомнили. Увековечили в книгах по истории. Для достижения своих целей он собирается уничтожить кого угодно и что угодно. Рядовым гвардейцам он не нравится, но они ему подчиняются.

— Что он собирается делать дальше?

— Он одержим наследием. Если он считает, что ребенок Ханны — его родная кровь, он будет продолжать ее искать. И он пойдет за тобой. Это личная вендетта.

Лиам сжал челюсть. В этом нет ничего, что бы он не ожидал, но все равно Лиаму до глубины души не по себе от того, что его подозрения подтвердились.

— Я знаю. Что он собирается делать?

— Я не посвящен в его планы. Он очень скрытный и держит свою личную охрану рядом, как буфер между собой и солдатами...

— Тогда стань посвященным.

— Потребуется время, чтобы войти к нему в доверие, — проворчал Лютер. — Я пытаюсь подружиться с человеком по имени Бакстер. Он из внутреннего круга. Он не солдат. Если у кого-то из них есть совесть или хотя бы несдержанный язык...

На заднем плане появился звук, едва слышный.

Лиам напрягся.

— Что это за шум?

— Что?

Статические помехи на другом конце.

Затем, вжух, вжух, вжух.

Страх пронзил его насквозь.

Лиам схватился за рацию, вскочил на ноги, закинул на плечи рюкзак и схватил М4.

Он помчался к лестнице. Его позвоночник разрывался от боли, бок горел, замедляя движение. Слишком медленно.

— Лиам, я не знал...! — воскликнул Лютер, его голос звучал тревожно.

Лиам больше не слушал. Он переключил канал, обогнул столы и кабинки, залитые утренним солнечным светом, и врезался плечом в выходную дверь.

Дверь с грохотом распахнулась. Он понесся вниз по лестнице, перепрыгивая через две и три ступеньки за раз. Чуть не споткнулся от вспышки боли.

Однако устоял на ногах и снова побежал. Кровь стучала в ушах. Сердце колотилось в груди.

— Эхо-2, прием!

В радиации только помехи.

— Bravo четыре! 10-33!

Лиам находился вне зоны действия.

Он должен вернуться в Фолл-Крик. Он должен их предупредить. Лиам знал этот звук знакомый ему как самый страшный кошмар.

«Черный ястреб» поднимается в воздух.

Глава 39

Квинн

День сто тринадцатый

Раздался звон церковного колокола.

Звук разнесся в хрустящем утреннем воздухе.

Квинн застыла.

Глаза Джонаса расширились.

— Это то, о чем я думаю?

Три десятка горожан в тревоге подняли головы. Они стояли над рядами вспаханной земли, с мотыгами и лопатами в руках. На них были джинсы или комбинезоны, толстовки под куртками, бейсболки поверх жирных волос.

В нескольких ярдах позади них в куче грязи лежал Призрак, высунув язык и лениво покачивая хвостом, как принц, осматривающий свои владения.

Колокола.

Потребовалось мгновение, чтобы звон дошел до сознания Квинн. Мозг казался набитым ватой, глаза слипались от усталости.

Прошлой ночью она провела без происшествий четырехчасовую смену на блокпосте на Сноу-руд после двухчасовых занятий по рукопашному бою и оборонительной тактике, которые проводил Лиам.

Пять часов сна, и Квинн вскочила до утренней зари, чтобы потренироваться с Лиамом. Он не пришел, поэтому она нашла Джонаса и отправилась в среднюю школу.

Они переносили нежные саженцы из теплиц на бывшее футбольное поле, которое расчистили и вспахали дизельным трактором, работающим на биотопливе.

Церковные колокола отбивали удар за ударом.

— Квинн! — В нескольких рядах перед ней Майло стоял на коленях, копая ямки совком. На его лбу расплылась грязь. Он уставился на нее, страх исказил его маленькое лицо. — Это тревога!

— Она настоящая, верно? — произнес Джонас. — Это реально.

Лиам настоял на том, чтобы в городе каждый день в шесть вечера проводились учения на случай чрезвычайных ситуаций.

Сейчас не шесть вечера, а восемь тридцать утра.

Это не учения. Сигнал тревоги был настоящим.

Возникла угроза нападения.

Адреналин пронзил Квинн насквозь. Она вскочила на ноги и потянулась за винтовкой. Грязь покрывала ее колени и ладони. Времени на то, чтобы вытереться, не оставалось. Нет времени ни на что, кроме движения.

— В бомбоубежище! — закричала она. — Быстрее! Идите сейчас же! Вперед!

— Нас атакуют? — воскликнул мужчина средних лет.

Девочка — может быть, десяти или одиннадцати лет — начала плакать.

Джонас прошел через три ряда свежесажённых помидоров, стараясь даже в страхе не

растоптать драгоценную еду. Он схватил девочку за руку.

— Как сказала Квинн! Все в школу!

Колокол продолжал звонить. Четкое, мрачное предупреждение.

Горожане вскочили на ноги. Они бросили свои совки и лопаты и потянулись за оружием — дробовиками и охотничьими ружьями, топорами и топориками.

Медный привкус страха покрыл язык Квинн. Ужас сгустился в желудке. Небо оставалось чистым во всех направлениях. Она ничего не могла разглядеть.

Но что-то приближалось.

— Майло! Давай!

Майло бросился в ее сторону, Призрак оказался рядом с ним, его шерсть поднялась. Поджав хвост, он подтолкнул Майло к Квинн, подгоняя их обоих.

Квинн крутанулась, оценивая обстановку. На улице перед школой царил хаос. Люди бежали с футбольных полей, кричали и звали своих близких.

Еще десятки людей двигались по дороге с Мейн-стрит, другие пробирались через переулки между парикмахерской, стоматологией и небольшим одноэтажным почтовым отделением.

У входа в школу Ханна и директор Кинг выкрикивали инструкции и направляли людей через двойные двери.

Внутри Эвелин и Ли переносили раненых и больных на носилках из медицинского отделения в подвальное бомбоубежище.

Вдалеке послышался низкий ровный гул.

Раскаты грома перед бурей. Дрожь под ногами перед началом землетрясения. Ужасное предвестие, обещающее разрушение и смерть.

Пронзительные голоса сотрясали воздух. Люди кричали и плакали. Все бросились в школьное убежище.

Группы охраны мчались в противоположном направлении, занимая свои боевые позиции.

Посреди улицы кто-то сбил пожилого мужчину. Изможденная пара средних лет остановилась, чтобы помочь, но толпа потащила их за собой.

В панике они затаптывали друг друга.

Квинн схватила Джонаса за руку и указала.

— Помоги ему!

Не говоря ни слова, Джонас отдал ребенка и бросился во встречную толпу. Призрак носился вокруг них, лаял, настойчиво тыкал носом в бока и бедра, направляя к Ханне.

— Квинн! — Дейв увидел ее и жестом показал, чтобы она бежала к убежищу. — Давай!

Но Квинн не могла. Пока нет.

Она повернулась к Майло и протянула руку девочки к его руке.

— Возьми ее! Помоги ей найти маму, хорошо?

Торжественно кивнув, Майло схватил старшую девочку за руку и потянул ее в сторону школы. Чуть не свалившись с ног, она, спотыкаясь, последовала за ним. Призрак бежал рядом с Майло, лаял на него, чтобы он поторопился.

Люди стекались в школу. По пятеркам и десяткам, потом все больше и больше. Группы охраны заняли свои позиции на крыше школы и спрятались в укрепленных окнах и дверных проемах.

Квинн должна быть с ними. Но она не могла, пока не найдет бабушку.

Появился Тревис, с ребенком в каждой руке. За ним бежали несколько взъерошенных детей и несколько учителей.

Деррил Виггинс, бывший банкир, оказался действительно полезным. Он мчался впереди детей, широко расставив руки, отталкивая людей с дороги, чтобы освободить путь.

Джонас поднял старика на ноги и помог ему, хромящему, перейти улицу. Роберт Винсон, аптекарь, помог матери с двумя маленькими детьми.

Гул становился все громче, к нему добавился глубокий рык двигателя самолета. Непривычный звук после стольких месяцев пустого неба.

Квинн повернулась и подняла руку, чтобы прикрыть глаза.

Там, вдали, на северо-западе. Черное пятнышко на горизонте. Оно неуклонно приближалось.

Предвестник смерти, большая хищная птица с колесами.

Земля под ногами накренилась. Ее руки стали липкими, во рту пересохло.

Ее AR-15 ничего не сможет сделать против бронированного вертолета. Она должна увести людей отсюда. Она должна найти бабушку.

С замиранием сердца Квинн продолжала искать, дико сканируя каждое знакомое лицо. Не она, не она, не она.

И вот наконец Молли появилась. В пятидесяти ярдах от них бабушка ковыляла посередине улицы. Она держала на руках маленького карапуза, ее трость бесполезно болталась на руке.

Два мальчика не старше десяти лет бежали рядом с ней, один тащил за руку визжащего дошкольника, другой сжимал бабушкин «Моссберг», направленный вниз, ствол бил по его худым ногам.

Их соседи. Четверо осиротевших мальчишек, которых Аннет Кинг взяла под свое крыло после того, как их мать выпила загрязненную речную воду. Бабушка показывала им, как доить Орео и делать домашний сыр из козьего молока.

Ослепляющая паника охватила Квинн.

Бабушка двигалась недостаточно быстро. Она не успеет.

Вертолет с ревом приближался. Роторы били по воздуху. Двигатели рычали, как живое существо.

Хищник на охоте.

Глава 40

Квинн

День сто тринадцатый

Квинн бросилась к ним.

— Бабушка!

«Черный ястреб» низко пронесся.

Горожане вскрикнули и пригнулись, когда огромный механический зверь промчался над ними, отбрасывая угрожающую тень.

С крыш, заваленных мешками с песком, стрелки Фолл-Крика открыли огонь по вертолету. Как минимум два из украденных пулеметов М60 с ленточным питанием начали стрелять.

Черный ястреб свернул и продолжил движение. Он пролетел мимо них до конца дороги, затем резко повернул и направился обратно в их сторону.

Он вилял взад-вперед, уклоняясь от огня стрелкового оружия, петляя туда-сюда как дракон. Как доисторическое чудовище, охотящееся на людей, пытаюсь уничтожить их как испуганных мышей.

Стрельбы пока не было. Но это не значит, что враги не откроют огонь.

Квинн неслась к бабушке и детям, двигаясь против потока напуганных людей, локти и колени сталкивались и врезались в нее. Ее измученные мышцы болели, ребра пульсировали.

«Черный ястреб» над ней выровнялся. Затем пронесся вперед на пару сотен ярдов и завис над прачечной на углу. Снаряды АК и АР звякнули о его бронированное брюхо.

С огромным грохотом, как гром, открылись его миниганы.

Вертолет выпустил струю огня прямо в здание. В небе пронеслась 70-мм ракета. Она взорвалась и снесла половину крыши.

Звук, как будто рвется сама ткань мира. Сильный надрывный грохот разорвал барабанные перепонки Квинн.

Она махнула бабушке в сторону брошенного грузовика доставки.

Бабушка замедлила шаг. Ее спина согнулась почти вдвое. Без трости вес ребенка оказался слишком велик для ее старых костей.

Квинн протянула руки.

— Давай я возьму его!

Бабушка сунула ребенка ей в руки.

Его звали Джоуи. Он везде носил с собой голубого плюшевого зайчика, но сейчас его с ним не было. Возможно, это объясняло его крик.

Он был тяжелый и извивался. Его руки и лицо покрылись липкими соплями и слезами. Порезы на руке Квинн так сильно жгло, что она чуть не уронила Джоуи.

— Убирайся отсюда! — прохрипела бабушка, отмахиваясь от нее.

Не обращая на ее слова внимания, Квинн повернулась к трем мальчикам.

— Бегите! Давайте! Бегите в школу!

Их глаза расширились от шока и страха, но они повиновались. Тина Ганди промчалась мимо. Заметив их, она замедлила шаг и жестом приказала им следовать за ней. Вместе они побежали к школе.

Над центром города «Черный ястреб» кружил выше, чтобы избежать попадания из стрелкового оружия. Различные группы охраны выскочили из укрытий и открыли по нему огонь из своих АР и АК. Еще больше М60 рассекали воздух, подгоняя вертолет вверх.

С ревом он развернулся, нацелив свои 7,62-мм мини-пушки, чтобы их уничтожить. Короткая вспышка. Один из М60 замолчал.

Их длинноствольное оружие казалось невероятно хлипким по сравнению с вооружением вертолета. Как водяные пистолеты. Детская забава.

— Пошли! — закричала Квинн. — Вперед! Вперед!

Бабушка споткнулась. Ее трость стукнулась об асфальт.

— Бабушка! — Квинн потянулась к бабушке, с трудом удерживая визжащего ребенка. Свободной рукой она поставила Молли на ноги. — Мы должны идти!

Они по-прежнему находились в сотне ярдов от школы.

Бабушка неуверенно покачивалась.

— Ты иди...

— Я тебя не брошу!

«Черный ястреб» развернулся и понесся назад для еще одного смертоносного захода. Он

направился прямо к ним. Невероятно громко ревели его двигатели. Роторы били по воздуху с яростью могучего ветра.

Он уже так близко. Достаточно близко, чтобы видеть пилота через лобовое стекло. Достаточно близко, чтобы разглядеть сдвоенные мини-пушки, направленные на них.

— Бабушка! — Ее рот открывался; Квинн кричала, но не слышала звуков, вырывавшихся из ее собственного горла. — Бабушка!

«Черный Ястреб» с ревом приближался к ним, стреляя из миниганов.

Время остановилось.

Квинн видела все как в ужасно замедленной съемке, с технической четкостью.

Вертолет стрелял снова и снова. Он обстреливал дорогу, целясь в остатки горожан, пытавшихся спастись бегством. Он выпускал залп за залпом по американским гражданам.

Каждый звук, который когда-либо существовал, всасывался в пасть этого рева. Великая громохающая смерть обрушилась на них.

Квинн попятилась, на мгновение ошеломленная.

Это походило на падение в ледяную воду. Абсолютный шок от происходящего.

Мощные выстрелы поражали цели. Бетон брызгал из зданий, летели кирпичи, взрывались куски асфальта.

Грузовик доставки дребезжал. Тротуар, казалось, дрожал под ее ногами. Сам воздух сотрясался от подземных толчков.

От этого никуда не деться.

Нет времени бежать. Негде спрятаться.

Что-то тяжелое врезалось в нее. Она упала набок, тяжело ударившись коленями позади грузовика. Джоуи вскрикнул от боли.

Квинн прижалась к тротуару. Ребенок все еще оставался у нее на руках. Инстинктивно она обхватила его маленькое тело, прижав его к своей груди.

Камешки и грязь царапали ей щеку, все тело дрожало. Роторы грохотали. Ветер трепал волосы и одежду Квинн.

В воздух взметнулись обломки и пыль. Стекло, искореженный металл и каменная кладка осыпали ее тело. Скрежещущий, стучащий шум вибрировал в ее костях, в ее клетках, в ее зубах.

Неожиданно ужасный грохот резко прекратился.

Ошеломленная, Квинн подняла голову, череп пульсировал. Мысли приходили судорожно и разрозненно.

Она почувствовала вкус пыли во рту. Медную кровь. В ушах звенело.

Еще один громopodobный рев. Ее грудь сжалась. Это не вертолет. Неровный звук выстрела из «Браунинга» М2 наполнил воздух, когда он стрелял с крыши школы. Рейносо защищал их оттуда.

Тяжелые снаряды разорвались, когда М2 открыл огонь по «Черному ястребу». Трассеры прочертили полосу в небе.

Вертолет закрутился и резко полетел на юг, отказавшись от атаки.

Джоуи под ней пронзительно кричал, рот раскрылся в красном круге, лицо покрылось пятнами и покраснело. Но он жив. Живой и невредимый, кроме царапин на руках.

Квинн поднялась на колени. Глаза слезились, она кашляла, отчаянно пытаясь отдышаться. Пыль забила ее легкие.

Пыль повсюду. Пыль на коже, в одежде, в глазах и во рту, прилипшая к языку.

Люди кашляли, всхлипывали и кричали. Кто-то стонал. Сквозь дымку на земле появились фигуры. Фигуры двигались, пытаясь подняться. Некоторые не сдвинулись с места. — Бабушка, — прохрипела она. А потом громче: — Бабушка!

Глава 41

Квинн

День сто тринадцатый

Каким-то образом Квинн заставила себя встать, упираясь зудящими руками в тротуар, пыхтя и натужно дыша, пока не поднялась на ноги.

«Черный ястреб» пролетел несколько кварталов на запад, отгоняемый пулеметным огнем. Огромная птица кружила над Мейн-стрит, изредка стреляя очередями по пустым зданиям.

Квинн перевела взгляд с неба на улицу. Ее винтовку отбросило на несколько футов. Это казалось невозможным расстоянием. Мысли текли тяжело и медленно.

Джонас стоял рядом с ней, пыль лежала на его светлых волосах и покрывала лицо. Она не знала, как он здесь оказался, не заметила его приближения. Может быть, он с самого начала находился рядом.

Она толкнула Джоуи в его объятия. Джонас уставился на нее с пораженным выражением лица. Его голубые глаза казались огромными. Он пробормотал что-то, но Квинн не расслышала.

— Возьми его, — сказала она, думая только о бабушке. Бабушке, которая оттолкнула ее с дороги. Бабушке, которая приняла удар на себя, вместо нее.

Джонас взял хрипящего ребенка.

— Квинн, мы должны идти...

— Я не пойду без бабушки! — закричала она.

— Но Квинн, она...

Квинн больше не хотела слушать. Не хотела слышать то, что он пытался сказать. То, чего она боялась в глубине души.

— Нет!

Она повернулась, нетвердо ступая ногами, и обошла грузовик. По бокам и сзади зияли дыры, которых не было еще две минуты назад.

Ужас скрутил ее желудок, внутренности превратились в кашу.

В двух ярдах от нее посреди дороги лежала фигура. Маленькая и серая. Безжизненный комок, окутанный пылью и мусором. Рядом с ним валялась бабушкина трость.

— Бабушка! — Квинн рухнула на колени рядом с телом. Куски камня и обломки впились ей в колени.

Она сморгнула слезы с глаз и судорожно нащупала пульс. Запястья бабушки казались хрупкими, как птичьи кости, кожа тонкой и бумажной.

Нитевидный пульс слабо бился в кончиках ее пальцев. Бабушка не двигалась. Кровь залила ее седые волосы. Грязь и копоть испачкали лицо и горло. Ее ноги подгибались под невозможным углом.

Это еще не все. Были и другие повреждения.

Мозг Квинн отключился, отказываясь видеть, знать.

— Бабушка! Ответь мне!

Молли слабо кашлянула. Ее веки раскрылись.

— Ты жива!

— Квинн...

— Мы должны вытащить тебя отсюда!

— Нет времени...

— Нет, есть!

— Мне нужно сказать тебе...

— Мы просто должны доставить тебя в медицинское отделение. К Эвелин. Она вылечит тебя. Она может это исправить. Просто держись...

— Квинн.

— Я должна доставить тебя в бомбоубежище. Я все еще могу отвести тебя туда.

— Тише, девочка...

Квинн потянула ее за руку.

— Давай! Вставай!

— Посмотри на меня, Квинн.

Как бы она ни хотела этого не делать, Квинн посмотрела. Повсюду кровь. Разорванная одежда. Разорванная плоть. Мелькнула обнаженная кость.

С ее губ сорвалось испуганное хныканье.

— Я никуда уже не пойду... это чудовище здорово искромсало мне ноги.

— Мы тебя вылечим. Эвелин может тебя вылечить.

— Я ничего не чувствую, — пробормотала бабушка. — Никакой боли, благослови Господь.

Глаза Квинн горели. Слезы текли по ее щекам.

— По правде говоря... я думала, что уйду... в лучах славы. — Бабушка закашлялась кровью. Тонкий пар расплылся по щеке Квинн. — Не так... вот.

— Не говори, бабуля. Береги силы.

— И у меня была заготовлена потрясающая предсмертная речь... но я так устала... просто устала.

— Нет, бабушка, — прохрипела Квинн. — Пожалуйста, нет.

Бабушка протянула дрожащую руку и попыталась стереть кровь с лица Квинн, но только размазала ее. Квинн было все равно. Это не имело значения. Ничто не имело значения, кроме бабушки.

— Не умирай из-за меня.

— Ты просто помни... помни...

Квинн обхватила бабушкину руку — слабую и дрожащую, кожа и вены натянулись на тонких костях.

— Ты не можешь умереть из-за меня.

Бабушка что-то сказала, слишком тихо, чтобы Квинн могла расслышать из-за звона в ушах. Она низко наклонилась, сжимая бабушкину руку.

— В своей жизни я о многом могу сожалеть... — сказала бабушка. — Только не о тебе, девочка... ни на секунду. Только не о тебе.

Глаза бабушки закатились. Ее перламутровые веки затрепетали.

Грудь напряглась, вздрогнула и замерла.

— Нет! — закричала Квинн. — Нет, нет, нет! Бабушка! Останься со мной! Нет!

Далекие взрывы раскалывали воздух. Выстрелы, как фейерверк. Бум! Бум! Бум!

Вокруг нее обломки. Огонь, смерть и разрушения. И крики.

Крики не прекращались. Они продолжались и продолжались, пока Квинн не поняла, что крик раздается внутри ее собственного мозга, но он все равно не заканчивался.

Не бабушка, не бабушка.

Это просто очередной кошмар. Это не может быть реальностью.

Но это всё правда. Это реальность, и бабушки больше нет. Последний из ее семьи мертв, а Квинн даже не сказала, как сильно ее любит.

Она раскачивалась взад и вперед, рыдала, кричала, пока ее голос не надломился, а горло не пересохло. Горе и потеря накатывали на нее огромными волнами. Она тонула в них.

И тут две руки схватили ее за плечи и потянули на себя. Она боролась с ними, извиваясь, отчаянно пытаясь остаться с бабушкой, удержать ее, вернуть, куда бы она ни ушла.

Ее обхватили и притянули к себе в объятия сильными руками.

Голос Ханна у нее над ухом, единственное, что Квинн могла слышать за своими криками.

— Ты со мной, Квинн. Я держу тебя. Все хорошо. Ты со мной.

Джонас тоже стоял там. Он так и не ушел.

Квинн прижалась к ним обоим, позволила их рукам подтянуть ее к себе, обнять, перевести в безопасное место.

Глава 42

Лиам

День сто тринадцатый

Лиам с трудом поднимался по склону, цепляясь за корни и ветви деревьев.

Его тяжелый рюкзак врезался в спину. На лбу выступил холодный пот. Как бы быстро он ни бежал, этого все равно недостаточно.

Страх сдавил его грудь, сердце сжалось в кулак.

«Черный ястреб» открыл огонь, выпустив несколько залпов по незащищенным горожанам. Лиам понятия не имел, сколько жертв. Кого они потеряли. В порядке ли Ханна.

Вертолет сконцентрировал свою ярость на центре Фолл-Крика, прочесывая Мейн-стрит, изредка обстреливая пустые здания, когда кружил вне зоны досягаемости М60.

М2 выстрелил из своей большой пушки, не давая «Черному ястребу» сделать еще один заход на школу.

Повернув голову, Лиам помчался вверх по холму вдоль хребта к югу от «Винтер Хейвена», к западу от города, между рекой и улицей. Холм находился за зданиями напротив средней школы — стоматологией и парикмахерской.

Внезапно «Ма Дьюс» замолчал.

— Что, черт возьми, случилось, Дельта-2? — воскликнул Лиам в рацию. — Как они подобрались так близко к школе?

— М2 заклинило! — Рейносо кричал сквозь помехи. — Я проверил патронную ленту и заставил его работать с минуту. Потом сломался штифт экстрактора!

Лиам выругался. Это могло случиться, если патронная лента не установлена должным образом, или если стрелок не прокрутил рукоятку заряжания дважды.

Ужас пронзил его. М2 неисправен. Он не вернется в строй.

Теперь у них оставался только один шанс уничтожить эту махину.

Никакой разведки. Никакого вспомогательного персонала. Ни беспилотников, ни

спутников. Никакой поддержки с воздуха. И некому спасти их, если все пойдет не так.

Черт, это уже произошло.

— В укрытие, Дельта-2, — приказал Лиам. — Команда три, по сигналу, гоните эту птичку к нам.

— Принято, — ответила Перес.

Враги вернуться. Они вернуться, чтобы ударить по школе и уничтожить «Ма Дьюс», особенно теперь, когда он вышел из строя.

Лиам задыхался, ноги горели, позвоночник как расплавленная лава. Запах хвои и кордита заполнил его ноздри. Ботинки утопали во влажной земле.

Он добрался до заранее намеченного места, где ждал Бишоп. Точка находилась на возвышенности, а укрытие и маскировку обеспечивало скопление огромных ореховых деревьев. Кроме того, здесь хорошо просматривалось поле боя.

В кратчайшие сроки и с ограниченными ресурсами, это должно сработать.

— Ты принес фейерверк, — сказал Бишоп.

— Будем надеяться, что он сработает.

— Сработает. — Бишоп говорил с уверенностью, которой Лиам не чувствовал. Его вера делала его оптимистом. Лиам оставался чересчур реалистом.

Расстегнув молнию, Лиам достал трубку оливкового цвета длиной два фута. Он потянул за крепежный штифт, затем снял заднюю и переднюю крышки. Когда он вытянул свернутую трубку на полную трехфутовую длину, передний и задний прицелы открылись.

Наряду с M60 и «Браунингом» M2, Перес сумела украсть у Генерала один легкий противотанковый гранатомет M72, или LAW.

LAW был прост в использовании — целься и стреляй, никаких систем наведения не требовалось. Наплечное ракетное устройство запускало ракету, оснащенную взрывной боеголовкой.

Это оружие разового применения. У них есть только один выстрел.

В нескольких ярдах, параллельно его позиции, Бишоп опустил на одно колено, взял в руки винтовку и посмотрел в прицел. Он будет вести прикрывающий огонь, пока Лиам работает с LAW.

Бишоп стоял совершенно неподвижно, только беззвучно двигался его рот, когда он молился.

Лиам перевел предохранитель вперед, взводя LAW.

— Начинаем.

Само оружие не имело отдачи, но обратный взрыв мог тяжело ранить или убить человека. Не стоило попадать под него.

— Чисто, — сказал Бишоп, убедившись, что находится вне опасной зоны выброса.

— Команда три, это Альфа-1, — проговорил Лиам в рацию. — Ведите эту птичку сюда.

Со своих укрепленных позиций в здании мэрии команда Перес открыла огонь из двух M60. Огонь из пулеметов с ленточным питанием расколол воздух.

Напрягая все мышцы, Лиам ждал.

Страх пронизывал его насквозь. Не за себя, а за Ханну, Квинн и всех остальных. Горячий гнев подкреплял его тревогу. Он убьет Генерала за это нападение.

Лиам отбросил все мысли, сложил их в коробку. Он должен сохранять абсолютную сосредоточенность, чтобы покончить с этой угрозой.

Мгновением позже стук роторов стал громче.

— Он разворачивается, — сообщил Бишоп. — Направляется прямо к нам.

Лиам прижал LAW к плечу, переступил с ноги на ногу и вышел из-за деревьев, чтобы лучше видеть вертолет.

Чтобы иметь хоть один шанс, ему нужно подойти поближе.

Максимальная дальность стрельбы составляла тысячу метров, но в реальности, если расстояние до движущейся цели превышало пару сотен метров, шансы на прямое попадание уменьшались вдвое.

«Черный ястреб» оснащен системой обнаружения ракет и противорадиолокационной защитой, но если он летит достаточно низко, ракета может поразить его прежде, чем он успеет маневрировать.

Лиам встал на колени, чтобы лучше контролировать свое положение, и стал ждать приближения вертолета.

Ближе, еще чуть-чуть.

К счастью, вертолет продолжал лететь низко.

Он еще не нацелился решительно ни на одно из школьных зданий, но теперь точно начнет. Лиам должен избавиться от него раньше.

Он замер. Вдохнул, выдохнул.

«Черный ястреб» приближался на небольшой высоте. В трехстах ярдах от него.

Двести.

Достаточно близко, чтобы разглядеть пилота, второго пилота и командира экипажа, а также двух солдат в полной боевой экипировке в грузовом отсеке, с оружием, направленным на школу. Как он и предполагал, они нацелились на здание, чтобы уничтожить стрелков на крыше и M2.

Сто пятьдесят ярдов.

Машина развернулась носом к школе, готовясь разнести здание.

Лиам выдохнул, прицелился и выстрелил.

66-мм ракета двадцатидюймовой длины вырвалась из пусковой установки со скоростью 475 футов в секунду.

Ракета пронеслась по воздуху и ударила в хвост «Черного ястреба». Шрапнель разорвала вращающиеся роторы. Вертолет накренился, из двигателя повалил дым.

В панике пилот нажал на газ, и мощная птица взмыла в небо.

Слишком поздно.

Огромная машина перевернулась набок, издав ужасный металлический визг. Она перешла в жестокое вращение. Роторы грохотали, когда она бешено вращалась, а затем резко упала с неба.

Сердце Лиама остановилось. Вертолет едва не рухнул на гостиницу «Фолл-Крик». Старики и немощные люди теснились во внутренних комнатах, слишком слабые, чтобы добраться до бомбоубежищ.

Вместо этого «Черный ястреб» врезался в стоянку гостиницы, примыкающую к реке. Роторы разорвали асфальт, когда вертолет внезапно остановился в десяти ярдах от кирпичного здания.

При ударе два топливных бака вспыхнули. Вертолет воспламенился в огненном шаре. Пламя взвилось на высоту сорока футов, а из обломков валил черный дым.

Лиам бросил стреляющую трубку пусковой установки, тяжело дыша.

— Что ты видишь?

Бишоп достал свой бинокль.

— Никакого движения.

— Прикрой меня. — Лиам схватил свой карабин и начал спускаться с холма, перебегая от дерева к дереву. М4 был прижат к его плечу, а взгляд устремлен на горящие обломки вертолета.

Он приближался с осторожностью. Дым окутал его ноздри. Вонь плавящегося пластика сдавила горло. Жар пламени бил по лицу, когда языки огня клокотали и трещали.

Никакого движения внутри огненного ада. Выживших нет.

Лиам не почувствовал облегчения — и никакого удовольствия. Он не любил убивать солдат, но они стреляли в его людей. Тем самым они подписали себе смертные приговоры.

Генерал Синклер навязал ему свою волю. Лиам ненавидел его за это.

Тем не менее, он выполнил то, что задумал.

— Альфа-1, это Дельта-2, — заговорил Рейносо по рации. — Что, черт возьми, случилось?

Лиам поднес рацию к губам.

— «Черный ястреб» сбит.

Глава 43

Ханна

День сто тринадцатый

Отдаленные удары сотрясали потолок. При каждом очередном залпе в тесном подземном убежище раздавались вздохи и вскрики.

К счастью, огонь не велся непосредственно по школе. «Черный ястреб», казалось, сосредоточился в другом месте. Пока что.

Ханна сдерживала дрожь.

Промозглый затхлый воздух проникал в ее ноздри. Бетонные стены давили на нее, решетчатые трубы змеились по потолку уродливо и громоздко.

Двести пятьдесят человек толпились в убежище под средней школой. Их лица выглядели изможденными, осунувшимися. Тихий плач, бормотание и шевеление тел отдавались глухим эхом.

Комнату заполняли раскладушки, походные стулья и спальные мешки. Металлические полки с припасами — едой, водой и одеялами — выстроились вдоль одной стены.

Дюжина импровизированных ведер для туалета стояли в углу, где Ли повесил несколько занавесок для уединения. В воздухе стоял смрад человеческих экскрементов.

Воспоминания о своей темнице нахлынули на Ханну, но она их отогнала. Когда-то клаустрофобия подземного убежища вызвала бы спираль паники и ужаса.

Но не в этот раз. Впереди слишком много работы. Слишком много людей, которым она нужна.

Беспокойство за Лиаму грозило ее опустошить. Он все еще оставался там с Бишопом, Рейносо, Перес и другими воинами, защищавшими Фолл-Крик.

Насколько она слышала, они с Бишопом отправились за «Черным Ястребом». Давид против Голиафа.

Ей ничего не оставалось делать, кроме как молиться, поэтому она вознесла молитву о безопасности Лиаму, пока ходила среди ошеломленных, испуганных горожан, предлагая одеяла и воду.

Эвелин и Ли ухаживали за ранеными. Несколько человек получили серьезные травмы в давке. У некоторых ранения от рикошета и осколков. Те, в кого попали 70-мм ракеты, не добрались до убежища.

С болью она подумала о Молли. Горе ворочалось на задворках ее сознания, но она не могла его впустить. Скорбь придет позже. Сейчас Ханна нужна другим людям.

Она поискала Квинн. Та сидела в дальнем углу, накинув на плечи одеяло. Она оцепенело смотрела на свои руки, сложенные на коленях, опустив голову, несчастная и убитая горем.

Джонас принес ее винтовку; оружие лежало у ее ног, покрытое грязью и пылью. Юноша сидел на соседней койке, близко, но не слишком, сцепив руки на коленях. Он не спускал глаз с Квинн с тех пор, как они пришли.

Ханна подошла к Квинн и опустилась перед ней на колени на твердый бетонный пол. Квинн едва заметила ее присутствие.

Она взяла слабые руки Квинн в свои и сжала.

— Мне так жаль, милая.

Ни в одном языке не найдется достаточно слов, чтобы выразить огромность потери, которую пережили все они, но особенно Квинн. Квинн, которая менее чем за четыре месяца потеряла мать, бабушку и дедушку. И Ноа. Его она тоже потеряла.

Ханна пристально посмотрела в ее страдающее, потерянное лицо.

— Ты не одна. Мы здесь, и мы никуда не уйдем. Ты понимаешь?

Квинн слегка дернула подбородком. Слезы текли по ее испачканным сажей щекам.

Сердце Ханны разрывалось от сострадания. Она перебралась на койку и обняла ее. Негнущейся рукой она массировала спину Квинн. Сама того не осознавая, Ханна напевала «*Blackbird*» в растрепанные волосы Квинн.

Квинн позволила прижать себя к груди. Ее плечи дрожали, когда она плакала.

Они молчали. Больше не хотелось ничего говорить. Ханна держала Квинн, пока ее рыдания не стихли.

Она осторожно подоткнула одеяло под ее дрожащую фигуру.

— Отдыхай. Тебе нужно отдохнуть.

Ханне не хотелось оставлять Квинн, но нужно еще сделать слишком много работы. Она взглянула на Джонаса, который молча кивнул, уже предвидя ее вопрос.

Он останется с Квинн. Он присмотрит за ней.

Прежде чем заняться чем-то еще, Ханна проверила Шарлотту и Майло.

Тревис занялся детьми, разлученными с родителями. Большинство из них ошеломленно смотрели в пустоту или погрузились в сон. Некоторые были бодры и внимательны. Джоуи, маленький мальчик, которого помогла спасти Квинн, спал на коленях у старшего брата.

В нескольких футах от них Майло играл с Шарлоттой на раскладушке, покачивая ее на коленях. Несколько детей корчили глупые рожицы, пытаясь ее рассмешить.

Призрак не отходил от Майло больше чем на несколько футов. Он обнюхивал лица детей, спокойный и терпеливый, когда они гладили его по голове и ласкали шелковистые уши.

Она сморгнула внезапную влагу с глаз. В ее груди что-то отпустило. Казалось, пес знал, где он ей больше всего нужен.

Поскольку ее дети находились в безопасности, Ханна занялась утешением тех, кто в этом нуждался.

— Вот, держи. — Ханна протянула Стейси Грисон многоцветную бутылку стерилизованной воды и чистое сложенное одеяло.

Владелица парикмахерского салона лежала на раскладушке, придвинутой к стене. Она смотрела на Ханну пустым взглядом.

— Могу я чем-нибудь тебе помочь? — спросила Ханна.

— Мой сын, — ответила она. — Мы разлучились. Я не могу найти его...

Ханна ободряюще ей улыбнулась.

— Мы составляем список выживших. Не забывай, что есть еще бомбоубежище в средней школе и в мэрии. И те, кто спрятался в подвалах. Как только мы узнаем больше, я сообщу тебе. Обещаю.

Стейси прижала одеяло к груди.

— Спасибо. За все.

Ханна сама испытывала потрясение. Опустошенная, убитая горем, преследуемая тревогой за Лиама и Бишопа. Но она не желала поддаваться эмоциям.

Она нужна своей семье и друзьям. Она нужна всем этим людям. Она сделает все, что в ее силах, чтобы помочь им, успокоить и поддержать их дух.

Как лидер, она несла ответственность.

И Ханна никогда в своей жизни не уклонялась от ответственности.

Она переходила к следующей травмированной жертве, и к следующей, предлагая слова утешения и ободрения.

Удивительно, как мало нужно для того, чтобы облегчить больное сердце: улыбка, доброе слово, нежное прикосновение. А также удовлетворение их физических потребностей — одеяло для тепла, немного еды, немного воды.

Стрельба возле школы стихла. Постепенно страх, пронизывающий убежище, уменьшился до слабого гула тревоги. В комнате чувствовалось напряжение, но было тихо, все затаили дыхание, ожидая, что будет дальше.

После того, как закончились одеяла и вода, Ханна прошла через всю комнату к Дейву и Аннет, прижавшимся к дверям бомбоубежища.

Оба покачивались на ногах, совершенно обессиленные.

От волнения у Ханны перехватило дыхание.

— Есть новости от Лиама?

— Пару минут назад я поднялся наверх, чтобы улучшить радиоприем, — сообщил Дейв. — Эти сумасшедшие сорвиголовы сделали это. Они подбили этот чертов вертолет.

— О, слава богу, — облегченно проговорила Аннет.

Облегчение захлестнуло Ханну, ноги ослабли. Она закрыла глаза и медленно выдохнула, сбрасывая напряжение, сковывающее внутренности.

Лиам в безопасности. Бишоп в безопасности. Они справились.

— Я сделаю объявление через минуту, — сказал Дейв. — Нам нужно остаться здесь еще на некоторое время. Группы реагирования зачищают город, прежде чем дать добро.

Ханна вздрогнула и обняла себя руками.

— Все еще трудно поверить, что они открыли огонь по своим гражданам, даже после того, как я видела это своими глазами.

— Они навесили на нас ярлык террористов. Никаких доказательств не требуется.

— Скольких мы потеряли? — спросила Аннет.

— Слишком многих. — Глаза Дейва потемнели от горя. — По крайней мере, десять,

включая Молли.

Если бы Лиам не поднял тревогу, дав им почти пять драгоценных минут преимущества, сколько еще людей могло бы погибнуть?

Ужас проникал внутрь, глубоко в ее кости. Отчаяние отравляло. Ханна не хотела поддаваться ему. Она отказывалась.

Она будет цепляться за надежду до последнего вдоха.

Дейв вздохнул, страдание проступило на его лице.

— Мы не узнаем больше, пока не сможем выбраться и оценить ущерб. Но я получил сообщение, что по крайней мере один удар пришелся на подстанцию в «Винтер Хейвен». В этом здании находилась самая важная защищенная электроника.

— Что это значит? — спросила Аннет.

— Подстанция соединяет солнечные панели в сообществе. Без нее солнечные панели не будут работать. Возможно, мы потеряли «Винтер Хейвен».

Аннетт побледнела.

— Что мы будем делать?

— Нам не нужен «Винтер Хейвен», — заявила Ханна. — Именно люди всегда делали Фолл-Крик чем-то особенным. У нас есть генераторы и мы можем делать собственное биотопливо. Мы сможем выжить. Мы есть друг у друга.

Аннет тяжело вздохнула.

— Наверное, ты права.

— Кстати, о помощи друг другу. — Ханна повернулась к Дейву. — Можешь соединить меня с Миком Селлерсом по рации? И с Флинном. Я хочу поговорить с ними.

— Я попробую, но с отключенными ретрансляторами мы не можем связаться с кем-либо вдали от города. Они вне зоны доступа.

Аннетт помрачнела.

— Мы увязли в разборках с Альянсом. Я не знаю, что может изменить их мнение.

— Это нападение должно, — яростно сказала Ханна. — Они уже видели, на что способны По и Синдикат. Теперь мы столкнулись с угрозой со стороны наших собственных военных. Если это их не убедит, то я даже не знаю, что сможет. Я просто молюсь, чтобы Общественный альянс наконец-то образумился и присоединился к нам. Они должны знать, что здесь произошло. Если это может случиться с нами, это может случиться и с ними.

— Продолжай молиться, — сказал Дейв. — Боюсь, это все, что у нас осталось.

Глава 44

Генерал

День сто четырнадцатый

— Ты уволен! — прокричал губернатор Даффилд в трубку спутникового телефона.

Поморщившись, Генерал отдернул ухо.

— Я могу объяснить...

— Я получил сообщение, что ты застрял возле какого-то дерьмового городка в тридцати милях от того места, где должен быть! По собирает силы в Саут-Бенде. Саут-Бенд! В двух шагах от Мичигана, и что делаешь ты? Играешь в игры моими людьми? Открываешь огонь по американским гражданам? О чем, черт возьми, ты думаешь!

Генерал стиснул зубы. Кто-то из рядовых наступал на него. Должно быть, губернатор подбросил им пару спутниковых телефонов, чтобы они докладывали о действиях генерала.

Похоже, Даффилд не доверял ему настолько, насколько предполагал Синклер.

Он не стал паниковать раньше времени. Всегда можно сыграть по-другому. Не конец игры, а лишь небольшая заминка.

Особенно если вы готовы жульничать.

Со спокойствием, которого не чувствовал, он заявил:

— У меня есть доказательства, что они — внутренние террористы, замышляющие антиправительственные действия. Они уже убили местного политика...

— Мне все равно! — прорычал губернатор Даффилд. — Не это был твой приказ! Ты слышишь меня? Ты не подчиняешься прямым командам!

Генерал прохаживался перед массивными окнами от пола до потолка. Озеро Мичиган сверкало в лучах послеполуденного солнца, как драгоценный камень. Отсюда он не мог видеть ни разбросанных палаток и мусора на пляже, ни сгрудившихся грязных толп.

В отражении от стекла он уловил движение. Генерал резко обернулся, сердцебиение участилось.

Бакстер притаился в дверном проеме, голова покачивается, как метроном, в руке блокнот в кожаном переплете.

— Я вам нужен здесь, сэр?

Это не тот разговор, который он хотел бы записать для будущих поколений — даже в тщательно выверенной версии.

Генерал поднял свободную руку и отмахнулся.

Бакстер проскользнул в дверь. Генерал подал сигнал своим телохранителям, расположившимся в номере. Он не хотел, чтобы они присутствовали при разговоре.

Люди повиновались без единого звука.

Секунды спустя он получил комнату в свое распоряжение.

Губернатор Даффилд продолжал выкрикивать оскорбления и непристойности через спутниковый телефон.

С растущим нетерпением Генерал заговорил, модулируя свой голос, чтобы не выдать внутренней ярости.

— Успокойся, Генри.

— Не говори мне успокоиться! Меня предупреждали! Меня предупреждали, и все равно я доверился тебе. Как ты мог так поступить со мной?

— Ты нанял меня, чтобы я стал твоими глазами и ушами и действовал в твоих интересах и к твоей выгоде. Что я и делаю.

— Ты что, не слышал меня? Я сказал, что ты уволен! Отстранен от командования. Тебе повезло, что я не отправил тебя под трибунал.

— Генри...

— А может, и стоит! Военный трибунал — это не самое худшее, чего ты заслуживаешь! — Губернатор зашипел, на мгновение потеряв дар речи. — Ты... ты стрелял в американских граждан! Ты приказал американским солдатам причинить вред их собственному народу. О чем, черт возьми, ты думал?

Вместо ответа Генерал произнес:

— Тебе нужно встретиться с Осборном. Он будет в моем кабинете. Выпей бокал коньяка. Это улучшит твоё настроение.

Генерал оставил своего личного помощника, Ларри Осборна, на случай, если возникнет такая ситуация. Несколько лет назад он потянул за некоторые ниточки, чтобы предотвратить

некий неблагоприятный арест.

Осборн на все сто процентов предан ему.

Что еще важнее, он действовал осмотрительно.

— Я не в настроении! — рявкнул губернатор Даффилд.

— Ты не высыпаешься? Похоже, ты плохо спишь. Тебе нужно расслабиться. Опиаты — твой любимый выбор, верно?

Резкий вдох.

Даже после того, как его с позором уволили, Генерал продолжал следить за происходящим. Так же, как он следил за Розамонд.

Информация — это сила. Некоторые вещи никогда не меняются.

— Я достал их специально для тебя.

— Если ты пытаешься подкупить меня, то попадешь в просеку!

— Попасть впросак.

— Что? — закричал губернатор. Его голос граничил с истерикой. — Какого черта ты...

— Правильно говорить — «попасть впросак».

— Не смей меня исправлять, ты, коварный убл...

— Прости. — Генерал боролся за то, чтобы сохранить контроль над собой. Он презирал этого плаксивого, слабого человечка, каким-то образом сумевшего подняться до такого положения во власти, которое Даффилд никогда не заслуживал и не заслужит.

— Я думаю только о твоём здоровье, Генри. У тебя нервное расстройство. Если будешь продолжать в том же духе, твоё самочувствие ухудшится. — Он говорил успокаивающе, как можно говорить с дикой лошадью, которую нужно утихомирить, прежде чем подчинить себе.

Губернатор Даффилд тяжело дышал в трубку спутникового телефона. Он спорил сам с собой. Его слабость победит, его пристрастие давно голодает из-за Коллапса.

Его нужно только немного подтолкнуть.

Генерал смягчил свой голос, напустив на себя вид раскаяния и заботы.

— Послушай, я оставлю гвардейцев здесь под командованием офицера Гастингса. Ты можешь назначить того, кого пожелаешь, чтобы он принял командование и вел твои дела с этого момента.

— Я соберу свои вещи и подам прошение об отставке сразу же по возвращении в Лансинг. Я лично принесу заявление на твой стол первым делом утром. Разумеется, написанное от руки.

Тишина на другом конце.

— Ситуация под контролем. Ты победил, губернатор. Я сделаю то, что ты просишь. У тебя не будет со мной проблем. Считай это небольшим знаком моих искренних извинений.

— У Осборна, говоришь? — Голос Даффилда звучал добродушно и жадно.

— Осборн сейчас в моем кабинете.

Генерал терпеливо ждал, пока губернатор шел из своего кабинета в его кабинет.

— Скажи Осборну, что я просил передать тебе отличную вещь. Самого высокого качества. Пока он занимается доставкой, пожалуйста, отдохни и вышей. Я припас кое-что особенное.

Осборн и Даффилд разговаривали с минуту. Генерал различил бормотание, но не отдельные слова.

Губернатор Даффилд разразился восхищенным свистом.

— «Харди л'эр Лалик Кристал Декантер»? Сколько он стоит? Пять тысяч?

— Пятнадцать, по последним подсчетам. Это купаж шести сортов столетней выдержки. Каждый глоток — это симфония абрикоса, меда и корицы. Воистину, коньяк, который нельзя забыть.

— Ах-х. Я не пробовал хорошего алкоголя уже... по крайней мере, два месяца. А кажется, что два чертовых года.

Даже не поблагодарил. Генерал ничего не сказал.

Он смотрел на волны, накатывающие на озеро, и ждал, когда Генри выпьет первый стакан и приступит ко второму.

Заносчивость настолько свойственна недалеким людям. Как легко они верили, что весь мир им обязан.

Им и в голову не приходило заглянуть в рот дареному коню.

Глава 45

Генерал

День сто четырнадцатый

— Это ничего не меняет, Синклер, — проворчал губернатор. — Ты знаешь это. Завтра утром твое прошение об отставке должно быть у меня на столе. После этого разговора я больше не хочу ни видеть тебя, ни слышать о тебе.

— С этим не будет проблем.

— Ты заходишь слишком далеко. Такие мужчины, как ты — вы думаете, что вы несокрушимы. Что правила на вас не распространяются. Правила все еще существуют!

— Ты нанял меня, чтобы я их нарушил, — напомнил ему Генерал.

— Только те, которые я санкционирую! — вскричал губернатор Даффилд. Он снова начал заводиться. Это не пойдет на пользу его сердцу.

Генерал улыбнулся про себя.

— Знаешь, я всегда презирал тебя, Генри.

На другом конце раздался невнятный кашель.

— Прости?

— Ты всегда был таким слабоумным трусом. Всегда хотел, чтобы кто-то сказал тебе, что делать.

— Не смей так со мной разговаривать! Я...

— Я прекрасно знаю, кто ты. А теперь позволь мне объяснить, кто я. Я тот человек, который вернет контроль над этим регионом вместо того, чтобы отсиживаться в столице, наблюдая кризис за кризисом. Я тот, кто будет править этим штатом, а не ты. Ты жалкий убогий червяк.

— Как ты смеешь...

— Я не уйду в отставку ни завтра, ни в любой другой день. На самом деле, очень скоро я буду сидеть в твоём кресле. У меня будет твоя работа. И я справлюсь с ней гораздо лучше.

— Ты не сможешь, — прошипел губернатор. — У тебя нет полномочий...

— Но я сделаю это. Прискорбно, что ты решил не доверять мне. Я планировал сначала сместить Юбэнкс, а не тебя. Но теперь ты вынудил меня. Жаль. Все было бы проще, если бы ты оставался губернатором, но мы сами делаем свой выбор. И должны жить с ним. — Он сделал паузу. — Или нет.

Он представил, как губернатор Даффилд стоит в центре своего роскошного кабинета,

держа в одной руке пустой графин, и с растущим подозрением и ужасом смотрит на два тающих кубика льда на дне стакана.

Осборн находится на своем обычном месте у двери, не сидит, а стоит, сцепив руки перед собой, его лицо лишено выражения, пока он изучает губернатора в поисках первых признаков.

— Как ты себя чувствуешь, Генри? — спросил Генерал.

Долгое молчание.

— Что ты со мной сделал?

— Как твое горло? Чувствуешь небольшое жжение? Возможно, сейчас ты почувствуешь тошноту. Сильные спазмы в желудке. Я прав?

В трубке раздался тихий звон. Вероятно, стакан выскользнул из пальцев губернатора и стукнулся о ковер.

— Что ты со мной сделал!

— Только то, что должен был, — спокойно ответил Генерал, пытаюсь и не сумев скрыть улыбку в своем голосе. — Ты тот, кто подтолкнул меня к этому. В некотором смысле, ты сам навлек это на себя. Если бы только ты доверял мне. Ничего бы этого не случилось.

— Я чувствую себя... плохо.

— То, что ты переживаешь, — это острое отравление мышьяком. Он бесцветен, не имеет запаха и вкуса, а значит, ты не заметил бы его в своем напитке. Надеюсь, ты наслаждался каждой каплей этого коньяка. Хотя эта бутылка обошлась мне в кругленькую сумму, я считаю послевкусие совершенно бесценным.

— Ты... ты... — Генри Даффилд захрипел.

Раздался еще один глухой удар. Даффилд упал на колени, наклонился вперед и сгорбился, так как его живот пронзила боль.

— Ты страдаешь от тяжелого желудочно-кишечного расстройства, как будто кто-то тупым ножом распилил твои кишки и теперь вытаскивает внутренности, перебирая руками. Затем наступит острый респираторный дистресс — синдром, когда твоя кровеносная система разрушится, следом — сердечная аритмия и мучительная смерть в течение нескольких часов.

Отчаянные вздохи губернатора доносились до его уха.

Генерал находил резкие хрипящие звуки невероятно приятными. Он смотрел на гладкую спокойную воду и жалел, что не может лично присутствовать при этом.

— Ты, вероятно, думаешь — но уже не можешь сказать, — что мне это не сойдет с рук. Дело в том, что сойдет. Сейчас проводится мало вскрытий. Коллапс напряг местные, государственные и федеральные ресурсы до предела. Ты же понимаешь. Есть некоторые преимущества в общенациональном — да что там, мировом — кризисе.

— Будет казаться, что у тебя случился сердечный приступ. Для тех, кто знает о твоих нездоровых пристрастиях, это не станет сюрпризом. На самом деле, тайник с этими таблетками будет обнаружен в ящике твоего стола.

Хриплые, задыхающиеся вздохи вырвались из динамика спутникового телефона. Губернатор застонал.

Генерал улыбнулся.

К тому времени, когда госсекретарь будет приведена к присяге в качестве нового губернатора Мичигана, Байрон Синклер уже сделает свой ход.

У Генерала имелись каналы связи. Друзья в высших кругах. ФБР. ЦРУ. В

исполнительной власти. Он вернет себе их расположение.

В конце концов, этот маленький эпизод будет намеренно забыт, сглажен, вычеркнут из официального повествования. Подобно тому, как правительства предпочитали игнорировать подобные злодеяния на протяжении всего времени.

Когда дыхание губернатора Мичигана прервалось, Генерал отключился и вернулся к текущей задаче.

Даффилд вне игры. Фолл-Крик находился в пределах его досягаемости.

Потеря «Черного ястреба» давила и раздражала, но он сделал свое дело. Сейчас горожане должны ополчиться друг на друга, быть охваченные ужасом и междоусобицей, на грани панической капитуляции.

Его солдаты испытывали голод. Припасы на исходе. Это не имело значения. Они будут сражаться, когда Генерал прикажет им сражаться. Даже с учетом уничтоженных Лиамом Коулманом боеприпасов и транспорта, у них оставалось достаточно.

Пятьсот солдат. Достаточно патронов для каждого жителя Фолл-Крика.

Кроме его правнучки. У него на нее большие планы, как и на Розамонд. Он вылепил ее по своему образу и подобию, но она его возненавидела.

Байрон Синклер никогда не понимал, почему. Они были похожи. Те же амбиции, та же жажда господства. Та же родословная. Железная сила текла в их жилах. Власть. Превосходство.

То, что не удалось в Розамонд, не повторится. Он позаботится об этом.

Этот ребенок будет другим. Она возьмет его имя. Она будет принадлежать ему. Женщина, родившая ее, ничего не будет значить.

Девочка станет Синклер, целиком и полностью.

Это займет время, но она переживет его, она продолжит его наследие и позаботится о том, чтобы его имя — их имя — жило дальше. Никто не будет помнить мертвого губернатора. Они будут помнить Синклеров.

Именно так зарождались династии.

Глава 46

Квинн

День сто четырнадцатый

Нападение на город закончилось.

Поверить в это никак не удавалось. Ничто больше не будет прежним.

Горожане остались в бомбоубежище на ночь. Потрясенные и оцепеневшие.

Хотя Лиам и Бишоп уничтожили «Черного ястреба», жители Фолл-Крика слишком испугались, чтобы уйти, даже после того, как команды безопасности заверили их, что вторичное нападение не грозит.

Наконец, люди выбрались из подземной тьмы на дневной свет, чтобы оценить разрушения и подсчитать потери, которых оказалось немало.

В результате обстрела оказались разрушены несколько зданий. Среди обломков остались только стены или провалившаяся крыша. Парикмахерская. Банк. Пиццерия.

Начальную школу так изрешетили, что она напоминала швейцарский сыр.

Дороги разбиты к чертям. Повсюду куски бетона и штукатурки.

Драгоценное электричество в «Винтер Хейвене» пропало — возможно, навсегда.

Одиннадцать горожан погибли. Четверо тяжело ранены.

Квинн знала их имена, но последствия утраты едва ощущались.

Единственным важным для нее человеком была бабушка.

Квинн ехала на велосипеде домой, не чувствуя своих ног, каждое движение было заученным и механическим.

Ее одежда была грязной. На ней засохла кровь. Кожу покрывала пыль, грязь и копоть. Красные полосы под ногтями.

Онемевшими руками она отпирала входную дверь, поворачивая ключ с полдюжины раз.

Ханна не хотела, чтобы Квинн шла домой одна. Но она помогала всем остальным. Ускользнуть не составило труда. Так же легко, как и тогда, когда Квинн сбежала на склад.

Она не чувствовала никакого удовлетворения. Не чувствовала ничего, кроме дыры в груди размером с гранату.

Внутри дома пылевые мотыльки кружились в лучах солнца, заливающего теплым ярким светом деревянные полы и потертую мебель.

В доме было прохладно; пламя в дровяной печи угасло до пепла.

Пять кошек бросились на нее с жалобным воплем, обвинились вокруг лодыжек, глядя с тоскливым кошачьим выражением. Даже Хель, правительница подземного мира, которая редко покидала свой насест на холодильнике.

В ноздри ударила вонь кошачьей мочи. Кошки сидели дома со вчерашнего утра. Ни еды, ни наполнителя для кошачьего туалета. Они держались, сколько могли, а потом воспользовались половичком на кухне.

Квинн положила винтовку на кухонный стол и наполнила их миски водой из кувшина, стоявшего на стойке. Хель и Валькирия протиснулись первыми, Локи не отставал.

Она выбросила испачканный коврик на улицу и оставила дверь открытой, чтобы кошки могли сделать свои дела и найти завтрак.

Валькирия выскочила на улицу поохотиться. Локи пронесся по кухне, бросился на стул и запрыгнул на стол.

Пораженный, он уселся поудобнее и уставился на Квинн своей острой, хитрой мордой, словно приглашая ее накричать на него.

— Брысь!

Он издал негодующий вопль, глядя мимо нее, словно ища свою настоящую хозяйку.

— Я сказала, уходи!

Он не двинулся с места, просто уставился на Квинн, как будто она его обидела.

Может быть, он ожидал, что бабушка ворвется, размахивая тростью и крича, что спустит с него кожу живьем, если он не уберет свою уродливую задницу со стола.

Квинн не кричала. Она ничего не сделала.

Локи остался на столе.

Тор и Один бродили по дому, жалобно мяукая, в поисках своей хозяйки. Они чувствовали, что что-то не так.

— Ее здесь нет, — проговорила она с болью в голосе.

Квинн пошла на задний двор, зачерпнула ведро из колодца, отнесла его в ванную и сняла испачканную одежду. Она использовала холодную мочалку, чтобы стереть с тела грязь и кровь.

Бабушкина кровь. Квинн с трудом сдержала рыдание. Закончив, она вынесла ведро с грязной водой и одежду на задний двор. На теле, прикрытом лишь лифчиком и трусами, появились мурашки. Она едва заметила.

Она позаботится об одежде позже. Может быть, она ее закопает. Или сожжет.

Она больше никогда не сможет ее надеть.

Когда Квинн снова вошла в дом, Тор и Один уныло ждали у двери. Им всегда требовалось много внимания. Их бабушка любила больше всех.

Один подошел и прижался своей пушистой головой к ее голени, жалобно мяукая, словно выпрашивая лакомство. Только он хотел не угощения.

Внезапная, иррациональная ярость пронзила Квинн.

— Уходи! Я не могу тебе помочь!

С испуганным воплем оба кота бросились к дивану. Толстый Один не смог под ним уместиться, но забрался на подлокотник. Он уложил свою пушистую тушу и бросил на нее обиженный взгляд.

— Ее здесь нет! — Задушено воскликнула Квинн. — Разве ты не видишь? Ее здесь нет!

Спотыкаясь, она прошла по коридору в нижнем белье в свою спальню, подошла к комоду, достала спортивные штаны и безразмерную толстовку «*Lions*» и натянула одежду.

Повязки на правой руке испачкались; Квинн выбросила их вместе с одеждой. Шрамы нуждались в антибиотиках местного действия и свежих бинтах.

Одна только мысль об этом угнетала.

Квинн легла на свою кровать прямо на нестиранное покрывало, жесткая, как доска, руки по бокам, голова словно набита ватой.

Время шло. Квинн не знала, сколько. Она дрейфовала в тусклой, оцепенелой дымке.

Глава 47

Квинн

День сто четырнадцатый

Послышался отдаленный стук. Входная дверь открылась и закрылась.

На мгновение Квинн подумала, что это бабушка.

Реальность ударила ее в грудь как кувалда. Бабушка не входила в дверь, потому что она умерла. Мертва, мертва, мертва.

Шаги раздавались в коридоре по направлению к ее спальне. Одни человеческие, другие — стук, стук, стук лап по твердому дереву.

Она не поднимала головы. Она не двигалась и не дышала.

— Квинн? — позвал Майло.

Квинн открыла глаза и невидяще уставилась в потолок.

— Можно войти?

Ее язык словно приклеился к нёбу. Толстый и распухший. Она не могла говорить, а значит, не могла сказать «нет».

Майло принял ее молчание за согласие и вошел в спальню. За ним, прихрамывая, последовал Призрак.

Пес подошел к кровати и уткнулся ей в плечо, словно желая успокоить. Когда Квинн не ответила, он низко и жалобно заскулил, затем несколько раз повернулся посреди комнаты и свернулся калачиком на ковре.

Через секунду матрас просел. Маленькое теплое тело плюхнулось на кровать рядом с ней.

Майло лежал на спине, его рука касалась ее руки, его ноги доставали до ее голеней. Он пошевелил пальцами и прильнул к ней. Его детское дыхание пахло арахисовым маслом.

Квинн напряглась, но не смогла оттолкнуть его. Ее вены напоминали цемент.

Бабушка мертва. Бабушка ушла навсегда. Бабушка никогда не вернется.

Родная мать Квинн бросила ее, предала, не смогла полюбить — но бабушка никогда не переставала любить ее. Ни на секунду.

Бабушка была жесткой и строгой, не склонной к привязанности или сентиментальности, но Квинн никогда не сомневалась, что она ее любит. Никогда, ни разу.

А сколько раз Квинн говорила бабушке, как много она для нее значит? Она не знала, не могла вспомнить. А ведь это хуже некуда.

Майло взял Квинн за руку и сжал. Маленькие пальцы крепко сжимали ее руку.

— Я уже скучаю по ней. Скучаю по ее смеху. Скучаю по ее кукурузному хлебу и по тому, как она всегда давала мне побольше меда. Я скучаю по тому, что она учила меня вещам гораздо более интересным, чем школа. Или как она берегла все свое арахисовое масло только для меня.

Квинн резко вдохнула. Ее грудь сжалась, и стало трудно дышать. Глаза жгло и щипало.

— Я тоже.

— Чего еще тебе не хватает?

— Многих вещей. Всего. Ее сарказма. Как она любила этих чертовых кошек. Как она читала лекцию, будто злилась, но ты знал, что на самом деле это не так, и она, возможно, позже приготовит тебе печенье. Все ее немного боялись, даже Лиам. Она всегда была рядом, несмотря ни на что.

Боль давила на ее грудь, грозя раздавить. Цунами, готовое утопить Квинн. Черная дыра, способная засосать ее в небытие.

— Мама говорит, что люди, которых ты любишь и которые умерли, все равно живут в твоём сердце, — негромко произнес Майло. — Ты вспоминаешь их с другими людьми, говоришь о них. Это то, что держит их с тобой. Как они смеялись и чем пахли. Какие чувства они вызывали у тебя. Вот как я помню папу.

— Это... это отличная идея, Мелкий.

— Тебе стоит попробовать. Мне это помогает. Возможно, тебе тоже поможет.

— Может быть.

— Мама говорит, что плакать — это нормально. Что плач помогает выпустить грусть наружу, чтобы она не задерживалась внутри.

— А что будет, если она останется внутри?

— Конечно, твои внутренние органы покроются плесенью и станут отвратительными.

— Конечно, — повторила Квинн.

— А некоторые чувства слишком велики для одного человека. Поэтому их тоже нужно разделять. Тогда они не будут казаться такими большими, когда вы оба их испытываете.

— У тебя очень умная мама.

— Я знаю.

Один и Тор толкнули носами дверь спальни и забрели в комнату, выглядя потерянными и тоскующими. Майло похлопал по матрасу, и оба кота прыгнули на кровать и свернулись в клубочек у его ног.

Через минуту Локи и Хель последовали их примеру. Они подкралась к Призраку и устроились в его белом меху. Нежное мурлыканье наполнило комнату.

— Квинн?

— Да, Мелкий?

— Мы можем остаться здесь на некоторое время? Как раньше?

Они лежали так в дни и ночи после резни, когда кошмары вторгались в их жизнь, и все, что осталось — это они сами. Поддерживая друг друга они тогда засыпали в одной кровати прижавшись.

Майло так отчаянно нуждался в ней. Правда заключалась в том, что и Квинн он нужен не меньше.

Он возвращал ее к самой себе. Она забыла об этом. Забыла, что любовь — это улица с двусторонним движением, и люди не смогут помочь, если ты непустишь их, если не позволишь им войти в твои грязные уродливые места и полюбить тебя заново.

Она забыла. Майло ей напомнил.

Слезы потекли из уголков ее глаз. Струйка превратилась в поток, который перерос в водопад, и вот она уже рыдает, всхлипывает, содрогается от горя.

Майло обхватил ее своими тонкими руками и крепко прижал к себе.

— Все хорошо, Квинн. Я тоже сейчас чувствую твою горе. Все хорошо.

Эта дыра в ее сердце слишком велика для нее, но вместе, вместе они разделили ее. И где-то глубоко внутри она понимала, что этого достаточно. Этого будет достаточно.

На этот раз она не стала убегать от ситуации. Она переживала все это, позволяя боли накатывать на нее волнами.

Она плакала, а Майло обнимал ее, и через некоторое время волны печали ослабли, немного отступили. Слезы высохли, всхлипывания стихли.

Квинн чувствовала, как постепенно, медленно собираются воедино неровные и сломанные части ее самой.

Не сегодня, не завтра, но они смогут.

Она вытерла мокрые глаза и уставилась на нарисованных монстров, украшавших стены ее комнаты. Каждый квадратный дюйм стены и потолка был покрыт яркими фресками, включая книжные шкафы, письменный стол и кровать. Кинг-Конг, Годзилла, Минотавр. Гремлины и гарпии.

Ее взгляд остановился на единороге, нарисованном на дверцах ее шкафа. Майло окрестил его Джеффом — единорогом с шипами.

— Майло.

— Да?

Она прочистила горло, с трудом выговаривая слова.

— Знаю, я была... я все испортила, Мелкий. Меня не было рядом с тобой после... после Ноа. Я была нужна тебе, и я подвела тебя. Это не круто. Прости меня.

Она почувствовала, как он пожал плечами.

— Я прощаю тебя.

— И все? Кажется, слишком просто.

— Что еще нужно?

— К примеру, ты не собираешься хранить на меня обиду или заставлять делать за тебя работу по дому целый год?

— Заманчиво, но нет.

Квинн страдальчески фыркнула.

— Ну... спасибо.

— Мы можем поделиться, — сказал Майло.

— Как это?

— Тебе нужна семья, но у тебя ее нет. Я поделюсь с тобой своей. Тогда мы сможем стать братом и сестрой, по-настоящему.

— Ты действительно этого хочешь?

Он прижался к ее шее. Его копна непокорных кудрей щекотала ей щеки.

— Больше, чем Рождество. Больше, чем арахисовое масло.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Квинн поверила своему голосу настолько, чтобы заговорить. Ее разбитое сердце пульсировало от привязанности и грусти, любви и печали. Вынести это казалось слишком тяжело.

Черт, но она любила этого мальчишку.

— Хорошо, — прошептала Квинн. Затем, громче. — Хорошо.

— Обещание на мизинчиках?

Майло поднял мизинец. Квинн зацепила свой за его маленький.

— Обещание на мизинчиках.

— Теперь мы семья, — произнес Майло с такой милой уверенностью, что Квинн снова чуть не расплакалась. — Моя семья — твоя семья. Мама и малышка Шарлотта. И Призрак. Не забывай о Призраке.

Десять минут назад она думала, что никогда больше не улыбнется. И все же среди страданий и душевной боли Квинн почувствовала это. Искру радости, обещание чего-то большего.

Неважно, насколько мрачными казались дни, завтра будет лучше.

— Хочешь послушать музыку? Мама одолжила айпод, но я его вернул. — Майло достал его из кармана и показал ей. — Я даже не забыл его зарядить.

— Только если не Элвиса.

Он усмехнулся.

— Ты не сможешь меня обмануть. Я знаю, что ты его обожаешь.

Они провели час, лежа рядом друг с другом, по наушнику для каждого, слушая Aerosmith. U2. Pink Floyd. Journey. The Beatles. И, конечно, «Love Me Tender» и «Heartbreak Hotel» Элвиса Пресли.

Песни, на которых она выросла, которые любил дедушка. Он танцевал с ней, когда она была маленькой девочкой, а бабушка смотрела, делая вид, что не замечает, но кивала головой в такт мелодии.

Те же песни Ханна когда-то пела Майло. Музыка соединила их, как нить, ведущая навстречу друг другу.

К тому времени, когда солнце село и за окнами сгустилась тьма, слезы Квинн высохли, оставив соленые дорожки на ее щеках. Майло крепко спал, прижавшись к ее боку и удовлетворенно посапывая.

Глава 48

Лиам

День сто четырнадцатый

На руках Лиама осталась кровь.

Ему пришлось убить солдат, находившихся на борту вертолета. Как только они выстрелили, стали врагами. Они напали на невинных людей. Они убили Молли. За это они заслужили свою огненную смерть.

Фолл-Крик избавился от угрозы «Черного Ястреба», но ценой больших потерь. Город

снова погрузился в хаос и теперь вынужден собирать себя по частям.

Это не конец.

После еще одного бесконечного дня, проведенного за укреплением боевых позиций, консолидацией ресурсов и разбором обломков, Бишоп объявил перерыв.

Страх, неуверенность и ужас образовали внутри Лиам тугий узел. Сокрушительная усталость грозила захлестнуть его, но на данный момент надвигающаяся опасность отступила.

На несколько драгоценных минут он ощутил себя человеком, а не солдатом.

Мужчина с женщиной, которую он любил.

Лиам сидел на диване Ханны с Шарлоттой. От нее пахло чистотой, пищевой содой и лосьоном. Он покачивал коленом, и Шарлотта хихикала, издавая чистый и богатый звук как звон колокольчиков.

Дождь барабанил по крыше. Ветер обдувал углы дома и трепал ветви деревьев.

В гостиной в камине потрескивал огонь. Свечи, расставленные по комнате, наполняли воздух ароматом ванили и лаванды.

Призрак растянулся перед камином, пыхтя, словно весь день бежал марафон, а не дремал.

Его кажущаяся праздность обманчива. Когда его люди бодрствовали и были начеку, он отдыхал. Когда они спали, он оживал, проводя ночи в патрулировании своих владений, защищая свою стаю.

Из коридора доносилось пение Ханны, когда она по обыкновению укладывала Майло спать. Квинн тоже была здесь.

Обнаружив детей спящими в кровати Квинн, Лиам привел их в дом Ханны. Они проснулись как раз настолько, чтобы поужинать картофельно-морковным супом с вареным кроликом, которого Квинн поймала раньше.

Ханна настояла на том, чтобы Квинн осталась у нее. Остаться в одиночестве вредно для здоровья и небезопасно.

Шарлотта ворковала, расплываясь в улыбке. Пухлыми руками она потянулась к нему, хватаясь за его лицо. Ее кривая вязаная шапочка упала на диванную подушку, а шоколадно-коричневые волосы встали дыбом.

Она выглядела очаровательно. Просто прелестно.

— Сейчас слишком тепло для этой шапки, — сказал Лиам. — Ты так выросла. Думаю, мне придется связать тебе другую. Может, на этот раз розовую? Я слышал, что маленькие девочки любят розовый цвет.

Она обхватила своими крошечными пальчиками один большой палец, затем другой и посмотрела на него широко раскрытыми яркими глазами. Ее лицо сияло, все ее существо излучало радость.

Его сердце сжалось и расширилось за один вдох.

Если она сможет вырасти в безопасности, значит, он справился со своей задачей. Если он защитит малышку и ее мать, неважно, что случится с ним. Этого будет достаточно.

Шарлотта зевнула и прижалась к его груди. Ореол ее шелковистых темных волос щекотал ему шею. Лиам откинулся назад, его позвоночник напрягся, но он проигнорировал это, поглаживая ее по спине.

Через минуту она уже спала.

Ханна прошла по коридору.

— Они оба уснули.

— Они, наверное, будут спать двенадцать часов. Особенно Квинн. Не позволяй ей просыпаться рано для нашей тренировки. Это может подождать. Ей нужен отдых.

Ханна устроилась рядом с ним на диване. Ее волосы были убраны назад в беспорядочный хвост. Под глазами темные круги, кожа бледная.

Лиам считал ее самой красивой женщиной из всех, на кого он когда-либо смотрел.

— Я все время думаю о Молли, — призналась Ханна, и ее лицо помрачнело. — Я не могу поверить, что ее больше нет.

Прижимая Шарлотту к груди, свободной рукой Лиам притянул Ханну к себе. Она растворилась в его объятиях, как будто всегда принадлежала ему.

Ханна подняла на него глаза, волна горя исказила ее черты. В ее глазах блеснули слезы.

— После всего потерять еще и Молли. Я уже так скучаю по ней.

Лиам чувствовал себя опустошенным. Как будто внутри него открылась еще одна дыра, рана, которая никогда полностью не заживет. Молли была невероятным источником знаний, но, что еще важнее, она стала для него близким другом. Он проникся к ней глубокой симпатией.

Такая язвительная, независимая, умная женщина. Колючее сердце Фолл-Крика.

— Без нее здесь как-то не по себе.

— Все кажется... каким-то менее значительным.

— Я хотел бы вернуться назад и все изменить. Я мог бы остановить это, спасти их...

— Это не твоя вина. Это сделал Генерал, — яростно возразила Ханна. — Именно он должен заплатить.

Эмоции сковали его горло.

— Я знаю.

Ханна замолчала на минуту. Огонь вспыхнул и заискрился.

— Она умерла, спасая Квинн, спасая того маленького мальчика.

— Я не ожидал от нее ничего иного, — хрипло отозвался Лиам.

— Мы должны почтить ее память. Мы должны устроить похороны... что-нибудь.

— Обязательно, но сейчас это небезопасно.

— Понимаю. Просто... это тяжело, — проговорила она. — Бедная Квинн. Я люблю эту девочку, как родного человека. Я хочу обнять ее и никогда не отпускать. У нее никого не осталось.

— Неправда. У нее есть ты. У нее есть мы.

Ханна кивнула.

— Это так.

— Мы позаботимся о ней.

— Непременно. — Ханна вытерла слезы, словно готовясь к тому, что последует дальше, и сделала несколько глубоких вдохов. — И мы начнем с того, что не дадим Генералу навредить кому-нибудь еще. Есть новости?

— Наши разведчики сообщают о нулевом движении. Генерал держит своих людей в отеле.

— Что он будет делать дальше?

— Это была легкая атака, чтобы обеспечить доступ к нам наземных войск или устроить полноценный воздушный налет. Он должен был послать наземные войска, пока нас обстреливали ракетами. Но он этого не сделал.

— Почему?

Лиам ненавидел признаваться в своей неуверенности. Ему казалось, что это слабость.

— Я не знаю.

— Из-за Шарлотты?

Он покачал головой, усталый и расстроенный, мучимый сомнениями и предчувствиями.

— Может быть. Он чего-то ждет. Или играет с нами. Или и то, и другое. Мне это не нравится.

— Что насчет Гамильтона? Он может помочь?

— Рации не работают. Опасно выезжать за пределы периметра. А у него всего тридцать человек. Кроме того, у него строгий приказ не вмешиваться в местные разборки.

— Ты думаешь, что он не станет нарушать эти приказы ради нас?

— Он хороший человек, но он подчиняется правилам. Военные не просто так требуют безоговорочного повиновения командованию.

Ханна закусила нижнюю губу.

— Думаю, стоит попробовать.

— Может быть, — согласился Лиам. — Мы можем послать разведчика завтра.

Его спина затекла. Он поморщился, стараясь не двигаться, чтобы не разбудить Шарлотту.

Ханна заметила. Она отстранилась и села.

— Твоя спина.

— Я в порядке.

— Я могу сказать, что тебе больно.

Он бросил на нее недовольный взгляд, но это правда. Бесполезно пытаться скрывать это. Ханна всегда замечала.

— Тебе нужен массаж.

— Я в порядке, — попытался Лиам снова, но безуспешно.

Когда Ханна приняла решение, изменить его уже не удавалось. По правде говоря, он хотел, чтобы ее руки размяли боль в его ноющих мышцах. Хотел ее тепла, близости, прикосновений. Он хотел, чтобы она снова оказалась в его объятиях.

— Я сейчас вернусь. — Ханна поднялась и подхватила Шарлотту на руки, напевая ей в ушко, чтобы малышка не проснулась, и понесла ее в спальню.

Призрак поднял голову и следил за каждым ее движением глазами, поджав хвост.

Лиам еще раз осмотрел дом. Призрак вскочил на ноги и последовал за ним. Лиам погладил его по голове.

Все окна и двери были закрыты и заперты. Он выглянул в окно кухни. Потоки воды текли по стеклу, как слезы, искажая его отраженные черты.

За домом шумели деревья. Ветви скрипели и трещали.

В начале Тэнглвуд-Драйв дежурили охранники. Мобильные патрули находились в состоянии боевой готовности. Еще больше дозорных охраняли снайперские гнезда и боевые посты по периметру.

Разведчики вели постоянное наблюдение, готовые в любой момент сообщить о любой подозрительной активности. Лиам не мог сделать больше ничего, что уже сделано.

Он ждал Ханну.

Глава 49

Лиам

Ханна сидела на диване рядом с ним. В воздухе витало ожидание, как электрический ток между ними. Она робко улыбнулась ему.

— Похоже, мы одни.

— Думаю, да, — согласился Лиам, его голос внезапно охрип.

Ханна наклонилась и прильнула к его рту своими губами.

Его сердцебиение участилось. По всему телу пробежали электрические разряды.

Он поцеловал ее в ответ, глубоко и страстно, обхватив руками ее талию и притянув к себе. Она приобняла его за голову и погладила.

Он мог бы потерять себя в этом моменте навсегда.

С мягкой, довольной улыбкой Ханна откинулась назад и посмотрела на него.

— Сними свою рубашку.

Он приподнял бровь.

— Это приказ?

Она покраснела, но не опустила взгляд.

— Приоритеты, Лиам Колман. Мне полагается заботиться о твоём здоровье.

— Конечно. — Лиам поморщился, снимая рубашку. Огнестрельная рана заживала, инфекция ушла. Но все еще чертовски болело.

Ханна сменила повязку на свежую, промыла рану и нанесла масло чайного дерева в качестве местного антибиотика. Теперь, когда инфекция под контролем, они перешли на натуральные средства, чтобы сохранить оставшиеся запасы для серьезных случаев.

Из книги Молли о выживании Ханна узнала об эффективных природных средствах, используемых тысячелетиями. Она записала все это в свой блокнот и скопировала необходимую информацию для Эвелин и Ли.

— Я могу делать это сам, знаешь ли.

— Не так хорошо, как я.

С пола Призрак выразил свое согласие.

Лиам закатил глаза.

— Вижу, я в меньшинстве.

— Думаю, ты всегда будешь в меньшинстве.

Он хмыкнул, когда Ханна выполнила свою задачу и уложила его на живот на диване. Тепло от камина согрело его больные, измученные мышцы. Стук дождя убаюкивал, отягощая веки. Он мог бы проспать целый месяц.

Но Лиам не мог отдохнуть по-настоящему, пока не устранит угрозу со стороны генерала и По.

Ханна присела рядом с ним и размяла его плечи. Он расслабился, прижавшись к ней. Ее руки были сильными и гибкими, даже раненая рука, когда она разминала его узловатые мышцы и напряженные диски. Боль отступила.

Когда Ханна закончила массаж, Лиам поднялся и отправился проверить дом, беспокойство ползло по коже, пока он осматривал затемненную, залитую дождем улицу.

Ничего не двигалось. Угрозы не было.

Когда он вернулся, Ханна стояла возле дивана, ее волосы рассыпались по плечам, глаза блестели в свете камина.

Она застенчиво наклонила голову и посмотрела на него сквозь ресницы. На ее лице

отражалась печаль и беспокойство, но что-то еще, что-то маленькое, вспыхнувшее ярко и яростно. Надежда.

Желание накрыло его.

Важно ловить момент. Никогда не знаешь, когда настанет последний раз. Чтобы обнять. Сказать то, что нужно сказать.

Лиам подошел к Ханне и обнял ее. Она прижалась к нему и подняла свое лицо навстречу. Он поцеловал ее, крепко и жадно.

— Я люблю тебя, — прошептал он ей в губы.

— Я люблю тебя, — так же шепотом ответила Ханна.

Прикоснулась руками к его груди. И поцеловала сильнее...

— Мама? — Мягкий голос донесся из коридора.

В их сторону протопали ноги в носках.

Ханна отступила назад, ее глаза казались большими, широкими и бездонными.

— Не могу заснуть, — пробормотал Майло, его голос звучал жалобно. — Еще один плохой сон.

С огромным усилием Лиам оторвал взгляд от Ханны. Майло смотрел между ними, моргая от страха, его черные кудри торчали во все стороны. На нем была длинная мужская рубашка, доходившая до колен — рубашка Ноа.

Он колебался, между его бровями залегла складка. Как олень, прижавшийся к краю деревьев, нерешительный и осторожный, не уверенный в безопасности своего приближения.

Лиам улыбнулся.

— Проходи.

Майло поплелся в гостиную, потирая глаза. Ханна раскрыла ему свои объятия. Лиам освободил место, и парень протиснулся между их телами, обхватил Ханну за талию и прижался лицом к ее животу.

Над его головой она одарила Лиамом озорной улыбкой и произнесла «прости».

Ей не за что было извиняться.

Это и есть семья. Родительство. Любовь во всей ее беспорядочности.

— Можешь спеть мне «*Blackbird*» еще раз? — пробормотал Майло, уткнувшись в ее рубашку. — Это всегда помогает.

— Конечно, милый. — Она взяла Майло за руку и повела его обратно в спальню.

— Продолжение следует, — проронил Лиам.

Ханна оглянулась через плечо и наградила его улыбкой, которая затмила солнце.

Глава 50

Лиам

День сто четырнадцатый

Лиам не мог уснуть.

Было 22:00. В эти дни все вставали с восходом солнца, готовые к работе. После долгого дня большинство людей ложились в постель к девяти и спали как убитые.

Лиаму не удавалось спать спокойно, его сны преследовали разрывы минометных снарядов и крики погибших братьев. Не спал он и сегодня.

Все остальные в доме уснули — Ханна и Шарлотта, Майло и Квинн.

Лиам выбрался наружу, перекинув карабин через плечо. Призрак доковылял до двери, но отказался покидать дом. Пес любил холод, но презирал воду.

Инстинктивно Лиам осмотрел задний двор, проверяя все вокруг, прислушиваясь, нет ли чего-нибудь необычного. Ничего не нашел.

Дождь прекратился, ветер утих. Ночь выдалась тихой и темной, лишь слабый свет звезд пробивался сквозь облака.

На заднем дворе, на мокрой траве, рядом с разделочной доской, стоявшей слева от дровяного сарая, лежала куча побитых дождем дубовых кругляков. По центру большого пня торчал большой топор для колки.

Он хотел нарубить дров для Ханны, но раненый бок все еще мешал делать многое из того, что Лиам хотел. К тому же, Эвелин его убьет.

Из внутреннего кармана его куртки раздался треск рации.

— Альфа-1, прием.

Его пульс ускорился. Лютер не должен выходить на связь в это время. Лиам ничего не слышал от него с момента нападения «Черного ястреба». Он и не надеялся на это. Слишком рискованно.

В состоянии повышенной готовности он достал рацию из кармана куртки левой рукой; правая рука оставалась свободной, чтобы в случае необходимости достать «Глок» или длинноствольный пистолет.

— Эхо-2, — произнес Лиам. — Это Альфа-1.

— Мне пришлось тайком выбраться из отеля и угнать велосипед, чтобы оказаться в пределах досягаемости, — доносилось из динамика Лютера учащенное дыхание. — Трижды чуть не попался. Чуть в штаны не наложил.

— Что происходит? Что дальше собирается делать генерал?

— Люди злятся из-за вертолета. — Лютер сделал паузу, задыхаясь. — Лиам, они собираются послать в атаку наземные силы. Так и будет. Серьезно.

Сердце Лиамы перестало биться.

— Когда?

— Они планируют напасть на рассвете.

Неважно, насколько он ожидал этого. Новость поразила Лиаму, как удар в солнечное сплетение.

— Они везут все. Бронетранспортеры и М2. У них есть минометы и артиллерия, Лиам. Он отправит параллельно тактическую группу за ребенком. После того как он получит ее, генерал хочет, чтобы город уничтожили. Его не волнуют жертвы среди гражданского населения.

Лиам выругался.

— Ты уверен?

— Абсолютно. И он назначил награду за твою голову. Он утверждает, что у тебя есть ценные сведения о группе внутренних террористов, но очевидно, хочет убить тебя сам. Солдат, который доставит тебя живым, получит почетное увольнение, а также месячный паек для своей семьи.

Лиам закрыл глаза. Темный ужас разливался в его груди. Даже с тем добром, которое они украли во время рейда, они не смогут отбить такую силу. Они потерпят поражение.

— Это еще не все.

— Выкладывай.

— Я нашел немного вина из винодельни Табор Хилл в Стивенсвилле для Бакстера, чтобы передать генералу. Я сохранил еще одну бутылку, чтобы поделиться с ним. Он остался

довольным. Я напоил его достаточно, чтобы немного развязать ему язык. Лиам, Генерал и По на одной стороне.

— Что?

— Генерал все это время снабжал По припасами и ресурсами. Он дал ему доступ к арсеналам Национальной гвардии, складам оружия, чтобы совершать набеги, и все такое. Вот как По стал таким могущественным настолько быстро.

Холодный, кристаллизованный гнев пронзил Лиаму насквозь. Он сжал кулак, и сдержал желание ударить по дровам до крови.

— Генерал Синклер перешел на другую сторону. Его приказы исходят не от губернатора. По крайней мере, не те, что касаются Фолл-Крика.

Мысли Лиамы вихрем пронеслись в голове, перебирая варианты, как он может использовать это для спасения своего города.

Будет ли Национальная гвардия продолжать атаковать, если Генерал больше не будет у руля?

Готов ли Лиам поставить все на карту?

Лютер добавил:

— Я знаю только то, что приказы исходят от него, а не из Лансинга.

У Лиамы возникло искушение спросить, может ли Лютер подобраться к Генералу достаточно близко, чтобы убить его, но он сдержался. Такие вопросы выдавали намерения и стратегию, которые он не должен раскрывать информатору.

Лютер все еще оставался неизвестной величиной. Джокером. Слишком ненадежный, чтобы ему доверять. И все же, как бы Лиам ни ненавидел его, некоторый уровень доверия все-таки необходим.

Кроме того, Лютеру никогда не подобраться к Генералу, не с двумя десятками бывших военных, окружавших его. Он не был солдатом. Не имел достаточных навыков для убийства объекта.

— Не существует способа победить Генерала, Лиам. Это невозможно.

— Есть один способ.

— Что ты имеешь в виду?

— Оставайся в пределах досягаемости, — велел Лиам. — Мне нужно подумать. Конец связи.

Лиам взял свою куртку и карабин, вернулся к дому Ханны и проскользнул в заднюю дверь. Призрак встретил его, прижав морду к ладони и глухо рыча из глубины бочкообразной груди.

Пес рысью бежал за Лиамом, пока тот проверял окна и двери. Он заглянул во двор, осмотрел пустую улицу, тихие дома.

Его сердце билось о ребра. В голове гудело от напряжения. Охваченный отчаянием, он опустился на диванные подушки, положив голову на руки.

Лиам всего лишь один человек. Он не мог противостоять целой армии. Не на нескольких фронтах с несколькими целями.

Еще не начав, он потерпел неудачу.

И все же.

Если бы не вендетта Генерала, у Национальной гвардии не было причин нападать на Фолл-Крик. Может быть, им и хотелось бы захватить «Винтер Хейвен», но без солнечной энергии община не представляла особой ценности.

Если избавиться от Генерала, Лансинг пришлет кого-то другого, того, кому наплевать на этот город или Шарлотту.

Это начиналось и заканчивалось генералом Синклером.

Убрать его, и у Фолл-Крик появился бы шанс. У Ханна появился бы шанс.

Но как? Имея больше времени, Лиам мог бы придумать засаду, чтобы заманить Генерала в ловушку. Или устроить снайперское укрытие и уничтожить его пулей в мозг с дальней дистанции.

Но из разведанных Лютера Лиам знал, что Генерал осторожен. Он занял пентхаус: единственная стена окна выходила на озеро Мичиган. Поблизости не имелось высоких зданий с крышами или окнами для снайперской стрельбы.

У Лиам больше нет времени. И вариантов нет.

Оставался только один выход.

Что-то зацепило его взгляд. Кривая зелено-серая шапочка проглядывала между диванными подушками.

Лиам достал ее и взял в руки, поворачивая снова и снова, проводя мозолистыми пальцами по неровной вязке.

Он связал ее для ЭлДжея. Он надел ее один раз спустя несколько часов после его рождения. Лиам хранил ее, чтобы она напоминала ему о Джессе и Линкольне, о его погибшей семье и ребенке, которого он оставил в Чикаго.

То, что когда-то символизировало его неудачу, превратилось в подарок, символ надежды. Когда Ханна вошла в его жизнь. Когда Шарлотта появилась на свет с красным лицом и рыданиями.

Его мысли кристаллизовались. Лиам понял, что он должен сделать. И как.

Путь вперед никогда не представлялся таким ясным.

Генералу нужен Лиам. Он хотел убить Лиам сам, своими руками. Это означало, что ему нужно приблизиться. Столкнуться лицом к лицу.

Возможно, достаточно близко, чтобы убить.

Сомнения и неуверенность одолевали Лиам. Риск велик. Шансы на успех невысоки. Шансы на выживание ничтожны.

Даже если Лиам сможет добраться до Генерала, он не сумеет отбиться от наемников, которые устроят ад в отместку.

Ему и не нужно.

Выбраться — не самое важное. Только войти.

На секунду он подумал о том, чтобы вызвать Бишоп, организовать штурмовую группу. Но Лиам отбросил эту мысль. Им нужен каждый боец, чтобы защитить Фолл-Крик. Кроме того, он не мог смириться с мыслью, что отправит своих друзей в опасную зону со слабой надеждой на выживание.

Как ни странно, он никогда не ценил свою жизнь так сильно, как сейчас. Он хотел этой жизни, неполноценной, но прекрасной. Он хотел найти свое место в этом мире с Ханной в его центре.

Только сейчас он полностью осознал, что должен потерять, чтобы их спасти.

Лиам вызвал Лютера по рации.

Когда тот ответил, Лиам сказал:

— Ты мне нужен.

Глава 51

Лиам

День сто четырнадцатый

Лиам подготовился.

Операция требовала скорости и ловкости. Он планировал оставить свой рюкзак, но надел нагрудное снаряжение и проверил оружие, пересчитал патроны и магазины.

В кармане куртки он держал свой повседневный футляр со складным ножом, паракордом, тактической ручкой и мультитулом.

Он позаимствовал швейный набор Ханны, чтобы сделать пару последних изменений, а также несколько вещей из дома Рейносо. Рейносо не знал — был занят ночным патрулированием.

Пора выдвигаться.

Лиам продумал все возможные и запасные планы, все ходы и контрходы, пока они не укрепились в его сознании.

Он готов к войне в одиночку.

Призрак стоял, пристально глядя на него умными карими глазами и наострив уши. Он знал, что сейчас что-то произойдет.

Лиам почесал его пушистые уши и погладил под мордой.

— Позаботься о них для меня.

Движение в тени коридора.

Адреналин пронзил его насквозь. Лиам повернулся, «Глок» в руке.

Квинн заговорила в темноте.

— Это я.

Лиам опустил пистолет.

— Что я тебе говорил о том, как подкрадываться к людям?

— Чтобы я делала это лучше. Похоже, у меня получилось.

Ее блестящие глаза сверкали в тусклом лунном свете, проникающем через окно гостиной. На ней были красные фланелевые пижамные штаны, футболка «*Metallica*» и розовые тапочки Ханны. Она выглядела такой юной.

Он убрал пистолет в кобуру.

— Ты должна спать.

— Ты тоже.

— Туше.

Призрак рысью подбежал к ней и обнюхал ее руку. Квинн почесала его за ушами. Он фыркнул от удовольствия и прижался макушкой к ее бедру.

Ее взгляд скользнул с Призрака на его лицо, на М4 на перевязи, на нагрудное снаряжение.

— Ты уходишь.

— Ухожу.

— Почему?

— Есть кое-что, что я должен сделать.

— Ханна знает?

— Узнает.

— То есть она не в курсе.

По правде говоря, Лиам не мог решиться сказать ей об этом. Он знал, какой будет ее

реакция. Он не хотел прощаться. Дело не в том, что она не смогла бы с этим справиться — он не мог.

Их последние минуты вместе были идеальными. Он хотел, чтобы Ханна запомнила его таким. Пусть его последнее воспоминание о ней будет связано с сегодняшним вечером. Ее волосы, рассыпавшиеся по плечам, глубина ее глаз в свете камина, их темнота, когда она поцеловала его.

— Нет, — подтвердил Лиам. — Она не знает.

Квинн пристально посмотрела на него. Она не принимала молчание за ответ.

— Куда ты идешь?

— Отрубить голову змею.

— А если там больше одной головы?

Она всегда была умной. Хитрая и быстро соображающая. Это сослужит ей хорошую службу.

— Я не думаю, что это так.

— А если ты ошибаешься?

— Это риск, на который я должен пойти.

— Ты намерен убить Генерала. — Она сказала это прямо. Заявление, а не вопрос.

— Я попытаюсь.

— Как ты собираешься подобраться к нему?

— Тебе не говорили, что ты задаешь слишком много вопросов?

Квинн фыркнула.

— Все время.

— Пока этот человек жив, Ханна и Шарлотта будут в опасности. Ради них я должен это сделать.

Она сделала шаг вперед. Ремень ее AR-15 был перекинут через плечо. Квинн практически спала с этой штукой.

— Я хочу пойти с тобой.

— Я должен сделать это один.

Она нахмурилась.

— Я думала, ты считаешь, что одинокий волк — это глупость.

— Так и есть. Но в данном случае это единственный вариант. Поверь мне, я все продумал. Иначе не получится.

— Вот почему ты сбегашь тайком. Потому что Бишоп и Ханна не согласятся на это. Это плохая идея.

Его желудок дернулся.

— Квинн.

— Ты вернешься?

Его рефлекторным ответом было «конечно», но Лиам колебался. Квинн не маленькая девочка. Она прошла через слишком многое, чтобы он мог ей лгать. Он в долгу перед ней.

— Я не знаю, — признался он. А потом: — Наверное, нет.

От растерянности Квинн открыла рот, а затем захлопнула его. Она яростно покачала головой.

— Нет.

— Да. Я должен. Обязан.

Она сделала еще один шаг в темную гостиную. Даже в лунном свете Лиам мог видеть,

как страдание исказило ее черты.

— Тогда позволь мне пойти с тобой.

— Прости, милая. Это не сработает. Это должен быть я. Только я.

Квинн застыла.

— Почему?

— Я единственный, кого он не убьет на месте.

Долгое мгновение она не произносила ни слова. Они смотрели друг на друга в темноте, думая о том, что никто из них не мог произнести вслух.

— Ты нужна мне здесь. Ты нужна ей.

Ему не требовалось говорить, кому. Они оба знали.

— Хорошо, Росомаха, — произнесла наконец Квинн.

— Я доверяю тебе. Так что, ладно.

Лиам моргнул, пораженный силой эмоций, бурлящих в его груди. Как сильно он хотел остаться, выбрать другой путь.

Наблюдать, как эта шестнадцатилетняя девочка растет в опытного воина, которым ей суждено стать.

— Защити ее, — сказал Лиам. — Защити их.

Квинн подняла подбородок.

— Сделаю.

Глава 52

Генерал

День сто четырнадцатый

Генерал стоял перед окном, вытянув позвоночник, сцепив руки на поясице. Царственная поза. Внушительная. Победоносная.

Отличная поза для обложки книги-бестселлера, которой суждено стать классикой.

Губернатор Мичигана мертв.

Завтра в это время Генерал будет контролировать Фолл-Крик. Труп Лиама Коулмана повесят на стену. Его правнучка будет принадлежать ему.

И Синдикат окажется у него под прицелом.

Поскольку Генерал убедил губернатора Даффилда не подчиняться федеральным приказам и держать свои военные ресурсы на местах, Мичиган оказался единственным штатом на Среднем Западе с достаточно сильной армией, чтобы уничтожить По.

Синдикат, как и предполагалось, сделал за него грязную работу. По исчерпал свою полезность.

Когда По не станет, Иллинойс и Индиана будут просить Мичиган вмешаться и восстановить порядок. Что Генерал с радостью сделает — за определенную плату.

К тому времени, когда Лорен Юбэнкс официально станет губернатором, она будет стоять на коленях, отвечая перед ним.

Генерал позвонил По по своему спутниковому телефону.

Время расставить ловушку, которую он планировал.

По не потрудился поздороваться.

— Думаю, это будет последний раз, когда я принимаю ваш звонок, Генерал.

Генерал напрягся.

— Что, черт возьми, это значит?

— Ты выпустил лису в курятник, Байрон. Лиса поступает так, как считает нужным.

— Ты обещал держаться подальше от Мичигана.

— Я не помню этой маленькой детали.

— Мичиган мой! — прорычал Генерал. — У тебя весь Средний Запад!

— Неужели? Потому что я чувствую, что стал слишком велик для своего аквариума.

Генерал заскрипел зубами. По оказался умнее, чем генерал ему приписывал. Он понимал общую картину.

— Не так послушен, как ты думал, а? Я умен. Умнее тебя, старик.

Генерал кипел от ярости. Как этот ничтожный подонок посмел намекнуть, что он хоть в чем-то равен ему в интеллектуальном или стратегическом плане?

По был элегантным бандитом, не более того.

— Ты ведь будешь счастлив, если я исчезну? Я отслужил свое. Для тебя. Но Байрон, у меня грандиозные планы, которые ты даже представить себе не можешь. Эта страна созрела для эксплуатации. Если не я, то кто-то другой. Десяток враждующих банд, сцепившихся на Среднем Западе, истребляющих друг друга и всех остальных. Или целый регион под замком, богатый ресурсами для таких, как я. Люди — это ресурсы. Я не трачу их впустую.

Генерал скривил губы от отвращения. Не от смысла высказываний По, с которым генерал вполне согласен, а от его ехидного, неуважительного тона.

— Не забывай, я могу уничтожить тебя. Одним приказом, одним...

— Я называю это блефом, — ровно сказал По. — Мичиган — мой.

— Ты тупой сукин сын...

— Я обожаю Мичиган, — заявил По таким скучающим, снисходительным тоном, словно смеялся над Генералом, издевался над ним. — Фруктовый пояс юго-западных графств вдоль побережья. А еще здесь одни из лучших виноделен в стране. Я ценю хорошее вино, знаешь ли. Я слышал, у тебя схожие вкусы.

— Не сравнивай себя со мной, ничтожество! Ты всего лишь хозяин трущоб, бандит, наряжающий себя красивыми нарядами, играющий во власть. У тебя нет настоящей власти. У тебя никогда не будет власти...

— Страх — это сила, — проговорил По. — И сейчас ты боишься меня.

Генерал сжал трубку телефона с такой силой, что пластиковый корпус треснул под его пальцами.

— Если ты хоть на секунду задумаешься...

— Я приду за твоими городами, твоими людьми. Я подчиню их себе или убью. Я заберу все, что захочу, и сожгу то, что останется.

— Предатель! — прорычал Генерал, желая дотянуться через телефон и задушить этого мелкого червяка. — Я убью тебя! Я отрублю тебе...

— Птичка напела мне, что ты с основной массой своих солдат находишься в окрестностях небольшого городка к северу от Индианы под названием Фолл-Крик. Уязвимое положение, в которое ты себя поставил. Тебя легко обойти и переиграть.

Жидкий страх пронесся по венам Генерала. Он потерял «Черный ястреб». Даффилд так и не снабдил его необходимыми минометами.

Он не готов. Чтобы уничтожить Синдикат, требовались уловки и обман, подстава По, когда он и его люди меньше всего этого ожидали.

По первым нанес ему удар в спину.

— Считай, что ты побежден.

— Я отдал тебе все! И вот как ты мне отплатил?

— Именно так ты играешь в эту игру, — с усмешкой в голосе отозвался По. — И Байрон, тебя обыграли.

Глава 53

Лиам

День сто пятнадцатый

Лиам шел по центру шоссе М-139.

Было далеко за полночь. Он находился в пятнадцати милях к северу от Фолл-Крика, на окраине города Сент-Джозеф.

Большую часть пути он проехал на велосипеде, а затем бросил его на заброшенном складе.

Теперь он шел посреди дороги, держа руки по бокам. М4 висел у него на груди, а «Глок» оставался в кобуре.

Лиам чувствовал себя уязвимым, незащищенным, голым.

И все же он шел.

Это противоречило его выучке, каждому его инстинкту.

Страх и сомнения грызли его, но он шел со всей решимостью.

Ночные звуки наполняли хрустящий весенний воздух. Насекомые трещали. Мелкие существа рыскали в траве. Ветер шумел в кронах деревьев, на ветвях которых росли свежие зеленые почки.

Лиам напрягся, проходя мимо очередного заглохшего автомобиля на обочине дороги. Они скрючились в темноте как дремлющие звери. Он осматривался во всех направлениях, ожидая засады, но ее не случилось.

Он пошел дальше.

Маленькая вязаная шапочка теплилась, как уголек, в кармане его куртки. Такая маленькая вещь так много значила. Ее присутствие побуждало его, подстегивало, заставляло идти вперед.

Лиам прошел мимо магазина кормов слева. Справа — магазин автозапчастей. Магазин элитных светильников. Специализированная пекарня и маникюрный салон напротив стоянки подержанных автомобилей. Мусор валялся прямо на дороге.

Если бы у него за спиной находилось подразделение «Дельта», или он располагал бы группами разведки, наблюдателями для защиты, силами реагирования наготове и «Апачами» или «Черными ястребами» для быстрой эвакуации с охраняемой зоной высадки.

У Лиамы нет ничего из этого. Он один.

Он — ходячий мертвец.

Все нормально. Он принял это.

Он молился, чтобы этого хватило. Что его жертва будет стоить того.

Лиам почувствовал на себе взгляды задолго до того, как увидел людей. Он чувствовал, что их винтовки и карабины нацелены на его грудь, на его лоб.

Он не мог видеть или слышать их, но время, проведенное в дюжине боевых зон от Сирии до Афганистана, хорошо научило его.

Лиам знал, когда за ним охотятся.

Его органы чувств находились на максимуме готовности, он сканировал обстановку слева и справа, осматривая витрины магазинов, окна и дверные проемы. Тем не менее он не

доставал оружие.

На крыше парикмахерской свет луны отразился от прицела. Из дверного проема автомастерской вынырнула человеческая тень. Звуки приглушенных, осторожных шагов.

Они здесь.

Они шли за ним.

Четыре фигуры выскочили на дорогу. Облаченные в форму, с М4. Они подняли карабины и бросились на него, выкрикивая приказы.

Загорелось несколько фонариков, лучи дрогнули.

— На землю!

— На колени!

— Не двигаться!

Лиам опустил на колени и поднял обе руки, прищурившись. Фонари светили ему в глаза. Ему потребовалось усилие, чтобы не схватить М4 и не дать отпор.

Вместо этого он сказал:

— Я сдаюсь.

Не хватало только, чтобы какой-нибудь отморозок нажал на спусковой крючок и выстрелил ему между глаз. Свет погаснет. Игра закончится.

Вперед шагнула фигура, силуэт которой выделялся на фоне бликов фонаря. Лиаму потребовалось мгновение, чтобы сориентироваться. Над ним возвышалась долговязая фигура Джеймса Лютера.

Лютер нагнулся, снял М4 с плеча Лиама и передал его солдату, стоявшему позади него.

— Вот этот парень. Я же говорил, что он будет здесь.

Лиам сжал челюсти. Его ребра вспыхнули. Он подозревал, что боль только начинается.

— Я сдаюсь! — повторил он громче.

— Еще бы, — произнес жесткий женский голос.

— Наденьте на него наручники, — скомандовал один из солдат.

— У меня есть. — Лютер шагнул вперед, в его руке оказалась пара наручников.

— Сначала обыщите его.

Грубые руки хватали и шлепали Лиама. Его «Гербер» и «Глок» изъяли, вместе с магазинами, засунутыми в нагрудное снаряжение. Куртку оставили нетронутой.

Лютер дернул Лиама за руки. Жесткие металлические наручники стиснули его запястья, сжимая плоть.

— Ты уверен, что это он? — произнес хриловатый голос. — Подтверди опознание, пока я не доложил.

Лютер повернулся лицом к нему. Он уставился на Лиама, оставаясь бесстрастным. По его непроницаемому лицу мелькали тени, заслоняя глаза.

Его губы искривились в презрительной усмешке.

— Да, это он.

Приклад карабина взметнулся к лицу Лиама.

Его подготовка взяла верх. Он откинулся назад и сместился, чтобы не получить удар прямо в лицо.

Затем все померкло.

Глава 54

Квинн

День сто пятнадцатый

Квинн уставилась на Рейносо.

— Что ты только что сказал?

Рейносо посмотрел на членов Совета, выражение его лица сделалось серьезным.

— На нас собираются напасть.

Он созвал членов Совета в ратуше на экстренное собрание. Квинн не была членом Совета, но Ханна настояла на том, чтобы она пришла, после того как они высадили Майло и Шарлотту у дома Бруксов.

Кроме членов Совета за столом, на металлических складных стульях сидели несколько десятков горожан, усталых, но собранных. Квинн стояла возле длинного прямоугольного стола, слишком возбужденная и взвинченная, чтобы сидеть спокойно.

Старое здание суда освещалось свечами и фонарями. Высокие потолки возвышались над ними, невидимые в темноте.

Рейносо прочистил горло.

— Лиам позвонил мне. По словам его информатора, генерал Синклер планирует атаковать Фолл-Крик на рассвете.

Бишоп взглянул на часы.

— Примерно в пять часов.

По комнате пронесся вздох. Потрясенные лица смотрели на него, разинув рты.

Ребра Квинн сжались, словно гигантская рука сдавливала их все сильнее и сильнее. Сводчатый потолок нависал слишком низко, слишком близко, давил на нее. Стало трудно дышать.

Деррил Виггинс побледнел.

— Нас захватят! Они солдаты! Они нас перебьют.

— Мы подготовились к этому, — заявил Бишоп своим рокочущим баритоном, его голос звучал ровно, но резко, словно он изо всех сил старался сохранить самообладание. — Мы знали, что это произойдет. Теперь, когда час настал, пришло время действовать.

Широко раскрыв глаза, Ханна оглядела комнату.

— Где Лиам?

— Я думал, он с тобой, — проговорил Дейв.

Она покачала головой.

Все взгляды обратились к Рейносо.

— Он сказал, что у него есть важные дела, и отключился, прежде чем я успел задать вопросы. С тех пор он не отвечает. Мне жаль, но я не знаю.

Участники совещания попытались осмыслить сказанное. Они уставились друг на друга, встревоженные и озадаченные.

— Это не имеет смысла, — проговорила директор Кинг. — Куда он мог пойти? Что он должен сделать? Он нужен нам здесь.

Квинн прочистила горло.

— Он пошел за Генералом.

Ханна повернулась к ней.

— Что?

Громче, Квинн повторила.

— Он собирается убить Генерала.

— Нет, — пораженно пролепетала Ханна. — Нет, нет, нет.

Бишоп выглядел больным.

— Только не говори мне, что он ушел один.

Квинн напряженно кивнула.

— Я вышла попить воды, в то время как он собирался. Я не смогла его остановить. Он сказал, что не хочет, чтобы кто-то еще погиб.

— Это не значит, что он тоже должен умереть, — пробормотал Рейносо.

— Он сказал, что если он отрубит голову змею, то Национальная гвардия дважды подумает, прежде чем нападать. Что у нас будет шанс.

— Мы должны пойти за ним, — заявил Бишоп. — Если он сунется туда один, это будет самоубийство...

Квинн сглотнула.

— Он ушел час назад. Слишком поздно.

Лицо Бишопы стало пепельным. Он покачал головой, потрясенный.

Все они думали об одном и том же. Лиам один шагнул в логово льва. У него почти нет шансов вернуться.

— Почему ты ничего не сказала? — спросила Аннет Кинг.

Квинн потрогала толстый, зудящий рубец на губе. Она не стыдилась его. Это боевой шрам. Знак для всех, что она пережила этот бой и переживет следующий.

Она расправила плечи и встретила взгляд Ханны.

— Он просил меня не делать этого. Сказал, что ты попытаешься остановить его, что даже если это правильный шаг, не захочешь, чтобы он это делал.

— Чертовски верно, мы бы не хотели, — отозвался Рейносо.

Эмоции мелькали на лице Ханны быстрой чередой — страх, беспокойство, трепет, сомнение. Затем что-то похожее на согласие.

Ханна успокоительно вздохнула.

— Когда дело доходит до тактики и стратегии, Лиам умнее всех нас вместе взятых. Мы должны доверять его решению, даже если... даже если он...

Ее подбородок дрожал. Она не дура. Она знала, что это значит. Что Лиам жертвует собой. Что они больше никогда его не увидят.

В этот момент Генерал, возможно, пытал человека, которому они обязаны жизнью. Человека, которого Ханна любила.

Квинн сглотнула горячие слезы. Черт, они все любили Лиама. Квинн любила. Он был чертовым Росомахой. Не прошло и двух недель, как он без раздумий рискнул своей шкурой ради глупого подростка.

Она только что потеряла бабушку. Перспектива потерять еще и Лиама вызывала ужас.

В просторной комнате царила напряженная тишина. Никто не говорил.

Бишоп протянул руку через стол и обхватил скрюченные пальцы Ханны своими огромными пальцами.

— Ханна...

Неуверенность на ее лице исчезла, рот сжался в тонкую линию.

— Что бы ни случилось, мы справимся с этим. Но сейчас мы должны быть такими же сильными, как он. Мы должны быть умнее и смелее, чем когда-либо. Если мы не справимся, все, кого мы любим, умрут.

Квинн нахмурилась.

— Никакого давления и все такое.

— Ханна права, — произнес Бишоп. — Будем молиться, чтобы Лиам выполнил то, что задумал. А мы тем временем делаем то, чему нас учили.

Квинн выступила вперед.

— Если это последний бой Фолл-Крика, пусть никогда не скажут, что мы сдались без достойного сопротивления.

Джонас, который сидел рядом с матерью, вскочил на ноги.

— Я в деле.

— Нельзя позволить молодежи переплюнуть нас. — Бишоп отодвинул свой стул, встал и посмотрел каждому в глаза, излучая спокойную, непоколебимую уверенность. — Да пребудет с нами Бог.

Перес вскочила на ноги.

— Вперед, убьем плохих парней.

Ханна встала следом. Вокруг все последовали ее примеру. Дейв и директор Кинг. Рейносо, Перес и Бишоп. Коринна Маршалл. Даже Виггинс.

Все выглядели испуганными, исхудавшими и мрачными. Но вместе с тем они стали сильнее, выносливее.

— Что теперь? — спросил Виггинс.

— Мы объявим тревогу церковным колоколом, — скомандовал Рейносо. — Созываем всех. Все на позиции. Все знают, что делать и куда идти. Некомбатанты снова направятся в бомбоубежища, это наша последняя запасная позиция. Все трудоспособные граждане должны явиться к своим местам службы. Мы должны защитить северный блокпост любой ценой. Бишоп занимает юг. Я беру север...

Рация Рейносо пискнула. Раздался голос Роберта Винсона.

— Говорит Эхо-4, докладываю с блокпоста на Сноу-роуд. У нас гости.

Глава 55

Квинн

День сто пятнадцатый

В крови Квинн бурлил адреналин. Она достала свою «Беретту» и держала ее наготове. Все взяли за оружие, доставая дробовики и пистолеты, винтовки и револьверы.

— Это Альфа-2, — представился Бишоп. — Кто там, Эхо-4?

Гул помех.

— Мик Селлерс, женщина по имени Даллас Чепмен и рыжий здоровяк, называющий себя Флинн. Они верхом на лошадях. Говорят, что представляют Общественный альянс и им нужно поговорить с городским советом. Срочно.

— Пропустите их, — сказала Ханна.

— От них одни неприятности! — воскликнула Коринна. — Мы помогали им снова и снова, а они и пальцем не пошевелили, чтобы помочь нам! Наши люди погибли, потому что они бросили нас против ополчения!

— Я согласна с ней, — заявила Квинн. — К черту их и лошадь, на которой они приехали. Буквально, в данном случае.

— Я понимаю, — ровно сказала Ханна. — Тем не менее я пригласила их сюда. Правда, несколько дней назад. Но предложение все еще в силе.

Коринна поморщилась, но не стала спорить. Квинн прикусила язык. У них слишком много дел, чтобы тратить время на этих придурков.

— Пропустите их, — велел Бишоп.

— Принято, — отозвался Винсон по рации. — Пропускаем.

Через несколько минут Мик, Флинн и Даллас вошли в ратушу в сопровождении Роберта Винсона и Джамала Дункана.

Дозорные из Фолл-Крика избавили их от оружия. Аптекарь нес свое охотничье ружье, перекинутое через плечо.

Джамал остался у двери, чтобы приглядывать за ними, а Винсон жестом показал, чтобы посетители проходили.

Квинн наблюдала за представителями Альянса, сузив настороженные глаза. Она много слышала об этих придурках. Лиам всегда относился к ним с опаской. Она тоже.

Тот, кого звали Флинн, возвышался над двумя другими. Рыжеволосый парень с кустистой бородой до груди, он походил на байкера из «Ангелов Ада».

Женщина, Даллас Чепмен, стояла с противоположной стороны от Мика. Она была одета в охотничью форму, ее кожа имела насыщенный коричневый цвет, а черные кудри выбивались из-под зимней шапки «Спартанцев Мичиганского Университета».

Мик Селлерс был одет в охотничью зеленую куртку, джинсы и потертые рабочие ботинки. С короткими серебристыми волосами, в свои семьдесят с лишним лет он все еще держался прямо.

Ханна и Дейв шагнули вперед, чтобы встретить их. В воздухе витало напряжение. Все нервничало и стремились поскорее добраться до своих постов и подготовиться к предстоящей атаке.

Ханна не стала тратить время на любезности и преамбулы.

— Сейчас половина второго ночи. Что случилось?

— Рации не работают, — произнес Флинн обвиняющим голосом, как будто это их вина. — Мы пытались связаться с вами.

— Некоторые ретрансляционные станции вышли из строя, — ответила Ханна. — Солдаты Генерала их уничтожили.

Перес скрестила руки на груди.

— Какого черта тебе надо? Выкладывай и уходи. Мы немного заняты.

Флинн переминался с ноги на ногу. Он выглядел шокированным. Его взволнованный взгляд метался от Перес к Ханне.

— Именно об этом мы и пришли поговорить с вами.

— У нас есть новости, — сказал Мик придушенным голосом. Даже в тусклом свете его лицо казалось пепельным, глаза расширились и налились кровью. Он выглядел так, словно кто-то прошел по его могиле. — За последний час мы получили множество сообщений о том, что сотни вооруженных людей пересекли границу к северу от Саут-Бенда и направляются вглубь штата. У них есть машины, некоторые бронированные, и много оружия. Они стреляют во всех, кого видят.

Все уставились на него в шокированном молчании.

Даллас сказала:

— По только что вторгся в Мичиган.

Глава 56

Ханна

День сто пятнадцатый

— По направляется прямо к нам, — заявил Мик.

— Мы не можем защититься от двух враждебных сил, — потрясенно произнесла Аннет. — Боже, помоги нам.

Горожане обменялись испуганными взглядами.

Ханна почувствовала это, низкий дрожащий ужас, как крик, запертый внутри и пытающийся вырваться наружу.

Ее сердце ухнуло вниз. В животе забурлила кислота. Уверенность в смерти надвигалась на них, как мчащийся поезд.

Как бы они ни готовились, как бы ни пытались избежать этой участи — разве этого могло быть достаточно? Неужели ее дети умрут сегодня? Испуганные, зовущие свою мать?

Лиам уже мертв? Это и ее судьба?

Все вокруг представлялось мрачным. Скорее, невозможными.

— Сколько? — спросил Рейносо.

— Не знаю, — ответил Мик. — Трудно сказать по отчетам. Две тысячи? Может, больше. Они приближаются по Старому 31-му шоссе. Похоже, ударят по вашему блокпосту к югу от моста, затем пройдут через Фолл-Крик, а потом двинутся на северо-восток и запад.

— Никогда не думала, что мы увидим такое в Америке. — Глаза Даллас блестели в мерцающем свете свечи. — То, что он делает с женщинами и детьми. Продает человеческие существа — вот так в открытую. Я не знаю, какие у нас шансы против такой армии. Подозреваю, что не очень большие. Но вы победили ополченцев. Вы держитесь до сих пор.

— Нам нужна ваша помощь, — проговорил Мик.

Перес вскинула руки.

— О, теперь вы хотите...

— Саманта. — Строгий голос Бишопы прорезал воздух как нож масло. Он бросил на нее суровый взгляд. — Сейчас не время!

Вздрогнув, Перес плотно сжала рот.

Флинн выглядел потрясенным. Что-то изменилось в его выражении лица — проблеск уязвимости, перелом в жесткости. Мелькнул стыд, возможно, даже раскаяние.

— Вы были правы все это время. Никого из нас это не пощадит, даже если вы будете первым городом, по которому они ударят. Мы воочию видели, что делает По. Это зло... он дьявол.

Перес в шоке уставилась на него.

Ханна не была удивлена. Она никогда не сомневалась в том, что они могут объединиться ради общего дела. Она держала связь открытой и верила, что вернуть украденные у ополченцев припасы необходимо не только потому, что это правильно, но и потому, что сейчас такой момент.

Флинн хмыкнул.

— Мы хотим сказать, что хотим объединить усилия, если вы позволите.

— Обязательно, — согласилась Ханна. — Мы выступим вместе.

Мик мрачно кивнул.

— У Общественного альянса триста бойцов — мужчин и женщин, которые вызвались добровольцами. У нас мало патронов, но они есть. Пара перекупщиков помогли. Некоторые — офицеры полиции, охраны, пожарные, бывшие военные. Другие — охотники и любители пострелять. Некоторые только впервые взяли в руки оружие, но они готовы сражаться, чтобы защитить свой дом.

Аннет втянула воздух.

— Триста?

— Да, — подтвердил Мик. — И все триста будут сражаться вместе с вами.

— По — не единственная угроза, — уточнил Дейв. — Человек, называющий себя Генералом, нападет с севера всего через несколько часов.

— Мы знаем о Генерале. — Голос Даллас помрачнел. — Он послал нескольких своих головорезов и потребовал четверть нашей еды в качестве налогов за защиту. Его лейтенант, Гиббс, утверждал, что они борются с местными внутренними террористами. Полагаю, это вы?

— Мы не стали прогибаться и позволять им казнить невинного человека, — сказал Бишоп.

— Розамонд Синклер — дочь Генерала, — пояснила Ханна. — Маттиас Саттер был его племянником.

Густые брови Флинна сдвинулись, глаза сузились. На его лице отразилась чистая ненависть. Он ненавидел ополченцев. Люди Саттера убили его жену.

— Я сразу понял, что мне не нравится ни их тон, ни их вид. Любой союзник ополченцев — мой враг.

Ханна встретила его взгляд.

— Для Генерала это личное. Он использует Национальную гвардию, чтобы отомстить.

Флинн не отвел взгляд.

— Тогда мы и с ним поборемся.

Ханна оглядела маленькую группу, в ее груди билась яростная гордость. Они боялись, да, но не паниковали. В их лицах читалось мужество. Мужество и сила. Решимость в глазах.

Это не мягкие, испуганные люди четырехмесячной давности. Они пережили голод и лютой, убийственный холод. Они терпели тиранию Розамонд и жестокость ополченцев.

Они не были обученными или закаленными солдатами, но они выжили. Они страдали и проигрывали, но они все еще здесь.

— Наши враги — всего лишь люди, — убежденно сказала Ханна. — В мужчин можно стрелять и убивать. Мужчин можно победить.

— Ханна права, — одобрил Бишоп. — Бог с нами. Какой бы ни была ваша вера, во что бы вы ни верили. Выстоим ли мы или падем в этот день, имейте веру, друзья мои. Это правильно — выступить против тьмы, распространяющейся по нашей земле. Если пришло наше время погибнуть, значит, так тому и быть. Но мы будем сражаться за Фолл-Крик, за Мичиган.

Глава 57

Лиам

День сто пятнадцатый

Лиам очнулся от того, что ему в лицо выплеснули ведро ледяной воды.

Внезапный шок привел его в острое, болезненное сознание.

— Подъем, подъем, — прохрипел мужской голос.

Лиам отплевывался, из его рта, глаз и носа текла ледяная вода. Голова пульсировала, словно кто-то размозжил ее кувалдой.

Мир помутнел, все возвращалось урывками. Над ним витали неясные фигуры.

Он моргнул, чтобы прояснить свое затуманенное зрение. Неясные очертания

превратились в узнаваемые формы.

— Вставай, сволочь. — Двое хорошо вооруженных мужчин, одетых в черную униформу, нагнулись и подняли его за руки. Один — крупный и грузный, со щетинистой бородой, другой — невысокий и жилистый, с глазами-бусинками.

Не национальные гвардейцы.

Приспешники Генерала.

Лиам попытался встать, босые ноги закрипели в поисках опоры. Бородатый ударил его по ногам. Боль пронзила лодыжку и голень.

Они потащили его в центр комнаты и заставили встать на колени. Бородатый защелкнул наручники с такой силой, что у него зазвенело в ушах.

— Время расплаты.

Его голова прояснилась, и Лиам осмотрел окружающую обстановку. Он стоял на коленях в центре промышленной морозильной камеры. Трубы змеились по высокому потолку. Над головой — пустые трубки флуоресцентных ламп, давно потемневшие. Стальные стены и голые металлические стеллажи, за исключением кучи одежды. Твердый бетонный пол под ним.

За морозильной камерой через открытую дверь Лиам разглядел прилавки из нержавеющей стали, стеллажи с кастрюлями и сковородками рядом с мясницкими ножами.

Они притащили его на кухню гостиницы «Булевард», расположенную в глубине здания. В ноздри ударил слабый запах гниющего мяса.

Лиам попытался пошевелить руками, но не смог. Металлические наручники впились в запястья, которые находились за спиной. Он напрягся, потянул изо всех сил, но ничего не вышло.

Со стоном он повалился назад.

Пучеглазый усмехнулся.

— Боюсь, вы никуда не уйдете, мистер Коулман.

Холодная вода струйками стекала по его голой груди, покрытой шрамами. Он сильно дрожал. Кожа покрылась мурашками.

С него сняли одежду. Оставив только трусы-боксеры. Ботинки исчезли, как и носки. Он замерз. Чёртов холод.

Лютер рылся в одежде Лиам на полке. Четвертый мужчина стоял в открытом дверном проеме, расставив ноги, положив обе руки на свой М4. Он был лысым, лет тридцати, с кожей, покрытой прыщами.

— Нашел у него что-нибудь еще? — спросил бородатый охранник.

Лютер поднял что-то вверх. Между его пальцами блеснул крошечный ключ.

— В левом носке у него был зашит ключ от наручников.

Лиам выругался. Злость пронзила его, как электрический ток, а в животе заурчало от тошноты.

— И второй нож в его ботинке.

Это не входило в план. Хотя это противоречило его подготовке, ему пришлось положиться на Лютера. Он знал, что лучше не доверять информатору. И все же у него не оставалось выбора.

Даже с Лютером в качестве союзника, его миссия оставалась трудновыполнимой.

Без Лютера? То небольшое, на что Лиам еще надеялся, испарилось.

— Предатель, — прошипел он.

Лютер остался невозмутимым. Не обращая внимания на Лиама, он убрал в карман ключ и нож, затем стал рыться в повседневном футляре.

— Мультируль, складной нож, ручка, набор отмычек. Ничего важного.

— Я возьму мультируль, — заявил Пучеглазый. — Может пригодиться.

Лютер бросил инструмент ему.

— Лови, Добсон.

Наемник, покрытый прыщами, насмешливо смотрел на почти обнаженное тело Лиама.

— Не думаю, что он прячет на себе что-то еще.

Лютер прислонился к металлическим полкам, скрестив руки, избегая взгляда Лиама.

— Я заставил Ричардса его проверить. Тот практически сделал ему клизму.

Лиам проигнорировал их жестокий смех. Он уже лежал без сознания, хотя переживал и худшее.

За морозильником послышались резкие шаги. Прыщавый отошел в сторону, когда пожилой мужчина вошел в морозильную камеру. От каждого его движения исходила властность.

Он был одет в черную форму, но без тактического снаряжения. Его волосы поражали своей белизной, жесткое лицо осунулось, но челюсть оставалась квадратной, телосложение крепким. В его глазах светился острый ум.

Он напоминал Лиаму старого медведя, давно потерявшего зубы, но все еще смертельно опасного.

Значит, это, должно быть, Генерал.

Телохранители расступились перед мужчиной и сомкнули ряды вокруг него. Четверо за ним, по двое с каждой стороны. Еще несколько человек стояли наготове за стальной дверью.

От них исходил дух бывших военных. Это чувствовалось в их осанке, уверенности движений, поведении. Их глаза были жесткими и жестокими.

Генерал Синклер остановился в нескольких футах от Лиама. Вместо того чтобы посмотреть на него, его пронизательный взгляд блуждал по комнате.

— Кто из вас привел его сюда?

Лютер выпрямился.

— Я, сэр.

Медленная коварная улыбка расплзлась по лицу Синклера.

— Я впечатлен. Ты справился, Лютер. Я вижу, что поступил мудро, доверившись тебе. — Он махнул рукой в сторону вооруженных людей, стоявших позади него. — Ты заслужил свое место среди нас.

— Надеюсь, оно того стоило, — проговорил Лиам.

В глазах Лютера мелькнула эмоция. Вспышка стыда.

— Я должен был это сделать.

— Не оправдывайся, — наставительно проговорил Генерал. — Никогда не оправдывайся. Делай или не делай. У каждого из нас есть свои причины.

Рот Лютера сжался. Он резко кивнул.

— Сэр.

Генерал указал на Прыщавого.

— Реддинг, пожалуйста, лично сопроводи отца Лютера из Фолл-Крика, как только мы окажемся на месте. Мы позаботимся о том, чтобы он получил самую лучшую медицинскую помощь. В форте Кастер есть медицинский отсек, хирургический театр, все дела. Он

предназначен только для военных, но я могу потянуть за нужные ниточки.

Адамово яблоко Лютера дрогнуло.

— Спасибо, сэр.

Генерал обратил свое внимание на Лиама. Его острый взгляд пробежал по нему, оценивая за считанные секунды.

— Ты думал, я не заподозрю ловушку? Всех людей можно купить. Этому просто понадобилось несколько кислородных баллонов.

Лиам так сильно стиснул зубы, что у него заболели челюсти.

— Иди к черту.

Глава 58

Лиам

День сто пятнадцатый

Генерал пристально смотрел на Лиама.

— Ты — Лиам Коулман. Террорист и убийца.

Лиам сопротивлялся желанию плюнуть в него. Хотя в краткосрочной перспективе это могло бы доставить ему удовольствие, однако никак не способствовало бы достижению его целей.

Поддерживать разговор. Привлечь Синклера ближе. Ослабить его бдительность.

В своем нынешнем состоянии Лиам был беспомощен. По крайней мере, в глазах врагов. Ему нужно остаться с Генералом наедине. Всего шестьдесят секунд.

Он не мог их получить.

Из-за предательства Лютера Лиам собирался умереть здесь, в этой комнате, в окружении врагов.

Он смирился с такой смертью, но мысль о том, что умрет до того, как уничтожит генерала Синклера, казалась ему отвратительной. Лиам отказывался принять это.

Должен быть способ повернуть все вспять. Угол, который он еще не видел.

Он не сдавался. Он не мог сдаться.

— Я не террорист, — проговорил Лиам.

— Ты убил семерых моих людей в «Вортексе».

— Видимо, ваши специалисты не так компетентны, как вы думаете.

Двое из мужчин выругались. Бородатый дернулся, как будто хотел его пнуть.

Лиам не вздрогнул.

— Отставить, МакАртур. — Генерал повернулся к Лиаму. — Ты убил еще двоих, которые пришли забрать то, что принадлежит мне. Ты уничтожил мой «Черный ястреб»

и половину моего конвоя, не говоря уже о здоровой части наших боеприпасов. Пятнадцать миллионов долларов бесценной правительственной собственности.

— Я бы сделал это снова в одно мгновение.

Генерал сузил глаза.

— Кто ты? Морской котик? Рейнджер? «Дельта»

— Больше солдат, чем вы.

Синклер фыркнул.

— Это мы еще посмотрим.

— Я убью тебя, — заявил Лиам. — Ты мертвец. Ты просто еще не знаешь этого.

Генерал невесело усмехнулся.

— Я думаю, ты все перепутал. Все будет наоборот.

— Собираетесь убить меня, пока я связан и беспомощен? Думаете, это справедливость? Сражайтесь со мной как мужчина с женщиной. Или прикажете одному из ваших приспешников сделать это вместо вас?

— О, я убью тебя сам. Настоящий мужчина не боится запачкать руки. Думаю, в этом мы с тобой похожи.

— У нас нет ничего общего.

— У тебя есть серьезные навыки. Как и у меня. Полагаю, за годы службы ты убил много людей. Как и я. Больше, чем ты, я бы поспорил. Способность к насилию присуща не только молодым. У некоторых из нас за плечами долгие, долгие годы практики.

Лиам уставился на него.

Генерал нахмурился.

— Ты хладнокровно убил мою дочь.

— Я никого не убивал, — возразил Лиам. — Я американский гражданин и уважаемый ветеран вооруженных сил. Это вы совершили воздушный налет на безоружных гражданских лиц. Одиннадцать невинных людей погибли. Я бы сказал, что убийца это — вы.

— Если бы они выдали тебя, как приказало их суверенное правительство, то сидели бы сейчас за своими обеденными столами и ели яблочный пирог. Это их выбор — пренебречь законом и страдать от последствий.

— Это был ваш выбор — открыть огонь, и только ваш. Люди просто хотят защитить свои семьи и выжить. Единственный, кто напрашивается на неприятности — это вы. Оставьте нас в покое.

Генерал щелкнул пальцами.

— Стул.

Лютер выскользнул из морозильной камеры и через минуту вернулся с металлическим складным стулом. Он поставил его примерно в шести футах от Лиамы.

Генерал сел лицом к Лиаме. Его осанка была безупречной, как и у его дочери. Он сложил свои шишковатые руки на коленях.

— Я послал команду за моей правнучкой. Я заберу ее с собой в Лансинг. Я уже нашел кормилицу и няню. В отличие от остальных, я обеспечу ей нормальное питание, медицинское обслуживание и образование. Она переживет меня и пронесет имя Синклеров в будущее. Оно не закончится вместе со мной, а будет продолжаться вечно.

— Вы бредите. Она не Синклер. И никогда не будет.

— Что касается остальных жителей города... — Генерал сделал жест, как бы умывая руки. — Позволь мне рассказать, что произойдет, поскольку ты не будешь присутствовать, чтобы увидеть это. Пока мы говорим, мои солдаты готовятся к битве. На рассвете они обрушатся на Фолл-Крик и сокрушат ваши хлипкие баррикады. Они уничтожат мирных жителей прицельной артиллерией. Минометные снаряды разнесут их в клочья. После этого мало что останется для опознания тел.

Лиам пытался преодолеть сковывающие его путы, но безуспешно. Ужас зародился в его животе и обрастал зубами и когтями.

В комнату вошел подтянутый, мускулистый мужчина. Его жесткий взгляд остановился на Лиаме.

— Какого черта он все еще жив?

— Страдания полезны для души, Гиббс, — проговорил Генерал.

— Этот ублюдок убил Матерсона, Томаса и Гарсию! — Гиббс сплюнул.

Враждебность волнами отражалась от людей Генерала. В их глазах вспыхивала ненависть. Лиам уничтожил нескольких из них. Они не собирались забывать об этом.

Они хотели увидеть его страдания.

Если Генерал не убьет его, то они точно прикончат. Медленно и мучительно.

— И он расплатится за это, — заявил генерал Синклер. — Но сначала он заплатит за мою дочь.

— Ваша дочь — тиран и убийца, — произнес Лиам. — Яблоко от яблони недалеко падает.

Генерал улыбнулся, его глаза смотрели холодно и безжалостно. Глаза хищника.

— В ближайшие шесть часов все, кого ты любишь, умрут. Они будут бояться. Они будут страдать. И они будут звать тебя по имени, а тебя не будет рядом, чтобы их спасти.

Он наклонился вперед, на его лице застыла улыбка.

— Ты не сможешь их спасти.

Глава 59

Лиам

День сто пятнадцатый

Лиам задыхался от черной ярости. Он ненавидел этого человека всеми фибрами своего существа. С огромным усилием он сдержал желание броситься на Генерала и разбить ему лицо своей головой.

Генерал кивнул Гиббсу. Тот шагнул вперед, быстрее, чем казалось, и нанес Лиаму мощный удар в нос.

Лиам упал, опрокинувшись набок. Боль взорвалась в его носу и пронеслась через скулы, носовые пазухи и череп. Он почти потерял сознание от этой боли.

Он изо всех сил старался уложить все в коробку, сосредоточиться на своей миссии.

Пока он не умер, шанс оставался.

— Вам это не сойдет с рук.

— Уже.

— Нельзя убить целый город. Даже сейчас. Слухи распространятся. Они всегда появляются. Думаете, большинство из этих пятисот национальных гвардейцев — такие же социопаты, как вы? Вовсе нет. Последствия неизбежны. Вы предстанете перед судом.

Генерал жестко рассмеялся.

— Ты ведь понятия не имеешь, что происходит во внешнем мире? Знаешь, почему никто не приходит? Почему ты не видел ни одного военного, кроме нескольких оборванных национальных гвардейцев?

Лиам ничего не ответил. Горячая кровь текла из его пульсирующего носа. Она стекала по подбородку и капала на голую грудь. Несколько капель упали на бетонный пол.

Генерал улыбался, как будто ему это нравилось.

— Мы на войне. Третья мировая война. Она идет уже несколько месяцев, и никто об этом не догадывается.

Позади него послышалось шевеление. Негромкое бормотание и настороженные взгляды, которыми обменялись люди Генерала. Очевидно, он не поставил своих телохранителей в известность о полученных сведениях.

— Китай и Россия сговорились против нас. Конечно, сначала мы этого не знали. Они

заставили поверить, будто Иран напал на нас. У иранцев не должно было быть ядерного оружия. Но они имели. Армия США нанесла по ним ядерный удар в отместку. Как, поэтому, выглядит сейчас Ближний Восток? Это один из немногих регионов, где дела обстоят хуже, чем у нас, скажу я тебе.

— Россия и остатки вооруженных сил США ведут жестокую прокси-войну за пепелище Ближнего Востока. ООН бессильна. Все в ужасе от того, что Россия, либо США снова применят ядерное оружие.

Лиам отшатнулся назад, приходя в себя.

— Почему наше собственное правительство хранит от нас этот секрет?

— Действительно, почему. Президент объявил военное положение и взял под федеральный контроль все сети, вышки сотовой связи, радио — все. Федералы поняли, что без общенациональной связи, социальных сетей или даже функционирующих новостных агентств, они смогут держать все в тайне.

— Федеральное правительство никогда особо не доверяло своему народу. Чем меньше реальной информации вы знаете, тем легче вас контролировать. Если вы скажете трехсот пятидесяти миллионам людей, что их образ жизни закончился, что они будут делать? Как они отреагируют? Паникой. Беспорядками и мародерством. Погибнут массы людей. Реакция будет хуже, чем само событие.

— Приходится держать народ в узде, вселять в них надежду; выдавать информацию только маленькими, приятными кусочками. Это делает население послушным и покорным, пока правительство разбирается с врагами у ворот.

— Мир тесно взаимосвязан, — продолжал Генерал. — США приняли на себя основную тяжесть взрыва, но последствия вызвали другие разрушения. Когда ЭМИ вывело из строя нашу сеть, экономика мгновенно рухнула. Фондовый рынок был уничтожен. Мировые рынки потерпели крах, не имея возможности восстановиться.

— Это дестабилизировало мировую экономику. Великобритания находится в кризисе. Даже если их электрические сети все еще целы, большинство развитых стран в упадке. Беспорядки и мародерство. Массовая нехватка продовольствия. Денежные рынки разрушаются. Инфляция растет на двадцать процентов в месяц. Банки замораживают счета.

Лиам думал о том, что последствия разрушенной Америки будут распространяться все дальше и дальше. Последовавшие за этим удары потрясли основы цивилизованного мира, причинив еще больший ущерб.

Эта мысль подавляла и угнетала.

— Когда в Америке снова зажжется свет, вся планета перестроится. Какая сверхдержава возникнет, чтобы доминировать в мире? На это место претендуют Китай и Россия. США полны решимости не допустить этого.

— Мир раскололся. Возможности открываются повсюду — бриллианты валяются брошенными на улицах. Любой, у кого есть две мозговые клетки, борются за свой кусок пирога. Захватывающее время для жизни, не правда ли?

Лиам не ответил. Генерал мог лгать в лицо. Или он мог говорить чистую правду. Это не меняло их положения.

Ярость пульсировала в каждой клеточке его тела. Он представил себе все способы, которыми мог бы убить этого человека.

Ему нужны только свободные руки. И несколько драгоценных секунд.

Генерал провел пальцами по подбородку.

— Не имеет значения, что происходит здесь, в этом незначительном городке, в этом незначительном уголке тривиального штата. Это никого не волнует. Я должен сказать, что сейчас это никого не волнует. А в будущем будет. Мы разрушаем, чтобы отстроить что-то лучшее и более прочное. Никто не будет помнить, что было раньше.

Лиам покачал головой. Мучительная боль пронзила его череп. Он почувствовал на языке вкус крови.

— Фолл-Крик имеет значение. То, что здесь происходит, имеет значение.

— Когда я завтра доложу министру обороны, что Мичиган в руках и под контролем, он не будет задавать вопросов. У него нет времени. Я могу убить вас всех, и это не будет иметь ни малейшего значения.

Глаз генерала дернулся. Его рот сжался. Он лгал — или говорил только частично правду.

Правительство все еще функционировало, пусть и неэффективное и несовершенное. Все еще существовали правила работы и границы, которые правительственный чиновник не мог пересечь без последствий.

— Я сомневаюсь в этом.

Генерал сидел с довольной ухмылкой.

— Я только что получил сообщение, что Александр По и его армия Синдиката прорвались через границу Мичигана. Они уже прошли за границу штата.

Сердце Лиама остановилось.

— Нет.

— Поначалу, признаюсь, я был весьма раздосадован. Однако пересмотрел свою позицию. Синдикат нападет с юга. Мы придем с севера и убьем двух зайцев одним выстрелом. В конце концов, кто узнает, кто кого убил?

Его улыбка приобрела отвратительный оттенок.

— Какая это будет трагедия. Не волнуйся. Мы отомстим за ваши смерти. Мы отомстим всей мощью Мичиганской национальной гвардии. Может быть, мы даже увековечим вас как жертв трагедии. История тем и прекрасна. Она может быть пересмотрена простым взмахом пера.

— Вы ответите за каждое совершенное вами зло. — Лиам подумал о Бишопе. — В этом мире или в следующем.

— Ах, архаичная концепция справедливости. О чести, правде, правильном и неправильном. — Генерал покачал головой с раздражением. — Это утомительно. И бессмысленно. Главное — это власть. Важно, кто сидит на троне, и кто рассказывает лучшую историю. Во что поверят люди? Не в правду, а в то, что им говорят. Вот и все.

— Вы ошибаетесь.

Генерал снова подался вперед, поставил локти на колени, наклонил голову, в его глазах появилось острое любопытство.

— Почему вы продолжаете сражаться? Почему боретесь против невозможных шансов? Это бессмысленно.

— Мы сражаемся, потому что должны.

Взгляд Генерала ожесточился.

— Я знал таких, как ты. Вы жаждете славы, так ведь? Верите, что доблесть имеет значение. Что почетная смерть что-то значит. Позвольте мне сказать кое-что, как солдат солдату. Она ничего не значит. И никогда не значила.

Лиам расправил плечи.

— А я говорю, что да.

В комнату, протиснувшись между огромными телохранителями, вбежал маленький человек.

— Э, сэр? На пару слов.

Его глаза покраснели и слезились. Голова покачивалась, нервный взгляд скользил по избитому Лиаму и устремлялся прочь.

Генерал раздраженно хмыкнул.

— Как всегда, ты идеально подбираешь время.

— Генерал, Лорен Юбэнкс на линии, сэр.

Генерал пренебрежительно махнул рукой.

— Я не желаю отвечать.

— Она говорит, что это срочно. Утверждает, что она новый губернатор. Что-то о том, что губернатор Даффилд умер от сердечного приступа, сэр.

Генерал колебался, словно размышляя о возможных последствиях игнорирования губернатора, особенно нового.

— Отлично. Сейчас я разберусь с этим. Гиббс, мы готовы к атаке?

— Люди готовы. Есть только несколько логистических вопросов, которые вы должны одобрить.

Генерал тяжело поднялся. Его колени хрустели. Он скрыл гримасу с усмешкой, повернувшись к Гиббсу.

— Обработайте его. Но сохраните жизнь. Я еще не закончил с ним.

Генерал вышел из камеры.

Четверо наемников приблизились, ведомые Гиббсом. Крупные мужчины, покрытые мускулами. Люди, умеющие побеждать в драках, ломать кости, превращать человеческое тело в кровавое месиво.

Они тоже были убийцами.

Лиам приготовился к тому, что должно последовать.

Гиббс хрустнул костяшками пальцев и сверкнул плоской, злобной ухмылкой.

— Когда я закончу с тобой, ты будешь жалеть, что не умер.

Глава 60

Ханна

День сто пятнадцатый

— Объявляем тревогу! — скомандовала Ханна.

— Я сделаю это! — вызвалась Квинн.

— Иди с ней, — обратился Бишоп к Джонасу. — Затем встретимся у южного блокпоста.

— Всем занять свои позиции, — приказал Рейносо.

В спешке Квинн опрокинула металлический складной стул, когда мчалась к выходу, Джонас бежал рядом с ней. Все вскочили на ноги, потянулись за оружием и направились к входным дверям.

— Квинн! — Ханна окликнула ее, в горле стоял ком.

На мгновение Квинн приостановилась и оглянулась.

В душе Ханны зародилась привязанность к этой грозной девочке. Она уже не просто девчонка. Она женщина. Боец. AR-15 перекинут через плечо, пистолет пристегнут с боку,

выражение лица жесткое и решительное.

Ханна сказала:

— Я горжусь тобой.

Шквал эмоций пронесся по лицу Квинн. Она подняла подбородок и натянуто улыбнулась.

Затем Джонас схватил ее за руку, и они помчались к двойным дверям, чтобы внести свой вклад в спасение Фолл-Крик.

Казалось, что жалкая попытка спасти весь этот чертов мир. словно стараешься сдерживать бушующее море с помощью хлипкой рыболовной сети.

Рация Рейносо затрещала.

— Альфа-2, это Эхо-2. — Один из разведчиков. — Мара Райт. Bravo-1 не смогла связаться с вами. Ей пришлось проехать на велосипеде три мили, прежде чем я оказалась в зоне действия.

Рейносо поднес рацию к губам.

— Продолжай.

— Bravo-1 заметила движение у гостиницы «Булевард». Силы Генерала готовят транспорт и снаряжаются. Они начали движение раньше. Они скоро появятся!

Черты лица Рейносо ожесточились.

— Мы будем к ним готовы.

Бишоп повернулся к Рейносо и сжал его предплечье.

— С Богом, брат.

Рейносо кивнул:

— Увидимся на другой стороне.

По позвоночнику Ханны пробежал холодок. Страх за Лиама сковал ее мысли. Где он сейчас? Пытают ли его? Может быть, он уже мертв?

Тревога одолевала ее. Она протянула здоровую руку к бесформенным пальцам. Когда-то ее старый разрушительный страх взял бы верх, но не теперь.

Ее сознание оставалось ясным. Разум сохранял спокойствие.

Когда церковные колокола забили тревогу, Ханна знала, что ей нужно делать.

Судьба Лиама не в её руках.

Для всех остальных — то, что она делает сейчас, еще может изменить ситуацию.

Она двинулась к дверям.

— Куда ты? — спросил Бишоп.

— За помощью.

— Ханна, ты не должна...

Она коснулась его руки.

— Даже с Общественным альянсом, я боюсь, этого недостаточно. Нам нужна помощь. У меня есть только одна идея, но это нужно сделать лично.

Он сузил глаза.

— Ты собираешься обратиться к Гамильтону.

Ей не пришлось отвечать, он увидел ответ по ее лицу.

Последние три дня она пыталась связаться с Гамильтоном. Ретрансляторы не работали, и ей не удавалось дозвониться. Лиам собирался поехать сам, но нападение «Черного ястреба» нарушило его планы.

Однако теперь они оказались в отчаянном положении. Теперь у них просто нет выбора.

— Это слишком опасно...

— Каждый человек здесь рискует своей жизнью. Лиам рискует. Ты и Квинн. Все. Я ничем не отличаюсь.

— Я пойду с тобой.

— Ты нужен здесь. Ты знаешь, что нужен.

— Господи, прости меня. — Бишоп закрыл глаза и вздохнул. — Каким маршрутом ты поедешь?

— Я могу поехать по Шоуни-роуд. Она в стороне от маршрута Генерала. Если я поеду на квадроцикле, то смогу воспользоваться старой тропой для снегоходов, чтобы обойти баррикады и ловушки, которые Лиам установил на Сноу-роуд. — Ханна не колебалась. — Я могу это сделать, Бишоп.

Бишоп быстро притянул ее к себе и крепко обнял. А затем отпустил.

На улице прохладный воздух кусал ее щеки. Ханна резко вдохнула. Бодрящий ветер прояснил ее мысли, ее цель. Ночь стояла темная, облака висели низко и плотно. Звезд совсем не видно.

Она оставила Призрака и детей с Эвелин и Тревисом, которые отвезли их в бомбоубежище средней школы. Оно хорошо защищено и казалось самым безопасным местом для Шарлотты на случай, если Генерал пошлет за ней еще людей.

Перед уходом Ханна задала вопрос, который боялась произнести вслух:

— Если я не вернусь, вы... вы примете моих детей? Убережете их от беды?

Эвелин взяла ее больную руку в обе свои.

— Мы будем защищать их своими жизнями.

Ханна знала, что это правда. Это вселяло в нее спокойствие и давало стимул. Люди зависели от нее. Люди, которых она любила.

— Тебе могут понадобиться ключи, — раздался голос позади Ханны.

Она повернулась, здоровой рукой нащупывая кобуру.

— Эй, стой, принцесса воинов! Притормози. — Перес взбежала по ступенькам и остановилась перед ней. У нее в пальцах болтался брелок от квадроцикла. — Что? Ты же не думала, что я отпущу тебя одну?

— Это опасно...

— Чертовски опасно. Поэтому я и иду. Мы, девочки, должны держаться вместе.

Ханна уставилась на нее.

— Ты уверена, Саманта?

Перес закатила глаза.

— Неважно. Тебе нужен кто-то, кто будет прикрывать твою спину. Кроме того, Лиам убьет меня, если узнает, что я позволила тебе пойти в логово волков одной посреди ночи. А я бы предпочла сохранить его доброе расположение, когда он вернется.

— Он вернется, — повторила Ханна, всем сердцем желая, чтобы это оказалась правда.

Перес оскалилась в маниакальной ухмылке. Ее зубы сверкнули в лунном свете.

— Он Лиам чертов Коулман. Черт побери, он вернется. Нам просто нужно сосредоточиться на том, чтобы выстоять и остаться в живых.

— В этом вся идея.

— Куда мы направляемся?

— На атомную электростанцию.

Ее брови приподнялись.

— Ха.

— Может быть, шансов мало, но это все, что я придумала.

— Я люблю риск. Вот почему у меня ужасный вкус на мужчин.

Ханна фыркнула.

Перес покрутила в руках ключи и направилась к квадроциклу.

— Мы едем или как?

— О, мы определенно едем.

Ханна устроилась на переднем сиденье, Перес прижался к ней сзади, пока они пристегивали шлемы.

Ханна завела двигатель. Зажглись фары.

Перес достала пистолет, быстро проверила его и прислонила к бедру.

— Я стреляю во все, что движется. Ты просто управляй машиной.

Глава 61

Лиам

День сто пятнадцатый

Наемники повалили Лиама на пол. Они по очереди наносили ему удары, пинали и избивали его, а затем начали все сначала.

Даже со скованными руками Лиам умудрялся бороться. Лежа на спине, он с силой ударил ногой и попал одному в лицо.

Добсон попятился назад, из разбитых губ потекла кровь, и он выплюнул два зуба.

Победа вышла мимолетной. Правда заключалась в том, что он едва мог двигаться, не говоря уже о борьбе.

Лиам потерпел поражение, не успев начать.

Волна боли пронзила его позвоночник. Полузажившая рана в боку горела как раскаленный уголь. Все еще не оправившегося от сотрясения мозга, они оставили Лиама разбитым и окровавленным.

— Генералу он нужен живым. — Лютер говорил отстраненно, как будто находился под водой. — Вам лучше притормозить.

Гиббс нанес жестокий удар ногой по раненым ребрам Лиама. Он со стоном свернулся калачиком.

— По мне, так все в порядке.

— Как думаешь, что Генерал сделает с тобой, если ты случайно его убьешь?

Гиббс ругнулся, но отступил.

— Мне нужно попить воды.

— У меня есть кое-что получше воды, — сказал Лютер. — Кроме того, Коулман попахивает. Нам нужен перерыв. Пойдем.

Череп Лиама стучал. В ушах звенело. Он слышал удаляющиеся шаги и звук захлопывающейся двери.

Они заперли его. Оставили одного.

Это его шанс.

В висках пульсировало, зрение расплывалось. Язык во рту распух и стал толстым как у инопланетянина. Все болело.

С невероятным усилием Лиам перекатился на бок, поцарапав щеку о шершавый бетон, и осмотрел морозильную камеру.

В ней не нашлось ничего, что можно использовать в качестве импровизированного оружия. Стальные полки приварены к стене и полу. Ни мебели, ни кухонной утвари, ни инструментов для приготовления пищи.

Ничего, кроме кучи выброшенной одежды и футляра для солнцезащитных очков, который Лютер небрежно оставил.

Лиам с помощью локтей привел себя в сидячее положение, а затем встал на колени. Перед его глазами замелькали образы, тускнея по краям.

Голова кружилась, сознание помутнело. Все вокруг кренилось и дергалось.

Со стоном он переместил связанные руки под ягодицы и вперед, они почти выскочили из суставов. Потребовалось несколько попыток. Наклонившись вперед, Лиам согнул ноги, чтобы просунуть руки перед собой под ногами, и поморщился от выступившего на лбу пота.

Задышавшись от усилий, он переместил связанные руки на правую нижнюю сторону тела и осторожно содрал медицинский пластырь с повязки на ребрах.

Адреналин хлынул в кровь. Боль и паника заставляли его пальцы путаться. Лиам не знал, сколько у него минут или секунд.

Драгоценное время уходило.

В спешке, не видя, что делает, он искал предмет, который спрятал в повязке этой ночью — ключ от наручников Рейносо.

Лютер знал о ключе, зашитом в носок Лиама. Уловка с наручниками входила в план. Предательство Лютера — нет.

Но Лиам позаботился о запасном варианте, который вряд ли будет обнаружен даже при обыске с раздеванием. Ключ стал разницей между успехом миссии и полным провалом.

Помня о каждом микроскопическом движении, Лиам зажал крошечный ключ между пальцами и вставил его в замок.

Не уронить. Что бы он ни делал, только не уронить ключ.

Наручники впились ему в запястья. Пот заливал глаза. Голова кружилась.

Наручники щелкнули и упали на бетон.

Лиам поднялся на ноги. Закрыв глаза, подавляя панику, поднимающуюся в груди, и головокружение.

Ноги подкосились, и он, пошатнувшись, ударился о полки, едва не упав. С огромным усилием Лиам сумел удержаться на ногах.

Боль стала невыносимой. Его позвоночник горел. Ребра трещали, возможно, сломаны. Все его лицо болело так, будто кто-то засунул его в блендер.

Со стоном он воспользовался полкой, чтобы опереться, и потянулся к своей одежде, надеясь, молясь, отчаянно желая, чтобы она все еще оставалась там. Пожалуйста, Боже, пожалуйста...

Она находилась там. Лежала на свернутой куртке рядом с футляром от солнечных очков — выброшенная ручка.

Просто ручка, не оружие.

Вот только это не так. Не в руках Лиама.

Шесть с половиной дюймов в длину, разборная, со съемным колпачком на каждом конце. С одной стороны — обычная шариковая ручка. Другая сторона — твердая головка из карбида вольфрама, предназначенная для пробивания человеческой плоти одним ударом.

Ему нужен только шанс, чтобы ее использовать.

Глава 62

Генерал

День сто пятнадцатый

Дверь распахнулась.

Генерал вошел в морозильную камеру. В руке он держал пистолет «Кольт 1911» с глушителем.

Кроме Лютера, в комнате толпились трое телохранителей Генерала. Добсон и МакАртур двинулись вправо. Лютер переместился влево, встав за Гиббсом.

Позади них дверь оставалась открытой.

Снаружи Бакстер нервно ждал — мужчина был излишне чувствителен, у него не хватало духа на кровопролитие.

Генерал не испытывал подобных трудностей.

Лансинг действовал быстро. Взбешенная Лорен Юбэнкс позвонила ему, требуя ответов и намекая на то, что он мог приложить руку к безвременной кончине губернатора Даффилда.

К счастью, она не смогла ничего доказать.

Губернатор Даффилд не сообщил ей о воздушном налете Генерала на американский город. Секреты Байрона Синклера оставались в безопасности.

Ему нужно лишь чуть больше времени.

В этот самый момент его войска направлялись к Фолл-Крик. Он отправил их раньше Потому что мог. Потому что хотел увидеть выражение лица Коулмана, когда скажет ему об этом.

Гиббс доложил, что многие из Национальной гвардии отказались вступить в бой с некомбатантами. Генерал пригрозил им военным трибуналом.

Они знали, что это значит. Он прострелит голову каждому, прежде чем позволит нарушить приказ.

Когда дело доходило до суда, они подчинялись. Своя жизнь или жизнь чужаков — тут уж не поспоришь.

Как только Генерал даст команду, они обрушатся на Фолл-Крик с яростью урагана.

И когда это произойдет, все будет кончено. Будут задеты чувства, выдвинуты возмутительные обвинения. Если это когда-нибудь всплывет на будущих слушаниях в Конгрессе, он сможет обвинить во всем По.

В конце концов, федералам нужны только результаты. Генерал даст им эти результаты.

Как только он разберется с этой маленькой проблемой.

Генерал уставился на Коулмана, стоящего на коленях на полу. Пленник дрожал перед ним, жалкий и ничтожный, его плечи сгорбились, голова поникла в крайнем страдании.

Кровь капала с его головы. Порезы, царапины и старые шрамы украшали голую мускулистую грудь. Рана в боку кровоточила. Сухожилия на шее выпирали.

Он дрожал, трясся от ужаса и страха. Человек, охваченный ужасным осознанием неминуемой смерти. Наконец-то он показал себя бессердечным трусом, каким и был. Какими в глубине души бывают все мужчины.

Генерал улыбнулся.

Все люди состоят из плоти, крови и костей. Все люди ломались.

Генерал их ломал.

Он шагнул вперед. Поднял пистолет.

— Не подходите слишком близко, — предупредил Гиббс, но генерал Синклер проигнорировал его слова.

Темная энергия гудела в нем. Он будет наслаждаться этим моментом, выжимать из него каждую унцию удовольствия.

— Мои войска сейчас движутся к Фолл-Крику. Твои друзья скоро умрут.

Коулман ничего не сказал.

— Посмотри на меня!

Он хотел заглянуть в отчаявшиеся глаза Лиама Коулмана, когда нажмет на курок и произведет выстрел. Хотел, чтобы тот знал, кто принес ему смерть. Кто наделен высшей властью и нанес решающее поражение.

Он жаждал увидеть отчаяние в его взгляде.

Коулман отказался поднять голову.

Генерал сделал еще один шаг ближе.

— Я сказал, посмотри на меня!

Коулман по-прежнему оставался неподвижным.

Беспричинная ярость охватила Генерала. Он шагнул вперед, намереваясь прижать дуло к опущенному лбу своего пленника.

— Ты будешь повиноваться...!

Генерал Байрон Синклер так и не закончил свою фразу.

Лиам Коулман пришел в движение.

Мозг Генерала едва успел зафиксировать, что пленник больше не связан. Пистолет вылетел из рук изумленного Генерала.

Прежде чем его телохранители успели среагировать, Коулман набросился на него.

Блеск чего-то маленького и острого метнулся к его лицу. Пятно заточенной стали.

Острое пронзило правое глазное яблоко Генерала. Оно пробило роговицу, просверлило хрусталик и погрузилось глубоко в стекловидное тело.

Агония взорвалась внутри его черепа. Жгучая раскаленная боль.

Генерал взвыл. Слепленный, он размахивал руками.

Коулман все еще на нем, его рука метнулась вперед для второго взмаха. Яростный удар пришелся на горло Генерала.

С невероятной скоростью и точностью стальное острие тактической ручки глубоко вонзилось, пробив мышцы, сухожилия и хрящи, чтобы разорвать сонную артерию.

Генерал рухнул, как будто ему вырвали позвоночник. Он тяжело упал на спину. Удар потряс его, выбив дыхание из тела.

Его единственный здоровый глаз выпучился, и он невидящим взглядом смотрел в потолок, его зрение заволкло ярко-красной пеленой. Он тщетно хватался за жидкость, вытекающую из отверстия в его шее.

Горячая красная кровь хлестала из его тела. Его жизнь выливалась на бетонный пол.

Он смутно различал крики и вопли. Фигуры бросаются вперед. Громкие выстрелы.

Последней связной мыслью было изумление. Что это случилось с ним. Что он не сможет закончить свой грандиозный труд.

Что он тоже состоит из плоти, крови и костей.

А потом им завладела тьма.

Глава 63

Лиам

Лиам скатился с Генерала.

Выпавший пистолет сверкнул. Всего в двух футах от него.

Одним плавным движением Лиам схватил его, и перекатился. Он оказался за головой и плечами Синклера, приземлившись.

Он поднял туловище Синклера. Используя его тело как щит, Лиам засунул ствол пистолета генералу подмышку. Все еще живой, Генерал задыхался и дергался. Скользящая кровь потекла из его горла.

Мир замедлился.

На полсекунды охранники застыли, ошеломленные. Их мозг пытался осмыслить стремительный поворот в последнюю секунду. Их оружие поднялось, но медленно, слишком медленно.

Разница между действием и реакцией.

Различие между жизнью и смертью в этой застывшей доле времени.

Лиам перевел прицел вверх и дважды выстрелил.

Две пули ворвались в незащищенную грудь Добсона. На его груди не было громоздких керамических пластин. С изумленным вздохом он упал.

Лиам сместился и быстро нажал на спусковой крючок. МакАртур потрясенно смотрел на новые отверстия в своем торсе. Его тело рухнуло, как марионетка, у которой перерезали ниточки.

Начался хаос. Крики тревоги. Тела пришли в движение, руки потянулись к оружию, дула карабинов устремились к нему.

Лиам крутанулся, ища следующую цель.

Все произошло за секунду. Сотые доли секунды.

Не доходя семи футов, Гиббс поймал Лиама на мушку.

Нет времени на реакцию. Нет времени, чтобы отвести дуло влево и выстрелить.

Гиббс выстрелил первым. Три быстрых выстрела. Пули попали в грудь Генерала и пробили плоть мертвеца, ударившись о ребра Лиама.

Гиббс заполнил собой все пространство. Дуло поднималось, нацеленное на голову Лиама. Гиббс ни за что не промахнется.

Два выстрела.

Ошеломленное выражение исказило лицо Гиббса. Он застыл.

Позади Гиббса Лютер метнулся в сторону двери, в его руках был М4 Лиама. Он выстрелил Гиббсу в спину.

Прежде чем Лиам успел среагировать, Реддинг ворвался в дверь.

Лютер выпустил полдюжины патронов ему в лицо. Реддинг упал, задыхаясь и булькая.

Трое наемников ворвались в узкий дверной проем следом за ним, столпились у поверженного тела своего товарища, крича в тревоге, поднимая оружие, но еще не стреляя. Все еще в режиме защиты, не уверенные в том, что они найдут. Они не знали, что Генерал мертв.

В другом конце комнаты Лютер опустился на одно колено и открыл огонь.

Первый солдат вздрогнул и упал. Второй получил молнию пуль от промежности до шеи. Он рухнул спиной на третьего противника. Тот споткнулся, размахивая оружием.

Лиам всадил два патрона в его череп. Грохот взорвался в закрытом помещении. В ушах зазвенело.

Неприятелей слишком много. Все больше людей вбегало на кухню и направлялось к морозильнику. Лютер открыл подавляющий огонь и отогнал их назад.

— Я насчитал еще шестерых на противоположном конце кухни! — прокричал Лютер. — Они отступили за лестничную клетку!

Кто-то из военных на полу застонал. Лиам повернулся и выстрелил в головы лежащим на полу боевикам. Его затвор откинулся назад.

В воздухе воняло кровью, мочой и фекалиями. Их кишечники ослабли после смерти.

Лиам бросил стреляный «Кольт 1911» и оттащил труп Генерала от себя. Наклонившись набок, выхватил свежий карабин из еще теплых, но уже совсем мертвых рук Добсона.

Поднявшись на колени, он направил оружие на Лютера.

— Ты предал меня!

Лютер не обернулся. Он скрючился за изолированной стеной.

— Я сделал то, что должен был сделать!

Лиам поднялся на ноги. Пошатываясь, он направился вправо от дверного проема в поисках укрытия. Он двигался боком, поворачивая карабин, и держал его нацеленным на Лютера.

Адреналин поддерживал его в вертикальном положении, но он хромал. Его конечности работали неправильно. От сильной боли он пошатнулся и почувствовал головокружение.

Он попытался спрятать ее в коробку и запереть.

Не получилось.

Он достиг предела человеческой выносливости. Его измученное тело сдавалось.

Его челюсть сжалась.

— Я должен убить тебя.

Лютер не сводил глаз с кухни. Он стрелял, чтобы подавить следующую волну неприятелей.

— Гиббс заподозрил меня, учуял ловушку. Один из их парней обыскал тебя после меня. Я знал, что они это сделают. Они просто ждали, когда я подставлюсь. Я должен был сделать это, изобразить, что играю на обе стороны для Генерала.

— Похоже, ты действительно играл на обе стороны.

— Я ведь оставил тебе тактическую ручку? Никто не удосужился ее осмотреть, но я знал, что это такое. Ты из спецназа. У меня было предчувствие, что у тебя есть запасной план. Что ты сможешь его осуществить.

Лиам отступил назад, тяжело дыша.

— Очень уж многое зависело от одного твоего предчувствия.

Он сделал два выстрела на подавление, затем спрятался за укрытие.

— Я вывел всех из комнаты, чтобы дать тебе шанс. Я попросил Бакстера связаться с людьми Генерала в Лансинге и попросить госсекретаря позвонить ему. Это был я!

— Ты подписал свой собственный смертный приговор. Мы в ловушке.

— Мы найдем выход, — заявил Лютер.

Несколько пуль прилетели во внешнюю стену, ударившись о сталь с металлическим звоном. Лютер выстрелил и спрятался за укрытие.

Он осмелился оглянуться на Лиам. В его глазах мелькнуло что-то непонятное.

— Я собираюсь вытащить тебя отсюда. Ради Ханны.

Гнев Лиам не рассеялся, но разум взял верх. Лютер не сдавал его. Все пошло наперекосяк — как это всегда бывает. Он постарался выжать из этого максимум.

Кроме того, он нужен Лиаму, чтобы у них появился хоть один шанс в этом аду. Может быть, он все-таки переживет эту ночь.

В груди Лиама зажглась надежда.

Глава 64

Ханна

День сто пятнадцатый

Квадроцикл мчался по сельской местности, перепрыгивая через колеи на дороге.

Ханна наклонилась вперед, схватившись за ручки, ее поврежденная рука была жесткой и неловкой. Мимо проносились темные фигуры. Холодный воздух обдувал ее лицо.

Они выехали на бездорожье за пределы города, а затем свернули на проселочную дорогу. Фары освещали испещренный выбоинами тротуар жутким красным светом. Перес наклеила на фары прозрачную красную пленку, чтобы не привлекать лишнего внимания. Рычание двигателя итак выдавало их езду.

К счастью, сейчас четыре часа утра, и большинство предприимчивых преступников спали, как и все остальные. Все, кто не собирался нападать.

Справа от них на крыльце белого дома в тридцати ярдах от дороги появились две темные фигуры. Просто тени в более глубоком сумраке. Ханна едва зарегистрировала их присутствие.

Перес сделала предупредительный выстрел. Тени отступили в дом.

Затем квадроцикл пронесся мимо, и они повернули на запад по Шоуни-роуд, визжа шинами, и направились в сторону Стивенсвилла.

Тьма простиралась до бесконечности, без конца и края.

Через тридцать минут они прибыли на атомную электростанцию Кука.

Как и прежде, четверо вооруженных солдат остановили их у главных ворот. Охранники направили на них оружие, враждебно настроенные, пока Ханна не представилась и не объяснила причину своего визита.

Женщина-солдат связалась по рации с майором Гамильтоном, и через несколько минут двое солдат проводили их за ворота. Ханна и Перес подошли к импровизированной казарме пешком, сопровождаемые гвардейцами с М4.

Ханна лишь мельком увидела большие бетонные здания, сгруппированные за высоким забором из бритвенной проволоки. В темноте она не смогла разглядеть сдвоенные бетонные цилиндрические купола, возвышающиеся над ними — защитные сооружения для реакторов.

Десятки фургонов теснились на стоянке. Красные угли, тлеющие в нескольких кострах, освещали темноту, как рассеянные звезды в ночной галактике.

В то время как гражданский сектор оставался тихим и спокойным, десятки солдат передвигались по территории. Одетые в полное тактическое снаряжение, они переносили ящики с припасами и холщовые вещевые мешки между несколькими транспортными машинами.

Как будто они готовились к операции. Или к отправке.

Сопровождающие ввели их в промышленное здание, по длинному темному коридору в комнату, освещенную единственной электрической лампой.

Чарли Гамильтон сидел за столом, окруженный ящиками с оружием и боеприпасами. Несколько пуленепробиваемых жилетов висели на спинке соседнего стула.

Когда они вошли, он поднял голову, и его лицо расплылось в широкой улыбке.

Сложенный как пожарный гидрант, он был невысоким, но мускулистым. Выразительные черты лица, густые брови, крупный нос, темные глаза.

— Ханна. Это немного неожиданно.

— Прости, что беспокою так поздно или, скорее, так рано.

— Как поживает мой любимый «Дельта»? Где эта уродливая рожа? Я соскучился по нему.

Ханна изо всех сил пыталась сдержать внезапный всплеск эмоций.

— Он не с нами.

Лицо Гамильтона немного погрузтело, но он сохранил свою теплую, дружелюбную улыбку.

— Не могу сказать, что я не разочарован. Только не говори ему об этом.

У него было открытое, честное лицо. Ханне понравился бывший армейский рейнджер сразу же, как только она с ним познакомилась.

— Ну, что я могу для вас сделать?

Она посмотрела на магазины, разложенные на столе. Он заряжал их из нескольких коробок патронов калибра 5,56 мм.

— Я думала, ты спишь.

— Не могу сказать, как бы мне этого хотелось. — Он вытер лицо тыльной стороной руки. Его глаза налились кровью. — Нет отдыха для усталых. Мы только что получили приказ на марш. Мы должны присоединиться к генералу Синклеру, чтобы уничтожить окопавшуюся группу внутренних террористов.

У Ханны екнуло сердце. Террористы. Гнев пронесся по ее телу. Она чувствовала, как Перес дергается рядом с ней.

Она крепко сжала руку Саманты. Они должны действовать очень, очень осторожно.

— Я думала, вы не должны вмешиваться в местные разборки.

Его глаза сузились.

— Мы и не вмешиваемся. Эти приказы пришли прямо с самого верха. Брасс говорит прыгать, мы спрашиваем, как высоко.

— Ты знаешь конкретную цель? — спросила Ханна.

Он бросил на нее веселый взгляд.

— Нас проинформируют по прибытии. Почему ты спрашиваешь?

Она вздохнула, взяв себя в руки.

— Майор Гамильтон, могу я говорить откровенно? Это важно.

Он отложил наполовину заряженный магазин и посмотрел на нее. Веселье исчезло, когда он почувствовал серьезность их визита.

— Конечно.

— Если бы Лиам был здесь, он бы сейчас разговаривал с тобой. Но его нет. Он сдался в руки генерала Синклера вчера вечером.

Гамильтон уставился на нее.

— Что?

— Мы — те самые «внутренние террористы». Весь город Фолл-Крик. Женщины, дети, старики — все. И Лиам Коулман — цель номер один генерала Синклера. Враг государства.

Гамильтон отодвинул стул и поднялся на ноги.

— Мне трудно в это поверить.

— Потому, что это ложь. Целиком и полностью. Прикрытие, чтобы оправдать

извращенное желание одного человека отомстить.

Гамильтон повернулся и взглянул на карту Мичигана, висевшую на противоположной стене. Маленькие цветные булавки были воткнуты в различные города и поселки, большинство из которых располагались в Детройте, Каламазу и Гранд-Рапидсе.

Гамильтон провел рукой по своим слишком длинным волосам. На подбородке пробивалась седая щетина. Он выглядел как человек, отчаянно нуждающийся в душе.

Перес начала говорить что-то, но Ханна покачала головой. Саманта замолчала и нахмурилась.

— Коулман не террорист, — сказал Гамильтон. — Я знаю его уже десять лет. Он хороший человек. Патриот. Он служил и жертвовал собой ради этой страны так же, как и я.

— Он не изменился. Я могу тебе это обещать.

— Вы сами разговаривали с генералом? — спросила Перес, не удержавшись. — Он отдал вам приказ?

— Нет, не говорил. Но он поступил по надлежащим каналам. Я не могу просто нарушить приказ начальства. Он поступил прямо из Лансинга.

— Они полагаются на ошибочную информацию. Генерал невменяем. По данным нашей разведки, он даже не настоящий генерал. Уже нет. Много лет назад его с позором уволили. После Краха губернатор Даффилд назначил его своим советником по безопасности.

— У вас есть внутренний источник?

Ханна кивнула.

— Мне нужно поговорить с ними. Немедленно.

— Мне жаль, но это невозможно. Он внедрен в ближний круг Генерала. Лиам поддерживал с ним контакт, но Лиам сейчас под стражей у Генерала.

Майор прошелся по узкой комнате. Его рот сжался в тонкую линию.

— Мне нужно подумать об этом.

— Времени нет! — воскликнула Перес.

Ханна сжала ее руку. Со спокойствием, которого сама не ощущала, она сказала:

— Прямо сейчас небольшая группа граждан предпринимает последнюю попытку выстоять. Они не надеются пережить эту ночь, но все равно будут сражаться, в отчаянной надежде защитить то, что они любят больше всего.

Она вздохнула.

— Американские солдаты, которые ничего не подозревают, собираются убивать невинных гражданских лиц. В то время как реальная угроза — Синдикат — угрожает всем нам.

Гамильтон колебался.

— Мой приказ...

— Тебе приказано. Но ты же понимаешь, что правильно, а что нет.

Он посмотрел прямо на нее.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Жители Фолк-Крика будут защищаться. Но они проиграют. Ни у кого из нас нет связей, влияния или полномочий, чтобы вмешаться. У тебя есть. Если мы ничего не сделаем, будет кровавая бойня. Хорошие люди погибнут с обеих сторон.

Перес стряхнула ладонь Ханны со своей руки.

— Синдикат пересек границу Мичигана.

Гамильтон покраснел.

— Что? Нам не сообщили об этом!

— Намеренно, — заявила Ханна. — Можно не сомневаться, что Генерал уже знает.

Гамильтон подал сигнал солдату, ожидавшему у двери, тот кивнул и выскользнул из комнаты.

Гамильтон направился за ним.

— Я собираюсь сделать пару звонков по спутниковому телефону. Мне нужно проверить несколько вещей. Если то, что вы мне сейчас рассказали, правда... — Он остановился в дверях. — Оставайтесь здесь. Ты можешь понадобиться мне, чтобы передать информацию начальству.

Ханна кивнула. Паника как камень застряла в ее горле, нервы взвинчены. Что, если это окажется слишком мало и слишком поздно? Что, если никто не слушает?

Последние пять минут стали самыми долгими в ее жизни. Ни она, ни Перес не произнесли ни слова.

Через несколько минут Гамильтон вернулся в комнату. Выражение его лица было мрачным.

— Губернатор Даффилд мертв.

Ханна вытаращилась на него.

— Что это значит?

— Я еще не уверен, но уже догадываюсь. По атакует Фолл-Крик. Он достигнет его буквально через несколько минут, если уже не достиг.

Сердце Ханны застучало в горле.

— Мы должны что-то сделать!

Выражение лица майора стало жестким.

— Я готов.

Гамильтон повернулся и жестом приказал им следовать за ним, направляясь к выходу. Снаружи их ждал «Хамви».

— Вы двое пойдете со мной. Расскажите все, что знаете.

Глава 65

Квинн

День сто пятнадцатый

Квинн стояла на коленях в землянке, над ее головой нависал низкий потолок из бревен и набитой грязи.

Она сбалансировала свой AR на треноге, держа дуло нацеленным в узкое отверстие между землей и верхним укрытием.

Запах листьев и соснового сока заполнил ее ноздри, влажная земля чернела и крошилась под пальцами.

Укрытие вырыли глубиной около четырех футов и шириной восемь футов, достаточно большое для четырех бойцов. Джонас расположился слева от нее. Квинн нравилось, что он рядом с ней. Из них получилась отличная команда.

Справа от нее Бишоп присел рядом с Робертом Винсоном, фармацевтом. Бишоп управлял одним из пулеметов M60 с ленточным питанием.

На другой стороне улицы, в другом окопе, офицер Хейс управлял вторым. После атаки «Черного ястреба» остались только два M60. Большой M2 50-го калибра не мог работать без исправного выбрасывателя. Поскольку они не в состоянии заказать новые детали, он вышел

из строя.

Со своей позиции она имела беспрепятственный обзор подступов к Старой 31-ой дороге.

Квинн миллион раз ездила по сельскому двухполосному шоссе с дедушкой в дребезжащем «Оранж Джулиусе». Странное ощущение — рассматривать все в своей привычной, обычной, скучной жизни через прицел винтовки.

Странно и ужасающе.

Бишоп протянул ей пару наушников.

— Защита для ушей. Она тебе понадобится.

Она надела их на уши. Звук стал тусклым и нечетким.

— Спасибо.

— Оставайся рядом со мной. — Бишоп бросил на нее мрачный взгляд. — Все катится под откос, поэтому мы должны держаться вместе.

Квинн сглотнула, преодолевая першение в горле.

— Понятно.

Бишоп кивнул и повернулся обратно к сканированию дороги через свои очки ночного видения.

Для нее очков не нашлось. Опытные стрелки получили их — Бишоп, Хейс, Рейносо и Перес. Корина Маршалл тоже прекрасно стреляла.

Квинн изучала ночь. На горизонте тускло-серая полоска темноты. Глаза жгло, но страх, пропитанный адреналином, заставлял ее быть начеку.

Они заняли первую оборонительную позицию за городом, прикрываясь мостом. В сотне ярдов справа река извивалась, как огромная черная змея, лунный свет сверкал на темной воде. Она протекала под мостом и изгибалась в форме буквы С позади них, огибая восточную часть города. В нескольких милях к югу плотина отделяла Фолл-Крик от озера Чапин.

Впереди и слева неухоженные травянистые поля вели к трейлерному парку «Эстейтс», где она когда-то жила в дрянном полуразвалившемся трейлере с Октавией и Рэем Шульцем.

На секунду Квинн представила, как артиллерийский огонь разрывает осыпавшийся гипсокартон, пробивается сквозь плесневеющий алюминий и гниющее дерево, испачканный ковер и потрепанную мебель, уничтожая само существование трейлера.

За рекой и парком трейлеров тянулись дома, фермы и семейные предприятия — мастерская по изготовлению столярных изделий на заказ, ферма по сбору урожая, круглосуточный магазин.

Они создали различные препятствия — лабиринт из транспортных средств, массивных срубленных деревьев и проволочных заграждений. По всей территории разбросаны окопы и укрытия городских снайперов. У них имелись несколько запасных позиций за мостом в городе, где дверные проемы, крыши и окна были укреплены мешками с песком.

Лиам описал их тактику как глубокую оборону, и разместил основную часть укреплений и групп безопасности за линией фронта.

Синдикату легко прорвать линию фронта, но по мере продвижения они будут продолжать встречать сопротивление — их фланги станут уязвимыми для постоянных атак с обеих сторон.

Пока армия По будет продвигаться вперед, защитники Фолл-Крика отступят на ряд подготовленных позиций. Бишоп рассчитывал дорого обойтись наступающему противнику,

избегая при этом опасности быть окруженным или атакованным с фланга.

Во всяком случае, таков план.

Аналогичную оборону они создали на северной баррикаде, где Рейносо повел горожан против людей Генерала.

Коррина Маршалл и Уитни находились рядом с ним, вместе с Дейвом Фаррисом, директором Кинг, Флинном и десятками других.

Рация Бишопа зашипела. Прорвался голос Дейва Фарриса:

— Мы наблюдаем за армией Генерала. Они остановились к югу от объездной дороги, вне пределов досягаемости. У них полно пушек побольше, чем у меня. Но они не стреляют по нам. Не нападают. Они просто ждут.

Ужас пробежал по позвоночнику Квинн.

— Чего?

Бишоп нажал на передачу и повторил ее вопрос.

— Похоже, мы скоро узнаем, — мрачно ответил Дейв.

Нервы Квинн натянулись, каждая клеточка ее тела находилась в напряжении. Ожидание давалось труднее всего. Она просто хотела, чтобы все началось, чтобы адреналин взял верх.

Ожидание позволило сомнениям закрасться внутрь. Сомнения, опасения, страх. Все ужасные способы умереть. Все ужасные вещи, которые могут случиться с близкими.

Лицо бабушки мелькнуло в ее сознании. В ней вспыхнула печаль, но и гнев тоже. Она не боролась с ним и не притворялась. Она злилась, негодовала, возмущалась.

Квинн позволила гневу гореть в ней, заряжать ее энергией, заставляя биться ее сердце.

Она планировала уничтожить каждого фальшивого солдата Синдиката.

Синдикат как бородавка на заднице Апокалипсиса. Они символизировали зло. Безумие, разрушение и смерть.

— Никакого давления, — сквозь стиснутые зубы проговорила она. — Просто спасаем мир здесь. Не беспокойтесь о нас.

— Что? — спросил Джонас.

— Не обращай внимания.

Рация Бишопа пискнула.

— Это Эхо-3, — произнес женский голос. — У нас движение. Десятки грузовиков и военных машин приближаются по Старому 31-му шоссе. В десяти милях от города.

Ужасное предвкушение охватило Квинн. На языке появился медный привкус. Сердце билось так громко, что кроме грохота пульса ничего нельзя было слышать.

Проходили бесконечные минуты.

Второй разведчик передал по рации.

— Атака неизбежна. Пять миль до точки перехвата.

И тут она услышала его. Низкое жужжание, как тысячи пчел. Растущий, усиливающийся гул, как будто под землей проснулся огромный зверь, и он ревел, поднимая голову, чтобы их поглотить.

Все вокруг замедлилось. Ее зрение сузилось и кристаллизовалось.

Напрягая глаза, Квинн вглядывалась в темноту.

Вдалеке показалась пара фар. Два крошечных пятнышка света.

А потом еще одни. И еще. Десять. Двадцать. Тридцать. Еще больше.

Они расплывались друг в друге, усиливаясь и расширяясь, пока не стало казаться, что гигантский прожектор пригвоздил ее к месту.

По приближался.

Глава 66

Лиам

День сто пятнадцатый

— Сколько врагов? — спросил Лиам резким голосом.

На нем ничего кроме нижнего белья, он весь в синяках, избитый и замерзший. Но все это не имело значения. Лиам абсолютно собран.

— По крайней мере, семеро в нише лифта за пределами кухни, — сообщил Лютер. — В самой кухне я никого не вижу, но не могу быть уверен. Охранники сбежали. Мы должны беспокоиться о наемниках Генерала.

— Выходы?

— Главный прямо по курсу. Служебный вход на западе. На три часа. Они будут использовать его, чтобы обойти нас с фланга. Но мы пока не получали огня с этого направления. Я не вижу никакого движения.

Лиам взял запасной М4 у мертвого телохранителя, осмотрел его — полный магазин, исправен и заряжен — и повесил его на голое плечо.

— Тогда нам нужно добраться туда первыми.

Лютер кивнул.

С оружием в руках Лиам занял позицию позади него. Его мысли кристаллизовались. Чувства обострились, каждый синапс включился.

Лютер встал на колени в дверном проеме морозильной камеры и открыл огонь на поражение, подавляя врагов, пытавшихся прорваться через вход на кухню. Он выпустил целый магазин.

Пули пробивали гипсокартон, разнося металлические полки и шкафы.

Крик, когда ранили человека.

Враги пригнулись в укрытие, их ответный огонь велся беспорядочно.

Время двигаться.

Лиам хромая пробрался мимо Лютера, зачищая углы. С осторожностью он перешагнул через несколько тел. Пол под ними залило кровью.

Он словно продирался сквозь патоку. Его ноги буксовали, набитые цементом. Руки стали свинцовыми и дрожали, когда он прижимал карабин к плечу.

Лютер переступил порог, вошел в кухню и повернул налево, оружие поднято. Чисто.

Лиам повернул направо. Он проверил угол и повернул в центр комнаты. Чисто.

Приседая, они двинулись вперед по огромной кухне, мимо полок и прилавков, мечась туда-сюда. Сердце заколотилось в горле, он проверил слева, затем справа, сканируя помещение на предмет угроз.

Фонари на батарейках валялись на полу. Водянистый свет отражался от стали, отбрасывая колеблющиеся формы и тени. У него пересохло во рту.

Пули пролетели мимо их голов.

Лютер нырнул за плиту размером с паровоз. Лиам бросился за ним.

Они открыли ответный огонь. Лиам сделал тактическую перезарядку, выбросив не до конца израсходованный магазин и вставив новый в магазинное отверстие. Лютер обрушил шквальный огонь на изрешеченный пулями дверной проем.

Наступила пауза в обстреле противника, пока они перезаряжали израсходованные

магазины. Должно быть, у противника тоже закончились патроны.

Лютер прикрывал Лиама, когда тот пробирался через несколько ярдов открытого пространства. Он прополз вдоль длинного прилавка и нырнул за массивный холодильник.

Боль сковывала его. Каждая секунда казалась минутой, движения замедленными и вялыми.

Лиам проверил служебную дверь — теперь она виднелась в десяти ярдах слева от него. Он встал на колени, наполовину повернулся и открыл прицельный огонь, когда Лютер, согнувшись вдвое, побежал к нему.

Шальной патрон отскочил от крышки холодильника.

Лиам пригнулся...

— Сзади! — крикнул Лютер.

Ощущение движения.

Две тени выскочили из служебного входа слева.

Лиам упал на спину, когда над его головой загрохотали выстрелы. Развернул М4, уже сжимая пальцем спусковой крючок. Он открыл огонь по врагам, пытавшимся обойти его с фланга.

М4 прошила свинцом их торсы. Отстрелянная латунь звенела по кафельному полу.

Кровь брызнула из горла первого врага. Второй упал, но выстрелил, пока падал.

Пули попали в холодильник в дюйме от лица Лиама. Шрапнель раздробила ему щеку. Сильное жжение, словно тысячи игл пронзили его плоть.

Ошарашенный, он поднялся на ноги, судорожно осматриваясь. Ища укрытие от перекрестного огня. Их обстреливали по крайней мере с двух направлений. Возможно, с трех...

Хлоп! Хлоп!

Резкая боль в позвоночнике. Его ноги подкосились. Лиам плюхнулся рядом с холодильником, как рыба, выброшенная на берег.

Он извернулся, поднял карабин и прицелился в новую угрозу за своей спиной.

В трех ярдах позади него, слева, Лютер встал на одно колено. Он стрелял очередями по три патрона.

С криком человек, одетый в черную униформу, выскочил из-за прилавка из нержавеющей стали. Пистолет с глушителем выскользнул из его руки.

Когда он падал, Лиам всадил в него остаток магазина. Мужчина тяжело рухнул на пол.

В этом хаосе один из врагов, должно быть, незаметно выбрался из узкого места на входе. Он обошел их сзади, прежде чем открыть огонь.

Теперь он мертв, но успел причинить вред.

Лютер выстрелил еще дважды и проскочил по открытой плитке. Он присел на корточки рядом с Лиамом, прижавшись спиной к дверце холодильника и тяжело дыша.

— Я прикрою тебя! Вперед!

Но Лиам не мог идти.

Его ноги не работали. Он не мог стоять, не мог двигаться. Он ничего не чувствовал от пояса вниз. Онемение распространялось как белый огонь.

— Лиам! — закричал Лютер.

Одной рукой Лиам возился у себя за спиной. Теплая, липкая жидкость смазала его пальцы.

Его ранили.

Глава 67

День сто пятнадцатый

Квинн подняла винтовку к плечу и прижала приклад к щеке.

Ее руки дрожали. Она заставила их успокоиться. Пот струйками стекал по ее шее.

Сотни пар фар приближались все ближе и ближе. Двигатели гудели. Рев становился все громче и громче.

— Да пребудет с нами Бог, — проговорил Бишоп.

Несколько десятков ленточных пулеметов открыли огонь одновременно. Стремительное бум-бум-бум, как раскаты грома. Как будто само небо разверзлось над их головами.

Такого громкого звука она никогда не слышала. Снаряды изрешетили баррикаду, бойцы Фолл-Крика кричали и пригибались. Посыпалась пыль. Писк и стук пуль вокруг нее.

Основные силы устремились к ним. Вторичные части в количестве около сорока машин отделились и ушли с главной дороги, прогрохотав по травянистой насыпи, параллельно реке, выискивая способ обойти их с фланга.

В конце концов им это удастся.

Сердце в горле, грудь колотится, Квинн ищет цели.

Обнаружив две фигуры, метавшиеся между остановившимся грузовиком и минивэном на шоссе, она навела прицел, прицелилась и выстрелила.

Промахнулась. Подправила прицел.

«Спокойно, спокойно. Целься. Выдох. Нажми на чертов курок, девочка!»

На этот раз ведущая фигура дернулась. Она быстро выпустила три патрона, и человек упал.

Квинн сморгнула пот с глаз и стала искать следующего через прицел. Его спутник скрылся из виду.

Она сосредоточилась на вспышках дула в серой предрассветной мгле, тщательно прицелилась чуть ниже вспышки и короткими очередями нажала на спусковой крючок.

Дуло врага потемнело. Квинн искала следующую цель.

Каждый раз, когда падала одна фигура, на смену ей появлялись пять.

Кто-то кричал. Мужской голос завопил:

— Я ранен! Я ранен! — но Квинн не могла остановиться, не могла отвести взгляд от прицела или прекратить стрельбу.

У нее закончились патроны. Она пригнулась, пытаясь извлечь пустой магазин. Он упал на землю. Поднимать его некогда. Она схватила новый, вставила его и зарядила затвор.

Встала на колени, ища следующую цель, прицелилась и выстрелила.

Дым повсюду. В ноздри ударил кордит. Пот, кровь и страх.

Взрыв вдалеке. Громкий и огненный. Граната нашла свою цель. Секунды спустя — еще один взрыв. Где-то далеко на западе.

Трудно определить расстояния и местоположение из-за помех в голове и постоянного звона в ушах.

Даже с защитой, громовой удар оглушил Квинн.

К юго-западу от парка трейлеров «Эстейтс» вспыхнула еще одна перестрелка.

Краем глаза Квинн заметила движение.

Подразделения отрывались и обходили их с боков. С запада на них обрушился огонь. Скорострельные пули били прямо над ее головой, грязь дождем сыпалась сверху.

Что-то просвистело мимо нее. Обжигающий жар поцеловал кожу ее шеи. Посыпались комья грязи. Приближающиеся снаряды вгрызались в землю вокруг нее.

Квинн упала, пригнувшись к краю окопа, задыхаясь, сердце гулко стучало в ушах, все вокруг казалось звенящим и далеким.

— Они обходят нас! — прокричал Бишоп. — Они пытаются взять нас в клещи!

Синдикат подавлял Фолл-Крик своей численностью и мощью.

Снаряды разрывались вокруг них. Громовой шквал не прекращался. Казалось, что сама земля дрожит под ее ботинками.

Кто-то закричал и упал — Роберт Винсон, аптекарь.

— Отступаем! — скомандовал Бишоп. — Они вот-вот окружают нас. Мы должны уходить!

— Мы проигрываем! — воскликнул Джонас, его голос надломился.

Все еще приседая, Квинн сделала дрожащий шаг назад. Ее руки словно приклеились к винтовке. Ногой она ударилась о что-то мягкое.

Задыхаясь, Квинн посмотрела вниз. Она споткнулась о Роберта Винсона. Пуля попала ему в лицо.

Кислота впиалась когтями в горло, ее чуть не стошнило.

— Он мертв, Квинн! — Бишоп схватил ее за руку и потянул назад, к выходу из окопа. — Мы блокируем их на мосту. Вперед! Вперед!

— Отступаем! — закричал кто-то. Затем крик подхватили другие. — Отступаем! Отступаем!

Глава 68

Лиам

День сто пятнадцатый

Лиам задыхался.

— Меня зацепило.

Лютер отступил в сторону. Он присел на корточки рядом с Лиамом, лишь наполовину скрытый холодильником.

Длинный стальной стол рядом с холодильником отделял их от следующего прохода. Несколько стоек между ними и наступающими противниками.

Лиам сидел, расставив ноги перед собой, прислонившись спиной к холодильнику, с М4 в руке. Под ним растекалась темная и густая кровь.

На мгновение Лютер опустил взгляд на Лиам и выругался. Его рот двигался, но звон в ушах Лиам звучал слишком громко, чтобы разобрать слова.

Раздались новые выстрелы. Холодильник задрезжал, вибрируя от ударов. Прямо над головой Лютера пуля отскочила от стойки. Она отрикошетила и пробила дальнюю стену.

Приседая, Лютер развернулся. Он поднял дуло своего карабина над прилавком и открыл ответный огонь. Гильзы полетели на пол. Отработанная латунь покатила по бесполезным ногам Лиам.

Запах кордита обжег его ноздри. У него закружилась голова. Он схватился за М4, приказывая себе двигаться, черт побери.

Ничего не произошло.

Тело Лютера дернулось. Возможно, он издал какой-то звук, но Лиам его не услышал.

Лютер упал на колени, грудь вздымалась. Карабин болтался в его руках, левая рука

безвольно повисла.

В плече появилась дыра, в куртке под подмышкой, в нескольких дюймах справа — прореха.

Крови немного. Кровь — паршивый индикатор реальных травм. В плече достаточно сухожилий, пучков нервов и тканей, чтобы причинить много вреда.

Настоящая проблема заключалась в том, чего нельзя увидеть — пробитые внутренние органы, разорванные кишки, порванные к чертям сухожилия.

— Мне жаль! — произнес Лютер. — Скажи моему отцу... — Он резко покачал головой. Как будто хотел сказать больше, но понял, что времени нет.

Это не кино. Плохие парни не ждали трогательных речей.

— Уходи, — пробормотал Лиам. — Просто иди.

Послышались шаги. Все ближе.

Лиам слышал их как будто под водой — глухие крики, отдаленные раскаты грома.

Они проникли на кухню.

— Не...

Лютер не колебался. Вскочив на ноги, он повернулся лицом к наступающим врагам за стойкой.

Уперев приклад винтовки в живот, стреляя с одной руки, он выпустил шквал огня. Пули вылетали из ствола. С дульной скоростью более 2900 футов в секунду пули пробивали все на своем пути.

Отдаленные удары сотрясали комнату. Плиточный пол затрясся под ним.

Лиам прижал карабин к плечу, бицепсы дрожали от напряжения. Палец на спусковом крючке. Каждый мускул натянут. Боль накатывала на него неумолимыми волнами.

Внезапно стрельба прекратилась. В воздухе вился дым.

Тишина, только тупой гул в голове.

Пульс бешено бьется в горле. Лиам ждал, не в силах пошевелиться, встать и бороться.

Он не мог видеть ничего за пределами своего ограниченного поля зрения. Разбитые пулями шкафы через проход. Стальные двери с вмятинами.

Кровь стучала в ушах. Ужас сковал его внутренности.

— Лютер, — хрипло позвал он.

Ни звука. Никакого ответа. Ничего, что он мог бы услышать.

Он потянул за штанину Лютера. Потянул сильнее. Ничего.

Лиам заставил себя выждать. Он напрягся, чтобы услышать, но его восприятие оставалось приглушенным. Он по-прежнему не мог различить ни звука, ни движения.

Когда прошло достаточно времени, он пошевелился.

Используя холодильник как рычаг, он смог сдвинуться в сторону. И посмотрел вверх.

Лютер свалился лицом вниз на прилавок. Но все еще стоял — только потому, что столешница выдержала вес его безвольной верхней половины.

Без сознания или мертв? Лиам не знал.

Он прислонил карабин к шкафу в пределах досягаемости, а затем воспользовался столешницей, чтобы подтянуться. От пояса вниз он онемел. Ноги — два бетонных мешка, прикрепленных к туловищу.

Используя силу верхней части тела, напрягая мышцы от усилий, Лиам поднялся достаточно высоко, чтобы рассмотреть пространство над стойкой и просканировать его на предмет угрозы.

Воздух заволокло ружейным дымом. Ничто не двигалось. Среди крови и гильз лежали пять изрешеченных пулями тел.

Лютер убил их.

Но это не значит, что не придут другие.

Лиам повернулся к Лютеру. У него не осталось сил, чтобы перевернуть его. Да ему и не требовалось. Ужасные выходные раны, зияющие на его пояснице, рассказали мрачную историю.

Джеймс Лютер был мертв.

Лиам нет. Пока нет.

Но смерть подступала к нему. Он чувствовал, как она истощает его силы, высасывает жизненную энергию, приближается с каждой унцией вытекшей крови.

Смерть шла к нему, решив взять свое.

Глава 69

Квинн

День сто пятнадцатый

— Будьте осторожны в условиях туннельного зрения! — инструктировал Бишоп. — Постоянно двигайтесь, чтобы они не прицелились в вас!

Ужас наполнил Квинн. Она чувствовала себя ошеломленной, потрясенной.

— Квинн! — Бишоп обернулся и схватил ее за руку. — Ты в порядке? Ты со мной?

Квинн смогла кивнуть.

— Да.

— Отступаем! — крикнул Джонас.

— Держись рядом со мной! — Бишоп толкнул ее впереди себя, и они перешли на бег.

Команда Хейса прикрывала их, пока они бежали назад, в ту сторону, откуда пришли, стуча ботинками по асфальту, за их спинами раздавался шквал огня.

«Собратся, собратся». Сжав челюсти, Квинн бежала. Разрывные снаряды проносились над головой, сотрясая ее кости, заставляя зубы стучать. «Остаться в живых!»

Ее ботинки шлепали по асфальту, ноги, как поршни, пульсировали от напряжения. Наполовину ожидая пули в позвоночник, она вздрагивала от каждого залпа.

Кто-то слева от нее покачнулся и упал. Даллас Чепмен рухнула на землю. Квинн не могла позволить себе смотреть, не могла позволить себе делать что-либо, кроме как бежать.

Винтовка в ее руках стала такой тяжелой. Ее бицепсы болели. Казалось, что она держала ее несколько часов. Винтовка весила сто чертовых фунтов.

Когда они добрались до магазина «Френдли», Бишоп провел ее внутрь, а сам повернулся и встал на колени в дверном проеме. Двое других пристроились с противоположной стороны, прикрывая огнем первые отряды.

Квинн заняла скрытую боевую позицию, встав на колени за кучей мешков с песком, сложенных под окном в комнате отдыха сотрудников, откуда хорошо просматривалась подъездная дорога.

Рассвет озарил небо бледным тошнотворным светом. Весь мир окрасился в оттенки серого. Повсюду дым и пыль, клубящиеся как туман.

Все направили огонь на мост. Грузовики По продолжали приближаться. Те, что были оснащены турелями и пулеметчиками, кромсали заграждения, прорываясь сквозь их оборону, проникая все ближе и ближе.

Триста ярдов. Потом двести.

Стрелок из Фолл-Крик уничтожил одного нападавшего, но на его место пришли еще десять. Они все прибывали, прибывали и прибывали. Сотни. Тысячи.

По их позиции велся автоматный огонь. Пули пролетали над ее головой, разрывая в щепки столы, офисные стулья и книжные шкафы. В воздухе вихрилась штукатурка и бетонная пыль. Она забивала ноздри и горло. Вся комната мигала, как стробоскоп.

Ее затвор щелкнул. Торопливо вытащив пустой магазин, Квинн достала из подсумка свежий, нажала на спуск и передернула затвор.

Устойчиво укрепила винтовку и стала искать цели через прицел.

Движение справа от нее. Десятки вспышек выстрелов.

Ужас пронзил Квинн. Враги переправились вплавь через реку. Они пробирались вверх по берегу, используя вал в качестве прикрытия для обстрела западного фланга. Их слишком много, чтобы сосчитать.

Сбоку и спереди продуктового магазина раздались выстрелы. Она пригнулась, вынужденная искать укрытие. Она стояла на коленях, задыхаясь, голова словно наполнилась помехами.

Позади нее кто-то кричал. Кто-то другой плакал, моля о пощаде.

Тела на земле снаружи. Тела внутри. Вонь крови смешалась с кордитом. Пыль и штукатурка покрывали ее язык, горло.

Это случилось. Худший из возможных сценариев.

Враги оставались в паре сотен ярдов, но долго сдерживать их не удастся. Они попали в ловушку. Зажаты с нескольких сторон. Нет возможности отступить дальше, когда враг обходит их с флангов, обстреливает со всех сторон, затягивая петлю.

Фолл-Крик вот-вот будет захвачен.

Рация Бишопа затрещала. Квинн едва могла что-то расслышать из-за грохота в ушах, непрекращающегося рокота над головой.

Голос прорвался сквозь помехи.

— Это майор Чарли Гамильтон из армии Соединенных Штатов. Не стреляйте по нам. Повторяю, мы друзья! Мы приближаемся к вам сзади. Повторяю, не стрелять!

Квинн моргнула, ошеломленная и полуоглохшая. Должно быть, она не расслышала. Ее бешеный разум не мог собрать слова воедино. В ее голове все перемешалось и затуманилось.

Она присела за мешками с песком и посмотрела на Бишопа.

Он смотрел на нее в ответ, на его пыльном, потном лице застыло то же потрясенное недоверие. Квинн не могла разобрать его черты, кроме белков глаз.

— Повторяю, мы друзья! — проговорил Гамильтон. — Подтвердите!

Словно выйдя из транса, Бишоп вздрогнул. Он пригнулся на своей огневой позиции и взялся за рацию.

— Аттукус Бишоп на связи. Принято! Рад слышать голос друга.

— В укрытие! Мы прорываемся, чтобы уничтожить этих ублюдков!

— Слава Богу! — Бишоп повернулся и жестом подозвал Джонаса, который присел позади него. — Пошли гонцов! Скажи тем, у кого есть рации, чтобы передавали. Гвардия на нашей стороне. Всем укрыться!

Джонас и двое других вскочили на ноги и бросились бежать. Бишоп вернулся к рации, чтобы предупредить всех остальных.

— Друзья на подходе! Прибывает боевая поддержка!

Минуту спустя наступила резкая пауза в непрекращающемся шквале. Как будто сам воздух испуганно затаил дыхание.

А потом все вокруг взорвалось.

Какофония мощных выстрелов разорвала ночь. Взрыв за взрывом. Над головой визжали ракеты. Артиллерийский огонь. Громче, чем она когда-либо слышала. Так громко, что звук отдавался в ее клетках.

Квинн рискнула взглянуть через окно поверх мешков с песком.

Сзади доносился рев двигателей. Военные машины вливались на Мейн-стрит и мчались к мосту.

Бронированные «Хамви» и пара «Брэдли». Артиллеристы за башенными орудиями, такими же большими, как и она сама, посылали мимо них залпы противотанковых ракет, вгрызаясь во вражеские позиции.

Потоки артиллерийских снарядов проносились над головой, как яркие падающие звезды. Как самый красивый и смертоносный фейерверк, который Квинн когда-либо видела.

Национальная гвардия.

Сражается за них, а не против них.

Залпы раздавались над головой. Земля содрогалась от взрывов минометов, один за другим.

Взорвался грузовик. Потом еще один и еще.

Враги разбегались, как муравьи, перед внезапным натиском снарядов.

— Они пришли, — прошептала Квинн, ошеломленная, все еще наполовину в шоке. — Ханна сделала это. Помощь уже здесь.

Глава 70

Квинн

День сто пятнадцатый

Есть кое-что о минутах после первой битвы, о чем тебе не расскажут.

Ты победила. Плохие парни повержены. Ты должна чувствовать волнение, восторг, радость. Все вокруг тебя слабеет от облегчения, опускают оружие, ликут и радуются.

Ты стоишь там, винтовка висит на боку, руки дрожат, пыль покрывает твоё лицо, рот, в глазах песок. Мышцы подрагивают от усталости и нервов. Ты не слышишь из-за звона в голове.

Облегчение, да. И даже больше, чем легкая тошнота.

Ты выжила. Бог бросил кости, и ты выжила. Тысяча пуль выпущена в тебя, и ни одна не попала в цель.

Город, который ты любишь, все еще стоит. Здания, дороги, дом, в котором ты выросла. Все еще здесь.

Но чего-то не хватает.

От выброса адреналина кружится голова, сводит желудок, и ты опускаешься прямо там, на обочине, моргая на небо, которое все еще видишь, облака, солнце и те же старые деревья, с ветерком, который все еще чувствуешь.

Потому что ты жива. Потому что ты выжила.

Ты осматриваешь толпу и видишь людей, которых любишь и о ком заботишься, но не того, кого больше всего хочешь найти.

Потому что они ушли навсегда.

Потому что они мертвы.

Неважно, как сильно ты жаждешь или как часто мечтаешь об этом. Неважно, сколько раз ты нажмешь на спусковой крючок или сколько плохих парней положишь в землю.

Они ушли, и ты не можешь их вернуть.

Будут другие бои. Другие битвы.

Ты потеряешь еще больше людей, которых любишь.

Это истина, которая держит тебя на месте, пульсирует в такт с твоим сердцем. Неважно, насколько ты сильна, неважно, что ты делаешь.

Ты не сможешь остановить это.

Земля вращается по кругу, и Солнце восходит, и заходит. И даже сейчас есть злые люди, которые замысливают разрушить все, что ты когда-либо построишь.

Это никогда не закончится. Это никогда не кончается.

И ты знаешь, сидя здесь, грязная, потная и измотанная, что не позволишь этому обстоятельству остановить тебя от попыток.

Ты стояла, когда нужно было выстоять, и сражалась, когда нужно было сражаться. Ты была напугана до смерти, но ты все равно пришла.

И когда ты снова понадобишься своим друзьям, ты будешь там. Каждый раз ты будешь стоять. И ты будешь бороться. Даже зная, что можешь потерять все и всех.

Потому что ты воин.

Война изменила тебя. Сломала тебя и переделала. Ты покрыта шрамами, но не побеждена. Ранена, но не безнадежна.

Ты все еще веришь в справедливость. Ты должна верить.

Сквозь клубящийся дым и пыль появляется фигура, почти узнаваемая по копоти и грязи на лице, светлые волосы поседели от пыли, глаза все еще такие голубые.

Вспышка белых зубов, когда он улыбается. Потрясенный, но на ногах.

Ты знаешь его, этого мальчишку. Твоего друга. Может быть, даже больше.

Идет к тебе. Идет, чтобы найти тебя. Чтобы вернуть тебя.

Ты все еще можешь вернуться домой.

Ты будешь жить с кошмарами, преследуемая кровью и криками умирающих. И одновременно, и меньше, и больше, чем ты есть, часть чего-то огромного и великого.

Ты все еще можешь вернуться домой, воин.

Он протягивает руку.

Ты колеблешься. А потом берешь ее.

Глава 71

Лиам

День сто пятнадцатый

Лиам почувствовал, что теряет сознание.

Он привалился к холодильнику. Его никчемные ноги раскинулись перед ним, он сидел в собственной застывшей крови. В уголках его зрения затаилась тьма.

M4 лежал у него на коленях. Он вынул стреляный магазин и вставил свежий, конфискованный у близлежащего трупа. Тридцать патронов для последнего родео.

Звон в ушах притупился. Сколько времени прошло? Час? Два? Сколько времени требовалось, чтобы кровь вытекла из разбитого тела?

Его мысли то дрейфовали, то расплывались. Сознание плыло по волнам боли и

онемения. Постепенно он начал отпускать себя.

Его голова откинулась назад, глаза полузакрыты и смотрят в пустоту. Он думал о Ханне. О том, как она прижималась к нему, о мягкости ее губ. Как она наклоняла подбородок и покусывала нижнюю губу; как, от злости, ее глаза сверкали глубоким изумрудно-зеленым цветом.

Какой мрачной и несправедливой может быть жизнь. И в то же время такой яростной, замечательной и потрясающе красивой. Как ему будет этого не хватать.

И все же, Лиам чувствовал удовлетворение. Синклеры мертвы. Все до единого.

Шаги приближались откуда-то сзади. Две пары ботинок.

Лиам напрягся. Инстинкт взял верх.

Это было в его крови. В его костях. Он жил как воин. Он и умрет как воин. Руки дрожали, но он поднял оружие в последний раз.

— Чисто, — произнес глубокий баритон.

— Черт побери, — послышался другой голос. Хриплый и знакомый. — Посмотри на эту бойню. Он не мог выбраться...

— Я осмотрю тела. Я не уйду, пока мы его не найдем.

— Хорошо.

Это просто мираж. Плод его умирающего воображения, его мозг так изголодался по кислороду, что его сознание играло с ним.

— Я здесь. — Его горло пересохло, как в пустыне, распухший язык прилип к нёбу. — Я здесь.

Молчание. Затем:

— Коулман?

Веки Лиама дрогнули. Оружие было слишком тяжелым. Его глаза слишком тяжелы.

Шаги приближались. Две фигуры, пригнувшись, обогнули угол. Оружие поднято, сканирование туда-сюда.

Один высокий, крупный и чернокожий, другой — низкорослый, широкоплечий латиноамериканец. Два самых прекрасных мужчины, которых он когда-либо видел.

— Вот ты где! — воскликнул Бишоп, как будто Лиам непослушный ребенок, которого потеряли в продуктовом магазине.

Лиам опустил карабин.

— Вы... пришли...

— Мы команда, — просто сказал Бишоп. — Ты все еще не понял, упрямый осел. Ты не должен нести это бремя один, брат. И никогда не был должен.

Рейносо посмотрел вниз и увидел кровь. Цвет исчез с его лица.

— О, черт.

— Я... ранен.

— Ясно.

Бишоп опустился на колени рядом с Лиамом и стряхнул с себя рюкзак. Он достал аптечку и осмотрел Лиама.

— Спокойно. Выходного отверстия нет. Пуля все еще внутри и портит тебе жизнь.

— Я думаю, это осколок от рикошета. — Перед глазами Лиама заплясали звезды. Его веки дрогнули. — Не чувствую ног...

Бишоп пристально посмотрел на Рейносо.

— Это травма позвоночника. Тащи дверь! Мы можем использовать ее как носилки. —

Он повернулся к Лиаму. — Оставайся со мной.

Рейносо принялся за работу над дверью возле кухни. Морпех практически сорвал ее с петель. Через минуту он уже нес ее к Лиаму.

С большой осторожностью они с Бишопом подняли Лиаму и положили его на доску. Они заполнили все пустоты вдоль его спины одеждой, снятой с мертвых наемников. Бишоп сделал шейный корсет из подушек из одного из гостиничных номеров, а для обездвиживания головы использовал клейкую ленту.

Настоящая полевая медицина. Они находились в зоне боевых действий с ограниченными запасами в разгар апокалипсиса. Поэтому обходились тем, что есть.

Как только они стабилизировали позвоночник Лиаму, Бишоп достал из своего рюкзака импровизированную сумку для капельниц и набор. Лиам узнал маленький бур на батарейках для внутрикостной инфузии EZ IO.

Он был разработан для быстрого внутривенного доступа к венозной системе через кость голени. Хотя выглядела он отвратительно, зато идеально подходил как медикам, так и неподготовленным людям для быстрого введения капельницы.

Глаза Лиаму расширились.

— Ты уверен, что знаешь, как пользоваться этой штукой?

— Достаточно, чтобы знать, что делать. Пару раз пользовался такой во время службы в Афганистане. Выглядит хуже, чем кажется.

— Верится с трудом.

— Извини, Коулман, это единственная капельница, которая у нас есть для одиноких волков. — С этими словами Бишоп нащупал нужное место на голени Лиаму и прижал сверло к его плоти. Он просверлил кость, затем вставил иглу прямо в костный мозг. Прикрепил внутривенный мешок и закрепил трубки.

Лиам прошипел сквозь зубы.

— Наверное, хорошо, что я ничего не чувствую.

— Я знал девочек-скаутов, которые были меньше, чем ты, — заявил Рейносо. — Он в порядке. Пойдем.

— Не надо впадать в шок и умирать на наших глазах, — проворчал Бишоп. — Мы проделали такой долгий путь. Знаешь, сколько людей стреляло в нас? Сегодня выдался тяжелый день.

— Мы...?

— Победили? — Рейносо усмехнулся сквозь сажу на лице. — Да, черт возьми, мы победили.

— Все кончено, брат. Все закончилось. Твой друг Гамильтон появился, чтобы спасти положение. На самом деле, он послал с нами несколько своих людей, чтобы вытащить тебя. Они зачищают отель и обеспечивают наблюдение. Именно Гамильтон выдал мне эту шикарную аптечку, которая спасает тебе жизнь.

— А...

— Ханна была с Гамильтоном. Она в порядке. И остальные в порядке. — Бишоп подмигнул. — Кроме Рейносо, но он всегда немного не в себе.

Рейносо закатил глаза.

— Меньше болтовни, больше движения!

— На счет три. — Бишоп и Рейносо подняли доску, стопроцентный мертвый груз.

Бишоп простонал.

— Ты когда-нибудь думал о диете, Коулман?

— Единственный толстяк в апокалипсисе, — хмыкнул Рейносо.

Вместе они перешли из кухни в проход и направились к лестнице.

Лиам ошарашенно моргнул.

— Я думаю... я люблю вас.

— Ты слышал это? — произнес Бишоп. — Он любит нас.

Рейносо ухмыльнулся.

— Мы не устанем тебе это припоминать, Коулман.

Сквозь огромную боль Лиам почувствовал, как его губы дернулись в подобие улыбки.

Они пришли за ним. Его люди. Его братья. Он думал, что понимает, но только сейчас осознал по-настоящему. Все это время он нес бремя один, когда не должен был.

Он больше не отдельный человек.

Он не одиночка. И никогда им не был.

Глава 72

Лиам

День сто восемнадцатый

Лиам был жив.

Жив, но покалечен.

Осколки задели его спинной мозг. Он онемел от пояса вниз. Он ничего не чувствовал. Ни пальцев ног, ни голеней, ни коленей, ни чего-либо еще. Позвоночник поврежден, ноги отказали.

Запертый на этой чертовой кровати, вынужденный лежать неподвижно и прямо, чтобы не травмировать позвоночник. Его подключили к капельнице и катетеру, следили за пониженным давлением, осложнениями дыхания, сгустками крови и любыми неврологическими проблемами.

— Я парализован? — спросил он, желая знать правду.

— Я не могу ответить на этот вопрос, — ответила Эвелин. — Это может быть спинальный шок или преходящий паралич. Воспаление может оказывать огромное давление на спинной мозг. Если это временно, то может продолжаться несколько часов или несколько недель. Или...

— Или это навсегда.

Взгляд Эвелин смягчился. Она коснулась его руки.

— Я нашла немного метилпреднизолона для снятия воспаления, но это все, что у нас есть. Мне очень жаль.

После многих лет, когда его тело работало как хорошо смазанная машина — мощное, эффективное, динамичное, способное — он, наконец, испытал последствия своих действий. Наказание, которому подверглось его тело.

Лиам понимал риски. Он знал, что разрушенные диски в его позвоночнике в конце концов не выдержат.

Его личность состояла в его способности стрелять, ранить, убивать других людей с точностью и аккуратностью.

Он был солдатом.

Овчарка, стоящая между волками и овцами.

Кем он стал теперь? Кого он мог защищать или оберегать?

И все же. Несмотря на то, что он чувствовал себя разбитым, он смирился с этим. Он знал, как ему повезло.

У него не прекращался поток посетителей. Ханна почти не отходила от него. Бишоп тоже постоянно приходил. Квинн, Майло и Шарлотта часто бывали рядом, а также Тревис, Эвелин и маленький ЭлДжей.

И Призрак. Верный пес постоянно дежурил у его кровати днем, охраняя Ханну ночью и возвращаясь в комнату Лиама каждое утро.

Когда-то Лиам отгородился бы от них и замкнулся в одиночестве. Теперь он стал другим человеком.

Он получил тяжелый урок, но он научился.

Впуская в свою жизнь людей, ты не становишься слабым, ты становишься сильнее.

Даже в самые тяжелые моменты своих страданий он находил утешение в их присутствии. Ханна и Шарлотта, ЭлДжей и Майло. Квинн, Бишоп и Призрак. Тревис и Эвелин. Рейносо и Перес.

Его люди. Его семья.

Они нужны ему больше, чем кислород. Больше, чем Лиаму нужно вообще что-либо — даже его ноги.

Глава 73

Лиам

День сто двадцать первый

— Я сломан, — тяжело сказал Лиам.

Ханна сидела на кровати, ее бедро упиралось в его бедро. Он не мог этого почувствовать.

— Лиам.

Страх сжал его горло. Он ждал этого разговора. Прошло шесть дней без чувств, без движения, без ничего.

Лиам полулежал на той же чертовой кровати в той же чертовой позе, его ноги превратились в куски свинца.

Близился вечер. На стойке горела керосиновая лампа, окутывая импровизированную больничную палату теплым золотистым светом.

— Я должен это сказать, — произнес Лиам задыхающимся голосом. — Ты не обязана мне. Ты должна быть свободна... счастлива. Я, возможно, никогда больше не смогу ходить, не говоря уже о том, чтобы сражаться или...

Ханна приложила палец к его губам.

— Ты думаешь, я люблю тебя, потому что ты можешь убить человека двадцатью разными способами?

— Эта мысль приходила мне в голову.

Она взяла его свободную руку, просунула свои скрюченные пальцы между его и сжала.

— Я люблю тебя, Лиам Коулман. Я люблю все, что ты есть. Все. Я принимаю это все.

Он посмотрел вниз на их соединенные руки в свете лампы. Поднял глаза и встретился с ее твердым, невозмутимым взглядом.

Ханна подняла свою деформированную руку, все еще держа его ладонь, и сказала:

— Сломанное меня не пугает.

Затем она легла, прижавшись к нему на тесной койке. Она прижалась щекой к его

грудь, а он обхватил ее рукой и притянул к себе.

За всю его жизнь Лиам не чувствовал ничего более правильного, более истинного.

Что бы ни ждало его в будущем, какие бы радости и печали ни выпали на его долю, пока Ханна рядом с ним, Лиам встретит их с гордо поднятой головой.

— Ты все еще здесь, — сказала Ханна. — Ты все еще пытаешься. Вот что важно.

Возможно, она права. Может быть, правы именно те мужчины и женщины, которые решили продолжать идти вперед, независимо от того, какая катастрофа или мучения обрушились на них. Через мрачные и безнадежные ночи, через преследующие кошмары, через каждый шторм.

Быть открытым, настоящим и нужным — найти причину для улыбки перед лицом отчаяния.

Может быть, такой человек и был настоящим героем.

Глава 74

Лиам

День сто двадцать второй

На седьмой день пребывания Лиам в медицинском отделении к нему пришел его старый друг Чарли Гамильтон.

Гамильтон даже не растерялся. Все тот же общительный и веселый солдат, которого он помнил по совместным операциям в Сирии, Афганистане и Ираке.

— Я надеялся, что пытки облагородят твою внешность, — сказал Гамильтон с широкой ухмылкой. — Жаль огорчать, но тебе не повезло, друг мой.

Лиам хмыкнул.

— Извини, что не смог тебе угодить. У меня были более неотложные дела.

— Например, спасение твоего города? Всего Мичигана? Я знаю, знаю. Некоторые парни — прямо-таки жаждут славы.

— Ты пришел сюда только для того, чтобы оскорбить меня?

Гамильтон расхаживал по комнате, как лев в клетке, весь напряженный, полный энергии.

— Как бы мне ни было противно смотреть на твою уродливую рожу, я подумал, что вы, ребята, заслуживаете новостей.

— Пришло время узнать хорошие новости, — сказал Бишоп.

Гамильтон посмотрел на Ханну и Бишоп, которые сидели по обе стороны от Лиамы.

— Рад, что вы двое здесь, чтобы услышать это.

Бишоп уговорил Лиаму сыграть в «Монополию», и тот проигрывал. Сильно. Шарлотта сидела на коленях Ханны и пыталась схватить карты из ее рук, чтобы погрызть.

— Ты спас наши задницы, — заявил Бишоп.

Гамильтон усмехнулся и ткнул большим пальцем в Ханну.

— Это она рисковала, как Пол Ревир в полночь, чтобы донести до нас правду. Как только я сделал пару звонков нескольким друзьям в высших кругах, то смог подтвердить ее оперативную информацию.

Ханна посмотрела на Лиаму, ее губы сжались.

— Я чуть не опоздала.

— Черт, все, что удается сделать, делается вовремя. — Гамильтон запнулся, чтобы окинуть Лиаму взглядом. Его взгляд зацепился за неподвижные ноги Лиамы, два комка под

одеялом.

По его лицу прошла тень — мелькнула грусть, сожаление, а затем все исчезло.

— Повезло, что этот бульдог попал к генералу Синклеру, иначе у этой истории мог бы быть совсем другой конец.

— Когда появилась Национальная гвардия, они не напали, — отметил Бишоп. — Если бы они напали, мы бы погибли.

— Они не напали, потому что Генерал не дал окончательного распоряжения. Оказалось, что Лиам уже превратил его в подушку для булавок. Большинство солдат испытывали двойственные чувства. Им тоже казалось, что это неправильно. Они с большим облегчением отступили, а потом оставалось только передать истинное положение дел по цепочке командования.

Отряд Гамильтона вступил в бой против Синдиката и сумел убедить перейти на свою сторону пятьсот гвардейцев Генерала. Совместными усилиями с Фолл-Крик и Общественным альянсом Гамильтон начал организованный штурм.

За час они разгромили Синдикат.

Разбитые, но не уничтоженные, остатки армии По отступили через границу и вернулись в Иллинойс зализывать раны.

— А По? — спросила Ханна.

Гамильтон продолжил шагать.

— Половина их бронетехники уничтожена. По меньшей мере четыре сотни убиты гвардейцами. Покалеченные, они не будут пытаться атаковать еще какое-то время. Я не собираюсь давать им еще один шанс.

— Кто теперь главный в Лансинге? — спросил Лиам.

— По мнению властей, губернатор Даффилд был убит. Генерал Синклер приложил к этому руку, мы в этом уверены. Государственный секретарь, Лорен Юбэнкс, на прошлой неделе была приведена к присяге в качестве нового губернатора Мичигана.

Бишоп нахмурился.

— Я не так много о ней знаю.

— Я тоже. Но у нее отличный выбор руководства. — Он остановился у изножья кровати Лиамы, широкая ухмылка расплылась по его лицу, и отвесил поклон до пояса. — Перед вами недавно получивший звание подполковника и исполнительный офицер Мичиганской оперативной группы.

Лиам улыбнулся.

— Лучшего кандидата и придумать нельзя. Хорошо, что они не назначают на должность исходя из внешности.

Гамильтон проигнорировал его.

— Губернатор Юбэнкс, она умна. У нее хорошая голова, насколько я могу судить. Способная и решительная. И чертовски зла на генерала Синклера, который слетел с катушек. Возможно, она даже посетит Фолл-Крик, чтобы лично извиниться. Но у меня такое чувство, что у нее сейчас куча дел, включая наведение порядка в том бардаке, который оставил после себя Даффилд.

— Мы не получали никакой помощи от правительства со времен Коллапса, — сказала Ханна. — Думаешь, она будет другой?

— Она заверила меня, что ее приоритет — охрана мичиганской границы и защита сельских округов, чтобы они могли посадить урожай и начать заниматься сельским

хозяйством. И это не просто пустые слова. Она вкладывает свои деньги туда, где находится ее рот.

— Она перебрасывает часть войск из Детройта из 1-го батальона 119-го полка полевой артиллерии. Они сертифицированы по программе MORTER — у них есть минометы, и они знают, как ими пользоваться. В нашем распоряжении будет несколько усиленных беспилотников. Минометы и артиллерия. Полдюжины «Черных ястребов». Губернатор приказала мне вступить в бой с силами По и уничтожить его с лица земли с особой жестокостью.

Облегчение захлестнуло Лиаму. Это лучшие новости, которые он слышал за долгое, долгое время.

— Это фантастика, — просияла Ханна.

— Еще лучше то, что я командую Юго-Западным Мичиганом. — Он подмигнул Лиаму. — Ты будешь видеть меня гораздо чаще, красавчик.

Лиам фыркнул.

— Не могу дождаться.

— Как она планирует кормить всех этих солдат? — спросил Бишоп.

Гамильтон небрежно пожал плечами.

— Это выше моих полномочий. Но я считаю, что все, что она сделает, будет справедливо и разумно. Она прошла мой «детектор лжи». А Лиам, ты знаешь, что у меня он отличный.

— Раз уж ты сам так часто это делаешь.

Гамильтон усмехнулся.

— Виновен.

Шарлотта потянулась за карточками в руках Ханны, подпрыгивая и радостно гукая. Ханна попыталась отодвинуть их подальше от ребенка, но Шарлотта выхватила одну карточку и с энтузиазмом замахала ею.

Бишоп начал отвлекать ее одной из своих красочных, сверкающих и подходящих для ребенка игрушек, но она его игнорировала.

Гамильтон скорчил глупую рожицу, и она разразилась хихиканьем.

— Видишь? Даже ребенок знает, какой я замечательный. — Он взглянул на часы, затем осмотрел шкафы, заваленные медицинскими принадлежностями, столы и стулья, задвинутые в углы. — Новый губернатор выступает со своей первой речью о положении дел в штате. У вас есть поблизости радио?

— У Аннет есть в кабинете директора. — Бишоп достал беспроводной радиоприемник и поставил его на стойку. Гамильтон повозился с ручкой.

Экстренная передача, которая крутилась последние четыре месяца, больше не повторялась. Вместо этого комнату заполнил сильный, уверенный голос нового губернатора.

— ...Когда правительство подвело вас, вы упорно трудились, чтобы спасти себя. Вы добились многого. Вы выжили. Пока мы не пройдем через это, я намерена сделать все возможное, чтобы поддержать суровый неутомимый дух, который определяет всех нас как американцев. Я сделаю все возможное, чтобы защитить вас, чтобы вы могли продолжать упорно трудиться, заниматься сельским хозяйством, ловить рыбу, охотиться и иным образом кормить свои семьи.

— Я могу пообещать, что всегда буду честна. Я не буду лгать вам. Этот кризис будет длиться не один сезон и даже не один год. Пройдет несколько лет, прежде чем снова

заработает часть энергосистемы или восстановится национальная система снабжения. Мы сплотимся. Мы выстоим. И вместе мы разберемся с этим...

Как только выступление закончилось, Гамильтон выключил приемник.

— Неплохо, правда?

— Все равно она говорит, как политик, — не впечатлился Лиам. Но с другой стороны, он вообще терпеть не мог никаких политиков.

Гамильтон просиял.

— Ты прав. Но я думаю, мы нашли себе единорога — политика, который искренне заботится о своих избирателях. А вы знаете, что говорят о единорогах.

Лиам закатил глаза. Это единственная часть его тела, которая не болела и не онемела.

— Подполковник Гамильтон, — обратилась Ханна.

— Пожалуйста, зовите меня Чарли. У вас есть на это право.

Она наградила его лучезарной улыбкой.

— Тогда Чарли. Генерал сказал Лиаму, что ЭМИ-атака начала Третью мировую войну. Мир находится в состоянии войны, а наше правительство скрывает это от нас. Это правда?

Гамильтон хрустнул костяшками пальцев, помолчав мгновение.

— До сих пор это были слухи и сплетни. Правительство скрывало информацию обо всем этом, но, наконец, она становится известна.

Он вздохнул.

— Вот что я знаю. Россия и Китай вступили в сговор, чтобы напасть на нас. Они планировали ослабить нас с помощью ЭМИ, а затем высадить войска и уничтожить наш народ. Россия просто хочет уничтожить нас; Китай хочет уничтожить нашу политическую власть и навсегда оставить в прошлом.

— Все наши военные силы, размещенные вне зоны действия ЭМИ, сконцентрировались на Ближнем Востоке. Мы стерли Иран с лица земли. Весь мир пострадал. Никто официально не назвал это Третьей мировой войной, но роза — это роза как ее не назови.

— Или дымящаяся куча коровьего навоза, — проворчал Лиам.

— И это тоже. — Гамильтон снова пожал плечами. — К сожалению, у меня нет больше подробностей, кроме этого.

Ханна покачала головой, не находя слов. Несколько минут никто не разговаривал.

— Мы побеждаем? — спросил Бишоп.

— Мы победим, — серьезно ответил Гамильтон, в его голосе не слышалось ни радости, ни удовлетворения, — но какой ценой?

Лиам представил себе целую страну, разрушенную ядерными боеголовками — города превратились в руины, автомобили расплавились, миллионы тел сгорели в одно мгновение. Полное уничтожение во время войны за Америку, происходящее на другом континенте.

Повсюду страдали люди.

— Мы уже заплатили, — произнес Лиам.

— Ты прав. — Гамильтон снова посмотрел на часы. — Я скоро снова зайду. Оказывается, чтобы Мичиган не заполонили бандиты, нужно работать полный рабочий день. Кто бы мог подумать?

Бишоп пожал руку Гамильтону.

— Спасибо за все, что ты сделал, Чарли.

Гамильтон кивнул. Он подмигнул Шарлотте и отдал честь Лиаму.

— Будьте бдительны, друзья.

— Всегда, — ответил Лиам.

Бишоп проводил подполковника.

Когда они ушли, Ханна повернулась к Лиаму.

— Что ты думаешь? О том, что там происходит.

— Так было всегда, — просто сказал он. — Те, у кого есть власть, борются за большее, уничтожая невинных в процессе. Это происходит везде — в Венесуэле, Ираке, Сирии. Наша задача — выжить здесь и сейчас, перехитрить и пересилить врагов у двери, а не за океаном. Наши военные справятся с ними, в этом я не сомневаюсь.

— Ты прав. — Ханна наклонилась к нему, в ее взгляде светилась сила. — Наш мир здесь. Все здесь. Все, что имеет значение.

Лиам не отвел взгляд.

— Я знаю.

Глава 75

День сто двадцать третий

В эту ночь Лиам впервые за десять лет спал спокойно. Никаких кошмаров. Никаких снов.

На восьмой день боль вернулась с новой силой.

Словно тысячи игл пронзили его плоть. Расплавленная лава вливалась в его позвоночник. Ледоруб пробивал каждый позвонок.

На девятый день он смог подергать пальцами ног.

На десятый день он мог двигать лодыжками.

На одиннадцатый день он мог встать с кровати с помощью трости Молли.

Боль была чудовищем — постоянным, живым существом внутри него, пожирающим его заживо. Его нервы словно горели. Ноги, превратившиеся в бетонные блоки, волочились за ним. Лиаму приходилось прилагать невероятные усилия к каждому вымученному шагу.

Не имея доступа к высококлассным рентгеновским снимкам, МРТ, КТ и другим тестам Эвелин не могла подтвердить, насколько необратимы его травмы и сможет ли он восстановить подвижность с помощью месяцев реабилитации.

— Все в руках Божьих, — сказала она ему. — И в твоих. Что-то подсказывает мне, что если кто-то и сможет оправиться после такого, то только ты.

Лиам намеревался чертовски хорошо постараться.

Он сунул руку в карман и нащупал комочек вязания, сомкнул пальцы вокруг крошечной шапочки. Подумал о своем брате-близнеце. И о Джессе. О том, как он привез племянника домой.

Он сделал несколько хороших вещей в своей жизни. Сдержал несколько обещаний.

Его грудь трепетала от силы его любви и его решимости. Он повержен, но не сдался.

Вовсе нет.

Глава 76

Ханна

День сто тридцатый

Отец Лютера умер во сне.

Ли предупредил Ханну, что его время подходит к концу. Она сидела у постели старика, держала его за руку и разговаривала с ним, пока его слабое сердце не сдавалось, а дыхание

делалось все более затрудненным.

Она рассказала ему, как Фолл-Крик был спасен, как его сын искупил свою вину, пожертвовав своей жизнью ради жизни Лиама.

Джеймс Лютер погиб как герой.

— Надеюсь, он знал, что я горжусь им, — прохрипел старик.

— Я уверена, что знал, — сказала Ханна и сжала его дрожащую руку. — Он точно знал.

В двадцать два пятнадцать второго мая, через две недели после сына, он умер в спокойствии, с выражением удовлетворения на иссохшем лице.

После этого Ханна позвонила брату по радиоприемнику Дейва.

— Мне просто нужно было услышать твой голос.

— Рад слышать тебя, сестренка, — ответил Оливер, его голос прозвучал одновременно близко и далеко. — Забавно, но я думаю, что за последние две недели скучал по тебе больше, чем за последние пять лет. Наверное... наверное, я не понимал, насколько одиноко здесь бывает.

— Приезжай в Фолл-Крик, — предложила она. — Я хочу, чтобы ты приехал. Я хочу, чтобы ты познакомился с моей семьей.

Он колебался мгновение. Она ждала, сердце замирало в горле.

— Это долгое путешествие. И опасное.

— Это место — оно особенное. Мы делаем больше, чем просто выживаем. Я хочу этого и для тебя.

— Хорошо, — согласился ее брат. — Я приеду. Я приеду к тебе.

Ханна закрыла глаза и прошептала молитву благодарности.

— Это займет у меня некоторое время, — сказал Оливер. — Чтобы собрать припасы. Запасись бензином и проложить самый безопасный курс.

— Не торопись, Оливер. — Она улыбнулась про себя. — Мы никуда не денемся.

Глава 77

Ханна

День сто тридцать первый

На следующий день они приостановили весеннюю посевную, чтобы похоронить тех, кто отдал свои жизни за Фолл-Крик.

Среди них был и Джеймс Лютер. Роберт Винсон и Даллас Чепмен отдали свои жизни в последней битве. И Молли, которая спасла Квинн и маленького Джоуи. Все они были героями.

На похоронах Ханна пела, чисто, звонко и проникновенно, ее голос заполнял все пустое пространство, поднимался над деревьями и взмывал в небо, все выше и выше к небесам.

Бишоп произнес слова памяти, ободрения и надежды. Все принесли полевые цветы, чтобы украсить могилы. Квинн раскрасила кресты в оттенки яркой зелени, коричневого и голубого — цветы, лианы, деревья и извивающиеся реки. Это было прекрасно.

После этого они отправились в дом Молли и установили на заднем дворе походные стулья и складные столы, принеся с собой множество еды, которую они вырастили своими руками.

Они оплакали свои потери. Теперь пришло время для благодарности. Благодарить и праздновать жизнь. Ценить всех и каждого, кто у них еще есть.

Май выдался чудесным. Цветы распустились повсюду за одну ночь. Хрупкие, росистые

ароматы жасмина и лилий наполняли теплый воздух. Белые пушистые облака плыли по кобальтово-синему небу, словно потоки сахарной ваты.

Не все могли наслаждаться праздником. По-прежнему оставались патрули и часовые. Два поверженных врага не гарантировали, что их не будет больше.

Будут.

Позже Ханна и Дейв обойдут всех дежурных и принесут тарелки с кукурузным хлебом, политым медом, знаменитый чили Молли, салат с помидорами и картофель, посыпанный розовой гималайской солью.

Мик Селлерс нашел материалы, чтобы Джамал мог починить ретрансляционные станции, и они восстановили связь с Общественным альянсом и близлежащими городами.

День торговли на молодежной ярмарке округа Берриен снова назначили на следующую пятницу. У Ханны на продажу имелось много соли.

Ходили слухи о том, что в Вирджинии снова курсируют паровозы, взятые из музеев. Недалеко от города больница Лейкленда приобрела промышленный дизельный генератор и могла обеспечить электроэнергией пару операционных и несколько коек интенсивной терапии.

Лист ожидания был длинным, но Гамильтон пообещал внести Лиама в список, чтобы отблагодарить его за жертву ради общего блага. Он будет работать над получением места для Майло, чтобы тот мог получать больше лекарств.

Кроме того, Национальная гвардия пригнала хорошо охраняемый бензовоз для раздачи бензина местным правоохранительным органам и медицинским подразделениям. Это тоже дело рук Гамильтона.

Джамал и Тина перезапустили несколько солнечных батарей в «Винтер Хейвене». Они перетащили несколько ржавых ветряков с ферм и свадебных амбаров, восстановив их для работы холодильников, стиральных машин или обогревателей.

У них было рабочее сельскохозяйственное оборудование, генераторы, дополнительные средства связи.

Даже посреди печали есть за что быть благодарным.

Майло подключил айпод к старой колонке и включил их с Квинн любимую рок-классику 70-х и 80-х годов. Звучали песни Queen «*We are the Champions*», Journey «*Don't Stop Believin*» и Брюса Спрингстина «*Born to Run*».

Ханна глубоко вдохнула, позволяя музыке заполнить ее чувства, погрузиться в нее и закрутиться в ее венах. Как же она скучала по музыке. Когда-то она была ее частью, и снова станет.

На другом конце двора Бишоп держал на руках ЭлДжея, а Тревис прижимал к себе спящую Шарлотту. Они разговаривали с Дейвом о том, что собираются совершить набег на местные пивоварни и винодельни в поисках деталей для создания собственных заводов.

Дейв хотел получить больше самогона, а Бишоп хотел, чтобы Фолл-Крик контролировал производство собственного биотоплива. Они встречались с Доминик Уэст, которая согласилась научить их делать его самостоятельно.

Ханна осмотрела двор. Коза Молли — теперь по умолчанию Ханны — бродила вокруг, звеня ошейником, блеяла и жевала траву. Дети играли в пятнашки, гоняясь друг за другом вокруг кучки взрослых, которые болтали и смеялись, пили и ели.

Со своего царственного трона на заднем крыльце Призрак взирал на них снисходительным взглядом. Он зевнул, сверкнув черными желваками, затем перевалился на

бок и неторопливо растянулся в луже солнечного света. Вдохнув с наслаждением, пес закрыл глаза.

Тор, Один и Локи свернулись калачиком на разных частях его тела. В этот раз Валькирия не охотилась. Она чинно сидела на одном из стульев во внутреннем дворике, подергивая хвостом, наблюдая, как все топчут ее любимый участок травы.

— Что обо всем этом подумала бы Молли? — спросила Ханна.

На секунду Квинн напряглась. Затем слегка улыбнулась, скорчила гримасу и закатила глаза.

— Она бы кричала, чтобы все убиралось с ее лужайки.

Ханна улыбнулась. Через мгновение Квинн тоже широко улыбалась.

А потом они смеялись, воздух стал светлее. Их усталые души стали немного свободнее.

— Вот. — Квинн держала в руках несколько пакетов, завернутых в рождественскую оберточную бумагу и скрепленных маленькими полосками скотча.

Квинн выглядела как обычный подросток — почти. Рваные джинсы, черные боевые ботинки, безразмерная футболка *AC/DC*, черные волосы, в которых виднелись слабые нити синего цвета.

Ее AR небрежно висела через плечо, карамбит на поясе. Синяки давно исчезли, кроме неровного шрама, пересекающего нижнюю губу.

Другие девушки, возможно, испытывали бы ужас или стыд, но Квинн носила его, как почетный знак.

Она изменилась и осталась прежней. Более тихая, сдержанная, более зрелая. В ее глазах появилась мудрость, с трудом обретенная в тяжелых испытаниях.

Она протянула Майло пакет.

— Для тебя, Мелкий.

Лицо Майло засветилось.

— Я люблю подарки!

— Я догадывалась.

Майло развернул рогатку Квинн. Также в комплекте шли защита для запястья и пакетик с шариками из стали 1/8.

Глаза Майло стали круглыми, как мячики для гольфа. Он запрыгал, его кудри развевались, Майло улюлюкал от восторга.

— Это мне?

— Я не вижу здесь другого сопливого ребенка по прозвищу Мелкий, а ты?

— Не-а! Только я!

— Кроме того, я нашла последнюю банку арахисового масла за ведром муки в тайном логове бабушки. Я собиралась обменять ее, но потом подумала, что ты захочешь сначала попробовать...

— Да, черт побери, хочу! — радостно согласился Майло.

— Следи за языком, — хмыкнула Ханна, сдерживая смех.

Квинн сузила глаза.

— Никакого арахисового масла для тебя, пока не попадешь в яблочко. Эта рогатка — оружие. С ее помощью ты сможешь поймать белок и птиц, а если понадобится, то и выбить глазное яблоко плохому парню. Важно знать, как ею пользоваться. Это означает обучение. Я научу тебя. И я оставлю флешетты у себя, пока ты не будешь готов их использовать. Цитируя одного известного философа: «С большой властью приходит большая ответственность».

— Это из «Человека-паука»!

— Супергерои тоже могут делиться мудростью, Мелкий.

Майло умоляюще посмотрел на Ханну.

— Мама? Можно? Она научит меня быть классным стрелком из рогатки?

— Я почти уверена, что если скажу «нет», то получу бунт, так что у меня нет особого выбора, да?

Майло восторженно вскинул кулак.

— Да!

Квинн усмехнулась. В ее лице застыла грусть, но немного прежней искры вернулось. В ее глазах горел огонек, который не хотел гаснуть.

— С Квинн у руля, что может пойти не так? — спросил Лиам у них за спиной. С каждым шагом он опирался на свою трость, боль пронизывала его суровое лицо.

Квинн закатила глаза.

— Это попытка пошутить, Росомаха? Если да, то продолжай стараться.

Лиам доковылял до Ханны. Она обняла его за талию и прислонилась головой к его плечу.

Майло засунул рогатку и патроны в карман комбинезона и открыл второй подарок Квинн. В простой деревянной рамке находился изящно выполненный углем портрет Ноа Шеридана.

Потрясенный, Майло благоговейно держал его в обеих руках, глядя на изображение отца так, словно мог его впитать.

Квинн изобразила Ноа в его лучшем виде — взъерошенные светлые волосы и точеная челюсть, глаза блестят в восторге, он улыбается, веря, что мир настолько хорош и совершенен, насколько он хочет его видеть.

Не говоря ни слова, Майло помчался к их дому, чтобы положить подарок в свою комнату, среди своих самых ценных вещей.

Орео громко заверещала и помчалась за ним. Коза начинала думать, что она человеческий ребенок.

— Он говорит «спасибо». — Ханна закатила глаза. — Манеры. Можно подумать, его воспитывали волки.

— Я, хм, сделала рисунок и для тебя тоже. — Квинн протянула последний подарок со смущенным выражением лица. Два красных пятна стеснения появились на ее щеках, но она сияла.

Второй рисунок. На этом рисунке Шарлотта Роуз изображена новорожденной — ее розовые губы, яблочные щечки, пушистая кожа и ракушки ушей.

Квинн начала работу над рисунком через несколько дней после возвращения Ханны в Фолл-Крик, когда Шарлотте было всего несколько недель. Она уже так выросла.

У них не осталось ничего, напоминающего о тех первых днях.

А теперь есть.

Эмоции переполняли грудь Ханны.

— Это... это прекрасно, Квинн.

Квинн покраснела.

— У тебя есть дар, Квинн, — сказала Ханна. — Воистину. Такие вещи нужны нам не меньше, чем пули и пластыри.

Квинн уткнулась ботинком в траву, внезапно застеснявшись.

— Бабушка говорила что-то в этом духе. Но для выживания никому не нужны уголь и бумага.

— Ты будешь удивлена, — заметил Лиам.

— Я представляю, как люди обмениваются рисунками своих близких, — поддержала его Ханна. — У большинства из нас больше нет фотографий, только воспоминания. А воспоминания тускнеют.

В глазах Лиама мелькнула тень, напоминание обо всем, что он потерял.

— Я буду твоим первым клиентом.

— Договорились. Но с трудных клиентов я беру дополнительную плату. — Квинн одарила его дьявольской ухмылкой. — С тебя двойная цена.

Лиам вымученно улыбнулся.

— Ты торгуешься не по-детски.

Она усмехнулась в ответ.

— Это апокалипсис. Девушка вынуждена делать то, что требует жизнь.

Глава 78

Ханна

День сто тридцать первый

Ханна наблюдала, как Майло вернулся во двор Молли. Он пронесся по крыльцу, перепрыгнув через храпящего большого пира и нарушив дремоту Локи на спине Призрака.

Кот недовольно мяукнул, а затем вернулся в свое меховое гнездо.

Майло плюхнулся на крыльцо рядом с Призраком и почесал его пушистую голову. Не открывая глаз, Призрак заскулил, поджав хвост в сонном удовлетворении.

Ханна сжала руку Лиама.

— Я сейчас вернусь.

— Я никуда не уйду, — ответил он.

Ханна пробралась через толпу соседей и друзей, и села на ступеньки крыльца рядом с Майло.

— Мы можем поговорить минутку?

— Конечно, мам.

— У нас все в порядке?

Майло почесал нос.

— Что ты имеешь в виду?

Она наклонилась и убрала с его лба непокорные кудри. Очертания его лица менялись, удлиняясь и утончаясь. Под исчезающим детским жирком ее сына вырисовывалась версия лица Ноа.

Ханна по-прежнему пела ему на ночь, хотя иногда он просил рассказывать истории Квинн или Лиама. Лиам оказался удивительно хорош в этом деле, его голос звучал глубоко и проникновенно. Он добавлял характерные детали к воображаемым сценам сражений, которые Майло поглощал как арахисовое масло.

— Ты и я, — сказала она. — Я провела с тобой не так много времени, как хотелось бы.

— Ты занималась спасением мира.

— Ты и есть мир. Мой мир.

Она изучала цвет его лица, взлет и падение его груди, кожу под глазами, всегда проверяя признаки проблем с надпочечниками.

Его лекарств хватит еще на несколько месяцев. Им нужно будет найти больше или сделать больше.

Всегда есть чем заняться.

— Я хочу убедиться, что ты это знаешь. Что с тобой все в порядке.

— Да. — Майло наклонил голову и закусил нижнюю губу, словно сосредотачиваясь. —

Я в порядке.

Она обняла сына, вдыхая его сладковатый мальчишеский запах. Он обхватил ее шею своими худыми руками и обнял ее в ответ.

— Я сказал Квинн, что поделюсь тобой, — прошептал он ей в кожу головы, его дыхание обжигало ее ухо. — Ты ведь можешь быть мамой для всех нас троих?

Ханну пронзила дрожь. Смесь грусти, радости и яростной гордости.

— Это отличная идея.

— Могу я сказать ей, что мы ее удочерили?

— Конечно. Я думаю, из тебя получится фантастический младший брат.

Она почувствовала его ухмылку на своей щеке.

— Вызов принят. И еще, как думаешь, ей понравится змея в ее постели?

— Зная Квинн, она, вероятно, не будет против.

Весело смеясь, Майло оторвался от нее и бросился бежать. Он свистнул Призраку.

— Пошли, мальчик!

С недовольным ворчанием Большой Пир поднялся на ноги и стряхнул с себя кошек. Они разбежались, издавая яростную какофонию кошачьих воплей.

Не обращая внимания на их возмущенные шипения, Призрак зашагал за своим парнем, его величественный белый хвост струился за ним.

Он хромал. Но он по-прежнему оставался Призраком.

Затем зазвучала песня Элвиса Пресли «*Can't Help Falling in Love*».

— Это любимая песня Квинн! — воскликнул Майло.

— Нет, — проворчала Квинн.

Он подскочил, схватил ее за руку и сверкнул заразительной ухмылкой.

— Потанцуй со мной! Да-а-а-вай?

Квинн бросила на Ханну беспомощный, страдальческий взгляд.

Ханна махнула рукой.

— Развлекайся.

— Это даже не в шкале веселья! — Она закатила глаза от отвращения, как может только подросток. Затем дьявольски улыбнулась, схватила Майло за руки и закружила его по кругу, а потом танцевала с ним медленный танец, пока он вскрикивал и заливался смехом.

Когда певучий голос короля заполнил поляну, Джонас поднялся и пошел по траве через кольцо походных стульев к Квинн и Майло.

Лицо его покраснелось, он потрепал Майло по плечу.

— Могу я вмешаться и поговорить с леди?

— Леди? — Квинн фыркнула. — Какой леди?

Майло отступил назад, галантно поклонившись.

— Конечно, добрый сэр!

Взволнованный взгляд Квинн метался от Джонаса к Майло и обратно.

— Что ты делаешь?

Джонас ухмылялся от уха до уха.

— Могу я пригласить тебя на танец?

Квинн в замешательстве пробормотала полубессвязный ответ.

— Думаю, это «да». — Джонас взял Квинн за руку.

На секунду показалось, что она может стряхнуть его руку. Или укусить его. Но вместо этого ее лицо приобрело столь же яркий оттенок красного, и ей удалось кивнуть.

Джонас замялся, внезапно занервничал, не зная, что делать. Закатив глаза, Квинн положила свои руки поверх его и положила их себе на талию. Они оба ухмылялись, как чеширские коты.

Ханна сдерживала смех, пока они танцевали, неловко, но мило. Это очень хорошо. Квинн нуждалась в радости в своей жизни. А Джонас был добрым; он хорошо ей подойдет.

— Я ни за что это не пропущу. — Глаза Рейносо вспыхнули озорством. Он покрутился и поискал кого-то в толпе. — Перес?

Саманта скрестила руки на груди и непреклонно покачала головой.

— Даже не думай об этом.

Рейносо пошатнулся, выглядя разочарованным. Но он быстро пришел в себя.

— Бишоп! — крикнул он сквозь шум разговоров, музыки и смеха. — Ты мне нужен!

Бишоп, который все еще увлеченно беседовал с Тревисом, полуобернулся. На нем была ярко-фиолетовая гавайская рубашка, усыпанная желтыми ананасами.

— Что?

Рейносо усмехнулся и поманил Бишопа.

— Потанцуй со мной!

Бишоп передал ребенка Эвелин и подмигнул.

— Разве можно устоять перед таким предложением?

Все смеялись, когда два грузных мужчины весело танцевали, дурачась, как подростки, сталкиваясь друг с другом и хохоча, наступая друг другу на ноги.

Когда из динамиков зазвучала песня ABBA «*Dancing Queen*», остальные тоже встали, включая Дейва и Аннет. Они двигались под музыку, греясь в лучах солнца и выпитывая этот редкий момент покоя.

Ее желудок подрагивал. Сердце бешено колотилось, во рту пересохло, но она жаждала не воды.

Ханна повернулась к Лиаму и протянула руку. Он положил трость Молли на стоящий рядом складной стул и сделал нерешительный, осторожный шаг.

А потом нерешительность исчезла, и он заключил ее в объятия. Ханна прильнула к нему. Они шаркали, сначала неловко и неуклюже, потом нашли свой ритм. Ханна и Лиам танцевали под звуки легендарного голоса Стива Перри, сливающегося со звонкой гитарой и мягким звучанием фортепиано. «Я навсегда твой...»

Лиам взял ее руку и просунул свои сильные мозолистые пальцы меж ее деформированных пальцев. Он обхватил ее руку и сжал ее. Нежно, ласково.

Песня стихла, и зазвучала знакомая мелодия: U2 «*All I Want Is You*».

— У дедушки Квинн хороший вкус, — пробормотал Лиам ей в волосы. — Думаю, он в душе был безнадежным романтиком.

Ханна почувствовала, что он улыбается.

— А ты?

— Теперь да.

Он обнял ее, и она обняла его. Он был жив. Она тоже была жива.

У них есть больше, чем они когда-либо могли просить.

Через некоторое время Лиам сделал перерыв и направился к кулеру за стаканом воды, сильно хромая, но на ногах, двигаясь с медленной, но твердой решимостью.

Призрак рысью пересек двор и прижался мордой к боку Лиама, его пушистый хвост мягко вилял. Они выглядели так царственно, эти двое: раненые воины. Каждый их дюйм излучал силу, достоинство и доблесть.

Ханна смотрела на него, на мужчину, которого любила, и в ее груди что-то ярко вспыхнуло и заблестело. Она отошла назад и осмотрела двор Молли, принимая этих людей, которых так любила.

Когда-то она попала в ловушку, оказалась в изоляции, стала жертвой. Теперь она часть общества. Выжившая. Лидер.

Иногда разрушение одной вещи может стать рождением другой. Новой жизни, началом пути, свободы.

В середине зимы, с ее пронизывающим ветром и жестоким, шокирующим холодом, казалось, что весна никогда не наступит. Что весны вообще никогда не существовало. И что еще может быть, кроме этой огромной пустоши снега, льда и тьмы?

Но это ложь. Весна есть. И она придет.

Солнце вернулось, и под его питательным теплом весь мир раскрылся, как цветок, тянущийся к небу.

Надо только выстоять. Нужно держаться. Что бы ни ждало впереди, какие бы трудности и проблемы ни стояли перед ними, Ханна знала, что они их преодолению.

Они стали семьей.

Они все вместе.

И, в конце концов, разве это не главное?

Лиам оглянулся на нее через плечо. Медленная открытая улыбка озарила его черты, серо-голубые глаза сияли.

Ханна улыбнулась в ответ. И подняла лицо к солнцу.

Конец седьмой книги.